

ВЫСШЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Е.В. КРАСНИКОВА

ЭКОНОМИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

ЭКОНОМИКА

УЧЕБНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СП ОМЕГА-Л

Е.В. Красникова

**Экономика
переходного периода
Учебное пособие**

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
вузов России по образованию
в области экономики и экономической теории
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по направлению «Экономика»
и др. экономическим специальностям.*

УДК 330.342.17(075.8)
ББК 65.013.8я73
К 78

Рецензенты:

Л.Г. Ходов — профессор Всероссийской академии внешней торговли,

Н.П. Фигурнова — д-р экон. наук, профессор Всероссийского заочного финансово-экономического института (ВЗФЭИ)

Оформление серии Е. Филюцковой

Красникова, Евгения Васильевна.

К 78 Экономика переходного периода: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Экономика» и др. экон. специальностям/Е.В. Красникова. — М.: Омега-Л, 2005. — 296 с. — (Высшее экономическое образование). — ISBN 5-98119-366-2.

Агентство СІР РГБ

В пособии рассматривается основной круг проблем, порожденных трансформацией плановой экономики в рыночную. Среди всего многообразия институциональных преобразований решающее значение имеет преобразование тем или иным способом отношений социалистической собственности и становление новой системы экономических отношений, представленной различными формами индивидуального и совместного присвоения средств производства. Конкретизируются проблемы макро- и микроуровней экономического развития. В первом случае это — преодоление трансформационного спада и обеспечение устойчивого экономического роста путем осуществления структурной диверсификации народного хозяйства и достижения макроэкономического равновесия по рыночным критериям. Во втором — становление предприятий в сфере малого, среднего и крупного бизнеса по мере завершения раздела и передела объектов государственной собственности, перехода на рыночный механизм хозяйствования, преодоления собственниками стратегии выживания и перехода к стратегии экономического роста. В соответствии с законами рыночной экономики преобразуется деятельность государства как носителя общенациональных интересов.

Пособие адресуется студентам и аспирантам дневного, вечернего и заочного обучения, преподавателям экономических специальностей высших и средних специальных учебных заведений, а также всем, кто интересуется проблемами современной российской экономики.

УДК 330.342.17(075.8)
ББК 65.013.8я73

ISBN 5-98119-366-2

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Тема I. МЕСТО ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	12
1.1. Критерии периодизации экономической истории и место в ней переходной экономики	12
1.2. Основные черты переходной экономики и закономерности ее развития. Современные типы переходной экономики	18
1.3. Особенности переходного периода в постсоциалистических странах	24
1.4. Переходный период как процесс первоначального накопления капитала	27
Тема II. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПЛАНОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРИЧИНЫ ЕЕ КРИЗИСА.....	55
2.1. Социализм как система экономических отношений: особенности возникновения и функционирования	55
2.2. Противоречия социализма как противоречия общенародного присвоения средств производства.....	64
2.3. Безальтернативность движения постсоциалистических стран к рыночной экономике	76
2.4. Номенклатура — «могильщик» социализма	79
Тема III. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ СПАД КАК ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	88
3.1. Экономика переходного периода — экономика трансформационного спада	88
3.2. Трансформационный спад и экономический кризис: общие черты и различия.....	98
3.3. Факторы, определяющие глубину и продолжительность трансформационного спада в постсоциалистических странах	104

3.4. Противоречия финансовой стабилизации и экономического роста	115
3.5. Факторы роста в российской экономике на рубеже веков.....	119
3.6. Историческая миссия российского промышленного капитала	124

Тема IV. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ:

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ	128
4.1. Общие черты основных моделей рыночной трансформации	128
4.2. Особенности либеральной модели	133
4.3. Специфика градуалистской модели	139

Тема V. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ:

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ И ПРИВАТИЗАЦИЯ	152
5.1. Собственность как экономическая категория. Собственность и право	152
5.2. Формы собственности и их эволюция	158
5.3. Разгосударствление экономики при различных моделях реформирования. Приватизация государственной собственности, ее основные этапы и соответствующие им способы.....	159
5.4. Постприватизационный передел собственности и становление корпоративного управления	170
5.5. Особенности формирования предпринимательского слоя в России	175

Тема VI. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ

РЫНОЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	180
6.1. Становление финансовой системы и ее институтов в постсоциалистической экономике	180

6.2. Особенности взаимодействия реального и финансового секторов в переходной экономике России	186
--	-----

Тема VII. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ	192
--	------------

7.1. Макровоспроизводство как экономическое понятие. Концепция больших циклов конъюнктуры	192
7.2. Макроэкономическая несбалансированность постсоциалистической экономики: причины и основные формы проявления	198
7.3. Структурная диверсификация народного хозяйства — основа экономического роста	203

Тема VIII. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ	214
---	------------

8.1. Функции государства в плановой экономике	214
8.2. Государство в постсоциалистической экономике	225
8.3. Экономическая политика государства в переходный период	244

Тема IX. ПРЕДПРИЯТИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	257
---	------------

9.1. Преобразование государственного предприятия в рыночную структуру. Типы предприятий в российской экономике	257
9.2. Основные модели экономического поведения предприятий в переходной экономике	262
9.3. Кризис неплатежей: причины, последствия, пути преодоления	265
9.4. Особенности становления корпоративного управления	268

Тема X. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

АГГАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ПРОЦЕССЕ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 273

10.1. Специфика социалистических аграрных отношений 273

10.2. Преобразование отношений земельной собственности
и становление новых форм хозяйствования
в процессе рыночной трансформации.....281

10.3. Объективная необходимость и основные направления
государственной поддержки сельского хозяйства.....288

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 293

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА 295

«Пытаясь понять происходящее, я стремлюсь смотреть на это как бы со стороны. Хочу быть не «внутри», а «снаружи», наблюдать как бы извне. Только так можно сохранить объективность при изучении любого феномена общественной жизни. Поэтому что как только примыкаешь к какой-либо партии, немедленно искажается представление о целом».

Акад. Б. Раушенбах

Предисловие

Учебно-методическое пособие «Экономика переходного периода» предназначено для изучения одного из разделов «Экономической теории», предусмотренной Государственным стандартом для высшего образования, установленным Министерством образования РФ. В нем рассматриваются основные проблемы, раскрывающие содержание переходного периода экономик постсоциалистических стран и КНР. Выявляются основные черты и закономерности этого периода. Основное внимание уделяется российской экономике как классическому примеру, коль скоро родиной социализма оказалась Россия. Последний именно здесь прошел все этапы своего жизненного пути и «умер» естественной смертью под бременем накопленных им почти за три четверти века присущих ему социально-экономических противоречий. Этим обстоятельством во многом и предопределяется то, что переходный период именно на постсоветском пространстве оказался наиболее сложным, длительным, многогранным, болезненным, в полной мере выявившим присущие ему основные черты и закономерности. Особое место среди стран с переходной экономикой занимает КНР, где преобразования четко выраженного рыночного характера и поныне все еще

осуществляются под несколько утратившими свою притягательную силу социалистическими лозунгами. В качестве конечной цели провозглашено построение «социалистического планового рыночного хозяйства», а в качестве непосредственной цели — построение до 2020 г. общества «среднего достатка», концепция которого принята последним съездом КПК. И в этой связи раскрываются причины, породившие специфику преобразований, «подобных революций», предпринятых в стране еще на исходе 70-х годов.

Особенностью данного раздела курса «Экономической теории» является то обстоятельство, что он посвящен переходному периоду, не завершённому в большинстве постсоциалистических стран, вследствие чего не сложилось еще единой структуры и даже общепринятого названия данного раздела курса. А потому автор сосредоточил внимание на наиболее общих процессах, протекающих во всех постсоциалистических странах, направленных на преобразование плановой социалистической экономики в рыночную капиталистическую. В ходе этого преобразования в каждой из них формируется национальная модель, в равной мере регулируемая экономическими законами, присущими становящейся системе. С этой точки зрения наиболее адекватным представляется именно предложенное название, к тому же наиболее часто встречающееся. Интересно отметить, что именно такое название — «Экономика переходного периода» — имело и первое в стране учебное пособие по данному разделу, подготовленное авторским коллективом кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. Ломоносова еще на заре переходного периода, вышедшее в свет в 1995 г. Такое название, отражающее профиль проводимых в нем исследований, носит и научно-исследовательский институт, руководимый Е. Гайдаром. Наконец, важна и преемственность в отечественной экономической науке. Как известно, анализу трансформационных процессов, начавшихся в России после победы Октябрьской революции, была посвящена книга Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода».

К числу наиболее значимых проблем данного курса автор отнес следующие:

- прежде всего раскрывается содержание переходного периода как такового, определяется его место в экономической истории человечества, рассматриваются общие черты переходной экономики и закономерности ее развития, вскрываются особенности переход-

ного периода в постсоциалистических странах, обусловленные переходом к капиталистической рыночной экономике от социализма, не имеющим аналога в мировой истории;

- всестороннему анализу подвергается социализм как непосредственный предшественник вновь формирующейся системы уже вследствие того, что специфика переходного периода, переживаемого постсоциалистическими странами, во многом обусловлена их социалистическим прошлым, в связи с чем чрезвычайно важно проникнуть в тайну этого прошлого, тем более что непредвзятому научному осмыслению оно в полной мере еще не подверглось, а экономическая генетика столь же значима в жизни общества, как и биологическая — в жизни каждого человека. Уже вследствие этого именно социализмом в решающей мере предопределены основные направления преобразований, нацеленных на преодоление противоречий предшествовавшего развития, материализовавшихся в унаследованной от социализма макроэкономической структуре, как противоречий общенародной собственности. Последняя наделяла каждого члена общества статусом сособственника, утратой которого прежде всего и объясняется высокая социальная цена рыночной трансформации. Социализмом сформирован менталитет, во многом препятствующий адаптации широких слоев населения к рыночным отношениям;

- коль скоро во всех странах рыночная трансформация осуществляется путем проведения реформ, приобретает значимость анализ основных моделей реформирования, их происхождения, факторов выбора той или иной из них, поскольку каждая придает специфику основным направлениям, последовательности, темпам преобразований, хотя конечный результат оказывается одинаковым;

- особое внимание уделяется проблеме трансформационного спада уже вследствие того, что им сопровождались рыночные преобразования во всех постсоциалистических странах, в связи с чем выявляются причины такого спада, порожденного обстоятельствами предшествовавшего развития и углубленного переходным состоянием экономики;

- преобразование отношений социалистической собственности рассматривается в качестве наиболее значимого и существенного направления, не просто предопределяющего, но порождающего все остальные аспекты институциональных преобразований; непосред-

ственно к данной проблеме примыкает вопрос о специфике взаимодействия финансового и реального секторов национальной экономики в переходный период, состоящей в том, что институты финансовой системы на протяжении 90-х годов активно осуществляли накопление денежного капитала, подлежащего последующему превращению в промышленный в ходе денежного этапа приватизации и постприватизационного передела объектов собственности;

- весьма специфичны макроэкономические проблемы, среди которых важнейшая — глобальная реструктуризация народного хозяйства, направленная на преодоление унаследованных структурных и технологических дисбалансов, на диверсификацию экономики в соответствии с современными технологическими укладами. В этой связи выявляется особая роль государства как макроэкономического субъекта, в качестве такового выступающего носителем общенациональных интересов, в русло реализации которых и направляется им деятельность российского промышленного капитала по формированию макроэкономической структуры, оптимизируемой в соответствии с рыночными критериями эффективности;

- на микроуровне рассматриваются особенности становления экономических субъектов рыночной экономики по мере завершения раздела и передела собственности, по мере определения оптимальных размеров и организационных форм бизнеса, поиска наиболее привлекательных сфер приложения капитала, что способствует постепенной переориентации их экономического поведения со стратегии выживания на стратегию экономического роста;

- завершается курс изложением особенностей аграрных преобразований, особая сложность которых определяется унаследованной крайней даже по меркам социализма отсталостью сельского хозяйства при его чрезвычайной значимости с точки зрения состояния национальной продовольственной безопасности, отсутствием традиции частной собственности на землю в стране, наименьшей готовностью сельского населения к рыночному хозяйствованию в связи с утратой навыков к самостоятельному крестьянскому труду за десятилетия колхозно-совхозной жизни.

Таковыми представляются наиболее сложные и значимые проблемы данного раздела курса, хотя еще раз подчеркнем, что его структура не обрела окончательного вида, вследствие незавершенности переходного периода.

Цель пособия состоит в том, чтобы в процессе обучения понять всю глубину и сложность происходящих в переходной экономике процессов и явлений, объективную обусловленность последних экономическими закономерностями, выявляемыми в ходе исторического процесса, осознать внутреннюю логику развития, этими закономерностями предопределяемую, и тем самым уйти от упрощенных, вульгарных представлений, в свете которых новейшая российская история предстает материализацией грубых ошибок и просчетов, допущенных российскими реформаторами, даже если таковые и имели место. Неуважительное отношение к собственной истории есть следствие не аналитического, а поверхностного подхода к действительности, на преодоление которого и направлены в частности усилия автора.

Данный раздел курса на протяжении всего переходного периода читается на экономическом факультете МГУ им. Ломоносова, где было подготовлено не только первое учебное пособие («Экономика переходного периода», 1995 г.), но и последнее, изданное в 2003 году. Это учебно-методическое пособие «Теоретические проблемы переходной экономики» под ред. проф. В.В. Радаева, предназначенное для более продвинутого уровня обучения — теоретического семинара. Многолетнее чтение данного раздела курса, в том числе и автором этих строк, позволяет говорить о большом интересе студентов и аспирантов к изучению столь сложного и противоречивого процесса, каким является переходный период в постсоциалистических странах, к числу которых относится и Россия, не имеющий к тому же аналога в мировой экономической истории. Систематическое и углубленное изучение проблем национальной экономики должно занять достойное место в учебном процессе при подготовке экономических кадров. Усилиями в немалой мере последних будет решаться проблема становления новой системы экономических отношений, способных обеспечить эффективное функционирование российской экономики. Изучение данного раздела «Общей экономической теории» является завершением изучения двух предыдущих разделов, призванных дать адекватное отражение социально-экономической природы современной развитой рыночной экономики, на построение национальной модели которой и ориентирована рыночная трансформация в постсоциалистических странах.

Тема I. МЕСТО ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

*В действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим ей.
Х.-Г. Гадамер*

План:

1. Критерии периодизации экономической истории и место в ней переходной экономики.
2. Основные черты переходной экономики и закономерности ее развития. Современные типы переходной экономики.
3. Особенности переходного периода в постсоциалистических странах.
4. Переходный период как процесс первоначального накопления капитала.

1.1. Критерии периодизации экономической истории и место в ней переходной экономики

Переходная экономика — та социально-экономическая среда, в которой обитает едва ли не все человечество. По классификации Всемирного банка ныне существуют следующие модели переходной экономики: индустриальная постсоциалистическая модель, латиноамериканская модель (страны Латинской Америки, Ближнего Востока, Северной Африки, Филиппины), модель стран Африки к югу от Сахары, азиатская аграрная модель. Во всех этих странах численность населения огромна. И уже этим определяется актуальность изучения переходной экономики во всем многообразии ее проблем, в ходе которого и складывается теория переходной экономики как составная часть экономической теории.

В данном конкретном случае предметом изучения являются трансформационные процессы, происходящие в постсоциалист-

тических странах, в России — прежде всего. Во всех этих странах, а к ним помимо России относятся страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), Балтии, СНГ, экономика находится в переходном состоянии, суть которого состоит в преобразовании социалистической плановой экономики в капиталистическую рыночную. Особое место занимает КНР, имеющая статус развивающейся страны, но отличающаяся от прочих своим социалистическим прошлым, которое отнюдь не отбрасывается и ныне, при осуществлении сугубо рыночных преобразований, проводимых, однако, под социалистическими лозунгами. Произошел отказ от советской модели социализма, а тот строй, который воздвигается в процессе реформирования китайской экономики, трактуется в партийных документах высшей стадией развития рыночной экономики.

Вместе с тем переходное состояние экономики отнюдь не является феноменом новейшей истории человечества. Таковых было немало. Экономика той или иной страны всякий раз оказывалась переходной при смене господствующей системы экономических отношений, обусловленной исчерпанием существующей системой своего потенциала развития. Дальнейший прогресс общества возможен на основе принципиально иной системы экономических отношений, приходящей на смену отжившей, выполнившей свою историческую миссию с точки зрения развития производительных сил в рамках данного качественно определенного их состояния.

В толковании современной экономической науки выделяются следующие системы в их исторической последовательности: традиционное натуральное общество, материальной основой которого была примитивная ручная техника с преобладанием ручного труда. Адекватной этой технике социально-экономической формой были отношения частной собственности и личной, полной и неполной, то есть крепостной зависимости непосредственного производителя от собственника средств производства, земли — прежде всего, коль скоро именно она выступала основным средством производства в условиях преобладания сельскохозяйственного производства. В марксистской интерпретации в рамках натурального хозяйства, то есть добуржуазной формации, вычленяются три системы экономических отношений: первобытно-

общинное общество с совместным присвоением изъятых у природы продукта, рабовладельческое общество в облике античного и азиатского и феодальное.

На смену традиционному обществу приходит индустриальное, капиталистическое, где отношения индивидуальной частной собственности, основанные на наемном труде, в качестве господствующих становятся адекватной социально-экономической формой реализации индустриального этапа развития, начало которому было положено реализацией промышленной революции на рубеже XVIII—XIX веков. По завершении данного этапа страны — лидеры экономического развития двинулись к постиндустриальному обществу. Материальной основой новой экономической системы как системы органического единства различных форм индивидуальной и ассоциированной собственности во всем их многообразии явилась научно-техническая революция как революция в области фундаментальных естественных наук, достижения которых материализовались в качественно новых и несравненно более сложных технико-технологических процессах.

Совершенно особое место в истории человечества заняла социалистическая плановая экономика, явившаяся продуктом русской революции 1917 г. Эта особенность состоит в том, что данная экономическая система как система общенародного присвоения средств производства не вписывается в общие закономерности общественного движения, в соответствии с которыми на смену натуральному хозяйству в облике феодального приходит рыночное хозяйство, а не плановое, отношения индивидуальной частной собственности, а не общенародной. И даже на смену индивидуальной, основанной на наемном труде собственности, как показала мировая история, приходит не последняя, что и нашло проявление в том, что все развитые страны по завершении индустриального этапа развития двинулись отнюдь не к социализму в его марксистском толковании, но к постиндустриальному обществу. Такое общество характеризуется многообразием форм собственности, в рамках которого общенародная собственность в юридическом статусе государственной является лишь одной из форм собственности, к тому же далеко не доминирующей. Но нарушение любых объективных законов, будь то законы экономики, природы, нравственности, неизбежно сопровождается разруши-

тельными последствиями. Общество, пренебрегшее закономерностями экономического развития, вынуждено возвратиться на исходные позиции с предварительным прохождением переходного этапа, в силу такого отступления оказывающегося уникальным по своему содержанию в мировой истории: переход к капитализму от социализма совершается в ней впервые.

На стыке старой и новой экономических систем и образуется переходная эпоха, характеризующаяся преобразованием всей системы общественных отношений, включая прежде всего отношения собственности как экономические отношения. Средства производства как объекты присвоения, сосредоточенные в реальном секторе экономики, приобретают новых собственников, призванных обеспечить дальнейший прогресс общества путем повышения производительности общественного труда, реализации качественно нового этапа в развитии техники и технологии, что и позволяет осуществлять соответствующее повышение степени удовлетворения потребностей общества. Полное овладение новой системой экономических отношений реальным сектором экономики и выступает критерием завершенности переходной эпохи.

Переходный период — длительный исторический процесс, в течение которого коренным образом преобразуется вся система общественных отношений, все стороны жизнедеятельности общества. Напомним, что в КНР, первой среди социалистических стран вступившей на путь рыночных преобразований, последние продолжаются уже третье десятилетие, а переходный период все еще далек от завершения, хотя протекает более чем успешно. Это период «созидательного разрушения», где созиданием выступает преодоление накопленных ранее противоречий путем разрушения прежней системы экономических отношений. Тем самым расчищается пространство для становления принципиально новых отношений, создаются предпосылки для более полной реализации, в интерпретации Дж. Кейнса, «единственной цели всякой экономической деятельности», каковой является потребление, каждой последующей системой обеспечиваемое на более высоком уровне.

Переходный период — отнюдь не самая светлая страница в истории любой страны и народа, так как именно в этот период коренным образом изменяется вся система общественных отношений,

а следовательно, и социальный статус практически каждого члена общества. В процессе преобразования отношений собственности, осуществляемого путем раздела и передела ранее созданного общественного богатства, определяется место каждого из них в новой системе экономических координат. Как правило, этот период сопровождается экономическим спадом в силу множества причин, среди которых немаловажное значение имеет так называемый инвестиционный вакуум, образующийся вследствие преобразования отношений собственности. Как известно, инвестиционная деятельность — важнейшая функция собственника объектов реального сектора экономики. Но формирование данного экономического субъекта не происходит мгновенно. Оно протекает в многолетней ожесточенной конкурентной борьбе, прежде всего за овладение ранее созданными объектами присвоения, неоднократно переходящими из рук в руки, прежде чем появится собственник, подлинность которого удостоверяется развертыванием им инвестиционного процесса. И скороспелым этот процесс по определению быть не может. Такая борьба, как правило, крайне криминализована, чему среди прочего способствует правовой вакуум, столь свойственный переходной эпохе уже в силу того, что старое право упраздняется в связи с упразднением прежней системы экономических отношений, а новое — едва формируется по мере становления новой системы.

Преобразование экономических отношений как отношений собственности является самой глубокой их основой, так как речь идет об отношениях, формирующихся непосредственно в реальном секторе экономики, где и создаются материальные блага и услуги как основа существования человеческого общества. Вместе со сменой отношений собственности меняется и механизм хозяйствования как механизм аллокации ресурсов, механизм формирования макроэкономической структуры, механизм распределения живого и прошлого труда между различными видами и сферами экономической деятельности. Так, отношения индивидуальной частной собственности, основанной на наемном труде, порождают механизм конкурентной борьбы, общенародной собственности в качестве господствующей в свою очередь — механизм директивного централизованного народно-хозяйственного планирования. Поэтому основой преобразований плановой экономики в рыночную является

демонтаж отношений общенародного присвоения и становление различных форм индивидуального и совместного присвоения средств производства, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Плановое начало свойственно всякому экономически обособленному хозяйству, но директивному народно-хозяйственному планированию нет места в условиях господства индивидуальной капиталистической собственности, равно как и в условиях многообразия форм собственности, присущего современной модели рыночной экономики, где государственная собственность является лишь одной из форм этого многообразия. Механизмом хозяйствования обеспечивается формирование макроэкономической структуры, оптимальной по критерию, предопределяемому господствующей формой собственности. В наиболее общей форме такая оптимизация измеряется производством прибавочного продукта, присвоением которого в той или иной исторически определенной форме экономически реализуется всякая форма собственности на средства производства. Такое присвоение становится материальной основой расширенного воспроизводства существующих отношений собственности.

В рыночной экономике макроэкономическая структура на оптимальном уровне устанавливается в пределах каждого промышленного цикла, смена которого неизбежно сопровождается изменениями и в макроструктуре соответственно новому поколению техники и технологии. Массовым внедрением новой техники и технологии и снимаются противоречия, накопленные в течение предшествовавшего цикла.

Итак, экономическая история человечества — это история последовательной смены как систем экономических отношений во всем их институциональном оформлении, так и присущих каждой из них механизмов хозяйствования. На стыке смены систем национальная экономика оказывается переходной. В этот период завершается история одной системы и разворачивается история другой. Продолжительность переходного периода определяется продолжительностью преобразований всей системы общественных отношений, экономических прежде всего. Завершенность этого периода удостоверяется полным овладением новой системой экономических отношений реальным сектором экономики.

1.2. Основные черты переходной экономики и закономерности ее развития.

Современные типы переходной экономики

При всем многообразии особенностей переходного периода, порожденных сменой различных экономических систем, происходившей в принципиально разные исторические эпохи и в разных странах, можно тем не менее выделить общие черты, присущие всякой переходной экономике как таковой. Наиболее существенными из них представляются следующие:

- переходный период — это длительная историческая полоса ввиду сложности и многогранности преобразований;

- наличие двух линий развития: восходящей, знаменующей становление новой системы экономических отношений, и нисходящей, выражающейся в отмирании прежней, взаимодействие которых в течение всего переходного периода весьма драматично, так как связано с судьбами агентов — носителей этих отношений;

- переходный период характеризуется неустойчивостью развития вследствие остроты противоречий между отмирающими старыми и вновь нарождающимися экономическими отношениями, порождающих острые социальные потрясения, крайней формой проявления которых становится гражданская война;

- неоднозначность судьбы старых экономических отношений: они либо полностью вытесняются новыми, либо интегрируются в новую экономическую систему в существенно преобразованном виде;

- при равенстве исходного и конечного пунктов преобразований в тех или иных странах неизбежна в наиболее существенных моментах общность способов, методов, последовательности, темпов преобразований, хотя национальные особенности и уж тем более различия исторических эпох, в которых осуществляется один и тот же по своему содержанию переход в странах-лидерах и странах догоняющего типа развития, придают им весьма существенную специфику. Так, например, во всех постсоциалистических странах проводится приватизация объектов государственной собственности, однако соотношение и масштабы бесплатной и денежной приватизации, например, в них разные, равно как и методы осуществления каждой из них. Или другой пример: становление в процессе

рыночной трансформации капитализма в России весьма отлочно от аналогичного процесса, протекавшего в развитых странах несколько столетий тому назад, что, однако, не отменяет общих закономерностей, присущих этому периоду, получившему в экономической литературе с легкой руки А.Смита название первоначального накопления капитала. И в этом смысле видный американский социолог С. Коэн, не вполне осознавая это, совершенно прав, когда говорит о «транзите в Средневековье» современной российской экономики. Переход к капитализму от социализма придал лишь специфику этому процессу. Но коль скоро суждено капитализму быть в период своего становления «бандитским», то таковым он в России и оказался.

Переходный период носит локальный характер, если протекает в одной или одновременно в нескольких странах, и глобальный, если охватывает значительное число стран. Несовпадение во времени смены экономических систем объясняется неравномерностью экономического, политического, культурного и прочего развития стран в силу множества причин, порождающих специфику национального развития. Вследствие такой неравномерности выделяются страны-лидеры, впервые в мире осуществляющие переход к неизвестной ранее экономической системе. Наряду с ними есть страны догоняющего типа развития, следующие по стопам развитых стран с тем или иным временным интервалом. К числу последних относится и Россия, отставание которой относительно стран Запада сохраняется и поныне, хотя в годы социализма была предпринята так и неудавшаяся попытка не то что его преодолеть, но хотя бы сократить разрыв. Однако данная система способствовала лишь его нарастанию. Западные страны во второй половине XX в. активно вступили в постиндустриальную эпоху, в России же и индустриальный этап не вполне завершен в масштабах национальной экономики, что в полной мере выявилось в условиях либерализации внешнеэкономической деятельности. Рыночную экономику приходится возводить по существу заново, хотя весьма вероятно в ее современной модификации — смешанной.

Локальный переход в постсоциалистических странах совершается в условиях, когда развитые страны успешно вступили в эпоху постиндустриального информационного общества. При таких предпосылках переход от плановой социалистической экономики

к рыночной капиталистической совершается с ориентацией на завершение индустриального этапа развития в масштабах национальной экономики, а не только в области ВПК и перехода к постиндустриальному этапу в процессе осуществления глобальной реструктуризации унаследованной от прошлого макроэкономической структуры. Переход от индустриального к постиндустриальному развитию и становится прочной материальной основой формирования современной модели рыночной экономики.

Характер необратимых эволюционных процессов в переходной экономике может быть разным: он протекает либо как естественно-эволюционный процесс, либо как процесс реформирования сверху. Естественно-эволюционным он является и на локальном, и на глобальном уровне. Реформирование, по крайней мере до сих пор, осуществляется исключительно на локальном уровне. На глобальном оно оказывается возможным лишь в условиях, когда интеграционные процессы преодолевают национальные границы и формируется единое экономическое и правовое пространство.

Выбор направления социально-экономических преобразований при проведении реформ весьма ограничен общими закономерностями общественного развития, имеющими абсолютную силу. Попытки их преодолеть неизменно сопровождаются разрушительными последствиями. Этим определяется беспочвенность споров относительно выбора пути развития для той или иной страны. Речь может идти лишь об особенностях национальной модели, объективно предопределенной общими закономерностями экономической системы. Так, для постсоциалистических стран альтернативы рыночным капиталистическим преобразованиям, как это теперь вполне очевидно, в реальной действительности не оказалось. Таковые существовали и существуют в умах тех или иных общественных и пр. деятелей.

Бедствия, которыми сопровождается такой переход, объясняются прежде всего содержанием переходного периода как перехода от социализма, где каждый член общества обладал статусом собственника средств производства со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями, как то: гарантированная занятость и поступление общественно значимых благ и услуг из общественных фондов потребления, преимущественно бесплатно.

Теперь этот статус безвозвратно утрачивается. Взамен приобретается принципиально новый, к которому при столь уникальной исходной ситуации адаптироваться для большинства населения, привыкшего беззаботно жить за спиной государства, далеко не просто, тем более что исходный жизненный уровень в социалистических странах отнюдь не был высоким. Все это и породило массовую нищету. Ошибки и просчеты действительно допускались реформаторами, однако не с ними связаны социальные тяготы. Это слишком вульгарное и поверхностное объяснение драматических событий переходного периода. Есть внутренняя логика исторического процесса, предпосланная свойственными ему общими объективными закономерностями, выявленными мировой историей, в рамках которых сознательно или интуитивно действуют политические лидеры, только потому и постольку приходящие во власть и ее удерживающие.

Национальные особенности придают лишь национальный колорит формам проявления этих закономерностей, в силу чего последние нередко оказываются трудно узнаваемыми, а потому и отрицаемыми. В свою очередь это и становится питательной почвой для суждений о принципиально ином, ранее в истории не существовавшем пути развития той или иной страны, присущем исключительно ей. Потому и существует наука, чтобы за внешней видимостью явлений увидеть их подлинное содержание, вскрыть закономерности развития. В этом состоит ее функция, а вовсе не в том, чтобы выставять оценки истории, а тем более изображать ее материализацией ошибок и просчетов тех или иных политических лидеров. Первична позитивная экономическая наука, способная дать идеологически беспристрастное отражение экономической реальности, выявить присущие ей закономерности, на основе чего только и имеет право на существование нормативная наука как своего рода прикладная, позволяющая строить прогнозы экономического развития, служить теоретической основой разработки долгосрочных правительственных программ.

Экономической наукой, изучающей трансформационные процессы в постсоциалистических странах, предприняты попытки выявить присущие переходному периоду закономерности, хотя в полной мере эта проблема может быть решена лишь по завершении в

них переходного периода. К числу закономерностей можно отнести следующие:

- крайняя острота социально-экономических противоречий, порожденных взрывоопасным взаимодействием сохраняющихся старых и интенсивно вновь формирующихся экономических отношений, жестким противостоянием экономических агентов — носителей этих отношений, завершающаяся всеобщим распространением новых экономических отношений;

- многоукладность как внутренне глубоко противоречивое явление сугубо переходной экономики, где каждый из укладов предстает мини-системой уходящих в небытие и вновь зарождающихся экономических отношений. И в этом смысле ее не корректно отождествлять со смешанным характером современной модели рыночной экономики. В последней многообразии форм собственности предстает органическим единством, порожденным завершением индустриального и становлением постиндустриального этапа развития производительных сил. При этом соотношение форм собственности не является раз и навсегда данным, оно изменяется при смене промышленных циклов, знаменующих переход к новому поколению техники и технологии, создающему новые сферы экономической деятельности, эффективно осуществляемой при различных масштабах приложения труда и капитала. Многоукладность же, напротив, преодолевается отмиранием унаследованных экономических отношений и утверждением новых, лишь по мере становления смешанной рыночной экономики предстающих многообразием форм собственности;

- крайняя несбалансированность унаследованной макроэкономической структуры как структуры народного хозяйства, сформированной по принципиально иному критерию ее оптимальности, уже вследствие этого подлежащая частичному разрушению, что и находит выражение в трансформационном спаде, функцией которого является преодоление сложившихся в предшествующий период дисбалансов, воспринимаемых таковыми с точки зрения новой системы экономических координат;

- неопределенность перспектив дальнейшего развития, создающая иллюзию свободы выбора в соответствии с национальными особенностями, которой, однако, в действительности не существует. Становление той или иной экономической системы предподре-

делено общими закономерностями движения, выявленными странами — лидерами такого движения. Речь может идти о необходимости максимально возможной ориентации на национальные особенности вновь формирующейся системы, присущие каждой стране, которые и предопределяют специфику ее национальной модели, но не более того. Так, ныне во всех развитых странах представлена одна и та же система экономических отношений, именуемая в экономической науке смешанной рыночной экономикой, в каждой из этих стран последняя выступает социально ориентированной. Тем не менее глубина, направления, способы и методы вмешательства государства в экономические и социальные процессы в них весьма различны.

Итак, переходная экономика предстает сложным социально-экономическим организмом, внутренне глубоко противоречивым и неустойчивым, требующим специального экономического исследования, в ходе которого и формируется теория переходного периода, именуемая теорией экономики переходного периода, реже — теорией трансформационных процессов, особым объектом анализа которой в любом случае является переходная, в данном конкретном случае — постсоциалистическая экономика. Чрезвычайная сложность такого исследования порождена тем, что в мировой истории нет аналога перехода к рыночной экономике от плановой, к капиталистической — от социалистической. Между тем велика практическая значимость вновь формирующейся теории, так как переход осуществляется путем целенаправленного реформирования, предпринятого по инициативе лидеров социалистического государства в облике правящей номенклатуры. Но такое осознанное реформирование тем успешнее, чем глубже научное обоснование стратегии социально-экономических преобразований.

Отметим, что предметом изучения в данном курсе является постсоциалистическая экономики, каковой выступает экономика стран ЦВЕ, Балтии, СНГ. Большое внимание уделяется и КНР, хотя китайские реформаторы к числу постсоциалистических свою страну не относят. Тем не менее здесь четко просматривается переходный характер развития. Естественно, что наибольший интерес представляет российская экономика, хотя различия по странам относительно содержания переходного периода не являются принципиальными. Во всех этих странах осуществляется переход

от плановой социалистической экономики к рыночной капиталистической.

Вместе с тем отметим, что типов переходной экономики ныне значительно больше. Так, Всемирный банк предлагает следующую ее классификацию: индустриальная постсоциалистическая модель, латиноамериканская модель (Латинская Америка, Ближний Восток, Северная Африка, Филиппины), модель стран Африки к югу от Сахары, азиатская аграрная модель. Каждая из этих моделей является предметом научного изучения.

1.3. Особенности переходного периода в постсоциалистических странах

Как уже отмечалось, всякий переходный период имеет свое особое содержание в зависимости от исходного и конечного пунктов движения. Во всех постсоциалистических странах такое содержание является одинаковым: социалистическая плановая экономика преобразуется в капиталистическую рыночную, чем и предопределен ряд общих для этих стран особенностей переходного периода. Наиболее существенными из них представляются следующие:

- такой переход не имеет аналогов в мировой истории, а потому не существует и опыта подобных преобразований;

- на путь рыночного капиталистического развития эти страны вступают вторично. Как известно, в России, например, такое развитие в начале прошлого века было прервано социалистической революцией, в странах ЦВЕ — послевоенным разделом мира, по итогам которого им был уготован социалистический путь развития;

- переход совершается эволюционно-реформаторским путем по инициативе и под руководством бывшей советской номенклатуры, инициировавшей и возглавившей рыночные преобразования;

- гибель социализма оказалась непредсказуемой, неожиданной даже для критически мыслявших западных советологов, а потому единой приемлемой для главных действующих лиц модели преобразований не было выработано, вследствие чего ее пришлось позаимствовать на Западе, хотя и здесь она была разработана в исходном пункте совсем для других стран и для решения иных проблем. Речь идет о либеральной модели, теоретической основой которой являет-

ся монетаризм. Она была разработана экономической элитой США и принята к использованию МВФ и другими международными организациями первоначально для оздоровления экономики ряда латиноамериканских стран в целях погашения ими огромной внешней задолженности перед международными финансовыми организациями;

- движение к рыночной экономике оказалось безальтернативным во всех странах. Вопрос состоял лишь в том, какая модель рыночной экономики возобладает. Как известно, исторически и логически исходной является свободная рыночная экономика, порожденная отношениями индивидуальной частной капиталистической собственности, материальной основой которых в свою очередь является индустриальный этап развития производительных сил. По мере перехода к постиндустриальному развитию свободная рыночная экономика эволюционирует в смешанную;

- как известно, в постсоциалистических странах к моменту краха системы индустриальный этап развития в большей или меньшей мере был пройден, но далеко не завершен, а потому нет оснований говорить о переходе в них прямо и непосредственно к постиндустриальному развитию. Так, в гражданском комплексе советской экономики все еще весьма высокой оставалась доля ручного труда, что свидетельствовало о незавершенности индустриального развития. С этой точки зрения логичным представляется становление в стране свободной рыночной экономики;

- вместе с тем имеются предпосылки и для становления современной модели рыночной экономики. Так, отрасли ВПК и непосредственно работавшие на него смежные отрасли оказались на уровне суперсовременных технологических укладов. К тому же советская экономика не только в качестве индустриальной, но и управляемой из единого экономического центра подверглась крайней монополизации, что создавало предпосылки для появления акционерной формы собственности в процессе рыночного преобразования советских монополий, представленных ПО и НПО. Оба эти обстоятельства и явились основой формирования смешанной модели рыночной экономики. Пока что невозможно однозначно сказать, какая модель возобладает в стране в процессе преодоления многоукладности. Последняя, будучи свойственной всякой переходной экономике, создает ложную видимость уже существующей смешанной экономики как органической целостности различных

форм собственности. Тем не менее вполне отчетливо просматривается формирование различных форм индивидуальной и ассоциированной, совместной собственности. Однако насколько устойчиво это формообразование и как сложится окончательная картина, не вполне ясно вследствие незавершенности этого процесса.

Известно, что смешанная рыночная экономика при общности в наиболее существенных моментах в разных странах имеет свои национальные особенности, питаемые многими обстоятельствами, сопутствующими развитию каждой из них. Это нашло выражение в появлении таких моделей, как социальное рыночное хозяйство, сформировавшееся в послевоенной Германии, скандинавская модель, дирижистский вариант государственного регулирования с многолетней послевоенной практикой индикативного планирования, наработанной такими странами, как Франция и Япония. Это, наконец, американская модель, наиболее близкая к исходной классической с точки зрения эффективности функционирования рыночного механизма хозяйствования, но отнюдь ей не тождественная, так как именно здесь наиболее совершенны способы и методы государственного регулирования разного уровня, позволяющие в полной мере выявить достоинства рынка путем оптимального взаимодействия обоих механизмов — рыночного хозяйствования и государственного регулирования.

В связи с таким многообразием в экономической науке постсоциалистических стран активно обсуждался вопрос о том, какая разновидность смешанной экономики возобладает в каждой из них исходя из недавнего социалистического прошлого и национальных особенностей. Если говорить о российской экономике, то в ней есть основания для формирования рыночной экономики типа социального рыночного хозяйства путем использования наработанной социализмом, а потому столь привычной для населения практики предоставления общественно значимых благ и услуг через так называемые общественные фонды потребления, ныне в значительной мере разрушенные, но тем не менее поддающиеся возрождению. Это тем более логично, что нынешняя российская правящая элита такую форму оплаты труда, в советский период получившую название привилегий, для себя не только сохранила, но и весьма приумножила. Не вполне резонно отказываться и от государственного регулирования методами планирования, но не директивного, а индикативного — опять-таки вследствие накопленного в данной

области в советский период богатейшего опыта, не приемлемого по многим причинам для переходного периода, но могущего быть востребованным по мере его завершения. Вместе с тем национально-этническое, природно-климатическое, производственно-экономическое и прочее многообразие при огромном территориальном пространстве создает предпосылки для использования столь успешного американского опыта взаимодействия рыночного и государственного механизмов хозяйствования.

Видимо, все эти обстоятельства и окажут соответствующее воздействие на становление национальной модели рыночной экономики. Отметим лишь, что все разновидности современной смешанной рыночной экономики имеют четко выраженную социальную направленность развития. И в этом смысле формирующаяся в постсоциалистических странах рыночная экономика в любом случае — тем более при унаследованных в этой области традициях — не составит исключения.

1.4. Переходный период как процесс первоначального накопления капитала

Переходный период в российской экономики с точки зрения формационной концепции есть переход не просто от плановой к рыночной экономике, но переход от социализма к капитализму. Процесс становления капитализма вошел в мировую экономическую науку как процесс первоначального накопления капитала (ПНК). Такое определение ему впервые в науке было дано А.Смитом. В последующий период эпоха ПНК была подвергнута еще более обстоятельному анализу К.Марксом, рассматривавшим ее как «предысторию капитализма». На основе обобщения западноевропейской истории ПНК К.Маркс выявил содержание этого процесса, охарактеризовал способы и методы его осуществления, обосновал роль насилия в процессе становления нового общественного строя, вскрыл характер экономического развития, равно как и роль государства в эпоху ПНК. Им были подвергнуты обстоятельной критике взгляды А.Смита и его последователей — представителей классической экономической школы, в соответствии с которыми в основе ПНК лежат «право» и «труд», что не вполне соответствует реальному историческому процессу.

Экономическое наследие К.Маркса в данной области приобрело актуальность для новейшей истории постсоциалистических стран, России — прежде всего вследствие того, что для нее 90-е годы оказались классической эпохой ПНК. Эта эпоха обогащена российской практикой становления капитализма, придавшей ей ряд особенностей, обусловленных социализмом как историческим предшественником вновь становящегося капитализма и фактором времени — она наступила на несколько столетий позже, чем в развитых ныне странах, и с вековым перерывом в самой российской истории, а также их национально-историческими особенностями во всем их многообразии, что не отменяет, однако, свойственных данному процессу закономерностей.

В содержательном плане становление капитализма как системы есть становление присущих только ему отношений собственности, осуществляемое путем преобразования предшествующих экономических отношений. Такое преобразование сопровождается сменой собственников ранее созданных объектов реального сектора национальной экономики, что и предопределяет суть первоначального, то есть вневоспроизводственного, накопления капитала. Становление отношений собственности в данном случае образует предпосылку, но не результат процесса воспроизводства как такового.

Раздел и передел ранее созданных средств производства сопровождаются сменой их социально-экономической формы, в данном случае — основные производственные фонды превращаются в промышленный капитал. И это не просто формальный акт. Как известно, форма содержательна, а содержание не существует вне формы. По поводу производства и присвоения средств производства складывается принципиально иная система отношений — по мере становления товарного производства и товарного обращения в качестве всеобщих, приходящих на смену непосредственно общественным, планомерным, свойственным общенародной собственности. В новой системе экономических координат собственнику средств производства присуща иная целевая установка при осуществлении инвестиционной деятельности, иные способы ее достижения, иной критерий эффективности функционирования объекта присвоения.

С этой точки зрения несостоятельно столь часто встречающееся в современной отечественной экономической литературе отожд-

дествление созданных в процессе социалистической индустриализации средств производства с капиталом, на основе чего и отвергается процесс первоначального его накопления в переходный период. Между тем средства производства как таковые выступают лишь материальным субстратом тех отношений, которые складываются в обществе, вследствие чего и приобретают соответствующую новым отношениям социально-экономическую форму, хотя с точки зрения их натурально-вещественного содержания разницы действительно может и не быть. Первоначально эти отношения формируются вне воспроизводственного процесса, путем присвоения ранее созданных средств производства, что и составляет предпосылку для становления отношений наемного труда и капитала непосредственно в процессе производства, где эти отношения воспроизводятся уже на собственной основе, становятся самовоспроизводящейся реальностью.

Как известно, историческим предшественником капитализма в странах Запада были отношения феодальной земельной собственности. Сельскохозяйственное производство, а следовательно, земля выступала основным средством производства в домашинную эпоху. Общинные, церковные, государственные земли и становились объектом экспроприации у бывших собственников под прикрытием законодательных актов, разработка и принятие которых составляет исходную функцию государства как законодательного органа при смене социально-экономических систем. Так называемое огораживание земель, то есть присвоение последних новыми собственниками, было чрезвычайно важным обстоятельством в тот исторический период, так как капиталистическая индустриализация начиналась с легкой промышленности.

Способы и методы присвоения объектов собственности, созданных в предшествующий период, весьма многообразны. Среди них можно выделить как общие для большинства стран, порожденные эпохой ПНК, так и специфические, присущие в данном случае постсоциалистическим странам как таковым.

К числу последних можно отнести, например, проведенную в большинстве постсоциалистических стран, включая и Россию, спонтанную приватизацию, где она была осуществлена в течение 1987–1991 годов. Целью такой приватизации явилось присвоение наиболее прибыльных и перспективных объектов государственной

собственности прежде всего правящей номенклатурой на основе широкого использования административного ресурса. Спонтанной приватизации в немалой мере способствовало также развернувшееся в стране с 1988 г. кооперативное движение, позволившее в широких масштабах осуществлять перекачку государственных средств в частные руки, а также либерализация цен в январе 1992 г., породившая гиперинфляцию, традиционно сопровождающуюся перераспределением денежных средств в пользу предпринимательских слоев.

Наряду со столь специфическими способами в этих странах широко использовались и весьма традиционные, общие едва ли не для всех стран эпохи ПНК, как, например, расхищение средств государственного бюджета, государственных займов, присвоение чужого имущества путем мошенничества, вымогательства, шантажа и т.п. К.Маркс не без основания иронизировал по поводу тезиса А.Смита о том, что якобы «право» и «труд» лежат в основе первичного капиталообразования. Это не совсем так уже в силу того обстоятельства, что всякий переходный период как таковой характеризуется именно «правовым вакуумом» (Л. фон Мизес), причиной которого выступает смена экономических отношений, а вместе с ней — и законодательства, эти отношения освящавшего и регулировавшего. Еще более важной причиной такого вакуума является и то, что юридические отношения вторичны относительно экономических, а потому не могут возникать до них, предшествовать им. Нормативно-правовые акты лишь закрепляют юридически вновь формирующиеся отношения собственности, придавая последним характер имущественных. На опережение работает лишь законодательство, создающее юридические предпосылки для раздела и передела объектов собственности, как, например, принятие государственных программ приватизации в постсоциалистических странах, снятие запрета на частнопредпринимательскую деятельность в них и т.п.

Накопление капитала не может быть объяснено и такими личностными качествами потенциальных собственников, как трудолюбие, бережливость, воздержание, хотя и они значимы. «Капиталы, — писал А.Смит, — возрастают в результате бережливости и уменьшаются вследствие мотовства и неблагоразумия» (А.Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Наука, 1962, с. 249). И все же более важными факторами оказываются

инные, как, например, предприимчивость, изобретательность, энергия, умение ориентироваться в экстремальной обстановке и принимать адекватные ей решения, благодаря которым и обнаруживается, что «удел слабого — зависть и прозябание, сильного — воля и процветание» (Л.Толстой).

В бескомпромиссной конкурентной борьбе за обретение нового социального статуса, в данном случае — капиталиста-собственника — типичным становится поспирание норм нравственности. Всеобщее распространение получают методы насилия вплоть до его самых крайних форм, что ускоряет становление новой экономической системы, разрушая прежние формы хозяйствования.

Отметим также, что происходящее в переходный период имущественное расслоение населения в процессе раздела и передела объектов собственности становится внутренним моментом эпохи ПНК, вследствие чего она неизбежно оказывается асоциальной по своей сущности. Это эпоха тяжелых жизненных испытаний для всех слоев населения, из которых одни выходят собственниками, другие — неимущими, превращающимися в лиц наемного труда. В этот период со всей очевидностью обнаруживается, что отнюдь не право и труд играют решающую роль в обретении статуса собственника.

Однако присвоение ранее созданных объектов осуществляется не только методами их насильственного изъятия. Не менее значимо наличие денежного капитала, являющегося, как это было обосновано К.Марксом, историческим предшественником промышленного, сферой деятельности которого выступает реальный сектор экономики. Полное овладение промышленным капиталом этим сектором, как представляется, и выступает критерием завершенности переходного периода, эпохи ПНК.

Накоплению денежного капитала способствовала деятельность так называемых «допотопных» форм капитала: купеческого и ростовщического, исподволь разрушавших натуральное хозяйство. Накопленный денежный капитал ускорял процесс формирования новой системы экономических отношений, постепенно во все большей мере распространявшихся на реальный сектор экономики.

В советский период накопление денежного капитала не могло происходить в силу специфики существовавшего экономического строя. И даже трудовые сбережения населения СССР, составлявшие огромную сумму в размере более 296 млрд. руб. на начало 1989 г.

(«Народное хозяйство СССР в 1989 г.» // Статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1990, с.93), не состоялись в качестве потенциального денежного капитала, так как были уничтожены гиперинфляцией первых лет преобразований. Но зато этот процесс в полной мере развернулся в последующие годы путем бурного развития деятельности стремительно возникших все тех же «допотопных форм капитала», купеческого и ростовщического, то есть торгового и банковского в формах торгово-посреднической и финансово-спекулятивной. Последняя активно протекала вплоть до финансового кризиса 1998 г.

Деятельное участие в процессе первичного капиталообразования во всех странах принимало и государство — не только тем, что создавало правовые предпосылки для осуществления этого процесса. Совсем не случайно сплошь и рядом оно оказывалось совершенно «беспомощным» в борьбе с хищениями государственных средств. В новейшей российской истории фактов тому множество, на основе которых и делаются обобщения. Наш бизнес-класс в немалой мере сформировался путем беззастенчивого разворовывания государственных средств. Множество примеров на этот счет приведено П.Хлебниковым в его щедро снабженном реальными фактами исследовании «Борис Березовский — крестный отец Кремля, или История разграбления России» (М., «Детектив-Пресс», 2001). Государство же создавало тепличные условия для участия в присвоении объектов собственности особо приближенным лицам путем предоставления всякого рода льгот, возможностей для спекулятивного прокручивания бюджетных средств, то есть, в интерпретации западных ученых, для присвоения так называемой экономической ренты. Напомним хотя бы о созданной российским государством системе «уполномоченных банков», сохранившейся, кстати, и поныне. Вместе с тем не забывало оно и о своей важнейшей в этот период функции сглаживания столь предсказуемых социальных конфликтов на почве борьбы за объекты присвоения.

Как показала история, эпохе ПНК присущ стихийный характер протекающих в ней процессов, что вполне естественно. Раздел и перераспределение объектов присвоения осуществляется не на основе добровольного соглашения, но в ходе ожесточенной конкурентной борьбы. Эта закономерность сохранила свою силу и в России вопреки ее давней традиции сильной государственности, присущей всякой им-

перии, весьма приумноженной за годы социализма. Помимо действия общей закономерности разворачиванию стихии способствовало и то обстоятельство, что в постсоциалистических странах именно государственная собственность как юридическая форма общенародной подлежала экспроприации. Переставая быть собственником, государство утрачивало и прежний механизм государственного управления национальной экономикой вместе со всеми присущими ему институтами, вследствие чего экономика действительно оказывалась неуправляемой по меркам прежней системы, что, однако, не тождественно бездействию государства в этот период.

Таковы основные черты эпохи ПНК в интерпретации К. Маркса, столь легко узнаваемые в процессах, в полной мере развернувшихся в переходной экономике России. Они оказались неустраняемыми даже при наличии таких важных обстоятельств, как переход к капитализму от социализма, фактор времени, а тем более национально-исторические особенности постсоциалистической России.

Итак, не нужно обладать особой научной проницательностью, чтобы увидеть в гуще происходящих в переходной экономике России событий процесс ПНК, совершающийся в соответствии с классическими канонами. В стране идет интенсивный процесс отделения непосредственных производителей, то есть трудящихся масс, от средств производства, коль скоро подлежащая преобразованию форма собственности являлась общенародной. При такой исторической предпосылке радикальная реформа в буквальном смысле слова осуществляется «за счет народа».

Последний действительно выступал собственником средств производства, а потому его собственность и подлежит экспроприации. Иных собственников, за счет которых можно было бы провести реформу, в постсоциалистических странах не просматривается, в отличие, например, от социалистической революции, когда экспроприации подлежала собственность капиталистов, дворян, кулаков, объекты которой и превращались в общенародную собственность. Как уже отмечалось, в социалистических странах даже номенклатура не была собственником средств производства. Основой ее господствующего положения выступал всего лишь статус управляющего объектами общенародной собственности. Потому она, как и все члены социалистического общества, лишалась статуса сособственника в процессе рыночной трансформации, но с тем,

чтобы превратиться теперь уже в действительного собственника управляемых ею ранее объектов общенародной собственности.

Процесс экспроприации объектов присвоения протекает всегда болезненно, так как сопровождается изменением социального статуса едва ли не всех членов общества. Ныне бывшие экспроприаторы сами оказались в положении экспроприируемых, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этот период в полной мере выявилась в качестве реальной, а не виртуальной природа социалистической собственности как общенародной: трудящимися утрачены гарантированная занятость, прежняя система социальной защиты, возможность работать спустя рукава без всяких последствий для оплаты труда, не столь уж обременительная зависимость от государства в обмен на послушание и единодушное голосование и многое другое. И в этом смысле упрек в адрес реформаторов совершенно лишен оснований: за счет чужого народа проводить экспроприацию в собственной стране невозможно. Более того, при такой массовой экспроприации государство сделало почти невозможное: предотвратило развязывание столь естественных для данной эпохи острых социальных конфликтов, подобных гражданской войне, равно как и сумело так называемым «парадом суверенитетов» сохранить федерацию.

В российской экономике становление капитализма означает всеобщее распространение рыночных отношений, внешне выступающее как переход от плановой экономики к рыночной. И в российской переходной экономике денежный капитал оказывается историческим предшественником промышленного. Потребность в нем была тем более велика, что превращению в промышленный капитал подлежали созданные за годы социалистической индустриализации основные производственные фонды, стоимость которых на 1989 г. исчислялась огромной суммой в 1884 млрд рублей при общей стоимости основных фондов в 2820 млрд рублей («Народное хозяйство СССР в 1989 г.»// Статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1990, с. 277). Стремительному накоплению денежного капитала под денежный этап приватизации, равно как и под постаучерный передел собственности, была полностью подчинена деятельность институтов финансовой системы на протяжении всех 90-х годов вплоть до кризиса 1998 г., выявившего исчерпание финансовой системой своего потенциала в качестве механизма накопления денежного капитала.

И здесь широкое распространение получили методы насилия по отношению к конкурентам в борьбе за обладание объектами государственной собственности. Вместе с утратой государством монополии на собственность и управление в процессе приватизации трудящиеся утрачивали статус сособственника средств производства. Однако свои позиции они сдали без боя уже в силу традиционно безграничной веры в государство как институт, представляющий его интересы. Да и разобраться в существе начавшихся в 90-е годы событий замутненному социалистической идеологией сознанию было далеко не просто. Еще большее значение имело то обстоятельство, что при таких масштабах совместного присвоения осознание каждым членом общества своего статуса сособственника было чрезвычайно слабым.

Как уже отмечалось, вопреки давней российской традиции сильной государственности, вопреки недавнему тотальному прошлому, свойственная эпохе ПНК стихия возобладала и здесь. Упреки в неуправляемости национальной экономикой в переходный период, особенно в лихие 90-е годы, едва ли состоятельны: во-первых, к деятельности российского государства в новых условиях некорректно подходить с позиций советского прошлого уже в силу того, что прежняя система рушилась со всеми государственными институтами управления, а ускорению ее развала способствовали сами политические лидеры, стремившиеся придать рыночным преобразованиям необратимый характер в условиях, когда широкой поддержкой снизу подобные преобразования в стране не пользовались, во-вторых — на этом этапе решающее значение имеет законотворческая деятельность государства по созданию предпосылок для становления новых форм собственности, а собственниками становятся в ходе конкурентной борьбы за подлежащие приватизации объекты.

Тем не менее присущие ПНК закономерности реализуются в постсоциалистических странах в весьма специфических формах. Остановимся на некоторых из них. Первоначальное накопление капитала в постсоциалистической стране обладает рядом специфических особенностей, конкретизируя которые, назовем основные:

- главным действующим лицом ПНК оказалась бывшая советская номенклатура как инициатор и основной претендент на объ-

екты государственной собственности, что заведомо придало российскому капитализму с точки зрения его происхождения родовой признак номенклатурного капитализма;

- ПНК совершается в стране, где хотя и крайне непоследовательно и не в полной мере, но все же осуществлена индустриализация, что выдвигает перед промышленным капиталом принципиально иную, нежели в странах Запада в аналогичную эпоху, историческую миссию. Таковой оказывается глобальная реструктуризация унаследованной макроструктуры в целях преодоления структурных и технологических дисбалансов и последующего перехода к постиндустриальному этапу развития в соответствии с рыночными критериями;

- первичное капиталообразование совершается не просто в индустриальной, но в высокомонополизированной экономике, чем созданы предпосылки для формирования в ней капитализма сразу в весьма развитой форме — в форме корпоративного, где преобладающей относительно доли в создаваемом ВВП оказывается акционерная собственность. Вкупе с первой особенностью российский капитализм может быть охарактеризован как номенклатурно-корпоративный, ныне именуемый, однако, олигархическим, ввиду крупных масштабов сформировавшейся корпоративной собственности, персонифицированной в так называемых олигархах — возмутителях спокойствия широких слоев населения, к богатству, а тем более чужому — да еще и крупному — абсолютно нетерпимых;

- наряду с традиционно предварительным накоплением денежного капитала, столь необходимого под денежный этап приватизации и постаучредный передел объектов собственности, происходило прямое превращение основных производственных фондов в промышленный капитал, начало которому было положено спонтанной приватизацией еще в советский период;

- широкое использование институтов финансовой системы, и прежде всего коммерческих банков, в качестве механизма накопления денежного капитала;

- немалую лепту в накопление денежного капитала внесла оказавшаяся чрезвычайно прибыльной в стране хронического дефицита торгово-посредническая деятельность;

- высокий уровень криминализации экономической деятельности, свойственный всякой переходной эпохе, имел иные корни,

уходящие в эпоху социализма, в высшей степени способствовавшего разрушению духовно-нравственной среды уже в силу беспредела в деятельности карательных органов и совсем не случайного признания атеизма элементом официальной идеологии;

- фактор времени способствовал крупномасштабному экспорту накопленного в стране капитала за рубеж, где давно сформировался благоприятный инвестиционный климат, каковым он по определению быть не может в переходной экономике. Российский капитал не преминул воспользоваться предоставленной ему историей возможностью, тем более что, как правило, имел далеко не всегда и не вполне безупречное происхождение. Вывоз капитала для страны обернулся удлинением переходного периода;

- важнейшей особенностью раздела ранее созданных объектов собственности явилась бесплатная приватизация части из них.

Каждое из этих обстоятельств накладывает глубокий отпечаток на эпоху ПНК в России, а потому анализ хотя бы некоторых из них заслуживает особого внимания. Прежде всего остановимся на выявлении главных действующих лиц этого процесса. Коль скоро капитализму предшествует социализм, а не феодализм, то и действующие лица ПНК выступают в иных экономических масках. Предпосланной является социально-экономическая структура, представленная номенклатурой как господствующим слоем и широкими массами трудящихся — рабочим классом и колхозным крестьянством с тонкой прослойкой интеллигенции между ними. Номенклатура как особый социальный слой, а тем более — класс в научной литературе и официальных документах не фигурировала, равно как не афишировались и особые формы оплаты ее труда, хотя этот слой стал формироваться с первых лет советской власти из числа лиц, занявших номенклатурные, то есть управленческие, функции при государстве — собственнике средств производства, с точки зрения экономической являвшихся объектом общенародного присвоения.

Тем не менее существование господствующего, или привилегированного, класса в социалистическом обществе не было тайной, например, для Н. Бердяева или Л. Троцкого. О наличии «привилегированного» класса они писали еще в 30-х годах, когда номенклатура только набирала силу. Но уже тогда стала очевидной двойственность ее положения, таившая в себе неразрешимое в условиях со-

циализма противоречие, состоявшее в фактическом выполнении функций собственника, будучи при этом всего лишь сособственником, что неизбежно порождало устремленность номенклатуры на обретение статуса собственника. Фундаментальное исследование природы и происхождения этого класса впервые было проведено эмигрировавшим в Германию советским социологом М. Восленским уже на исходе 80-х годов. Им вскрыт процесс разложения номенклатуры как носительницы марксистско-ленинской идеологии, что свидетельствовало о глубоком разложении социализма как системы, социальной структуры общества. Как видим, социальная структура социалистического общества оказалась не только весьма специфичной, но и внутренне противоречивой, вследствие этого с самого начала таившей в себе потенциальную возможность социальных конфликтов. Недопущения таких конфликтов правящая номенклатура добивалась сокрытием истинных размеров своих доходов, что ей вполне удавалось в условиях полного отсутствия гласности.

Что касается рабочего класса и колхозного крестьянства, то даже в годы самого глубокого застоя они и не помышляли о рыночной экономике, а о капитализме — тем более. Не они явились застрельщиками радикальных перемен. Даже события в Новочеркасске в июне далекого 1962 г. не имели политической подоплеки. В новейшей советской истории это было единственное выступление рабочих, спровоцированное повышением государством с 1 июня 1962 г. розничных цен на мясо на 30% и масла — на 25% и совпавшим с ним снижением заработной платы рабочих крупнейшего в стране Новочеркасского электровозостроительного завода на 30%. Требования были сугубо экономические. Чтобы исключить подобное впредь, власть применила оружие, были убитые и раненые, хотя общее число жертв неизвестно и поныне. И действительно, такого рода выступлений больше не было. Народ смиренно относился к своей участи, чему были веские основания.

А вот набравшая силу за годы советской власти номенклатура постепенно все в большей мере осознавала недостатки своего социального статуса. Зрело и понимание того, что изменить ситуацию возможно только путем коренного преобразования существующего строя, к тому же на глазах хиреющего, и отнюдь не только и даже не столько в силу якобы допущенных просчетов в управлении, хотя и

они были. Главная причина состояла в полном исчерпании социализмом к 80-м годам своего потенциала развития, вследствие чего предпринятая под вполне социалистическими лозунгами перестройка самым естественным образом обернулась рыночной трансформацией, выдвинувшей на авансцену наиболее решительных представителей все той же номенклатуры, вполне созревших для окончательного разрыва с социализмом.

Полностью сохранив в своих руках политическую власть, бывшая советская номенклатура, освободившись от идеологических оков, немедленно занялась преобразованием своего социального статуса управляющего объектами государственной собственности в полноценного собственника этих объектов, и в первую очередь — наиболее привлекательных и перспективных с точки зрения экономической. К ней примкнули бывшие комсомольские лидеры, сумевшие самым лучшим образом воспользоваться и так называемым «золотом партии», хотя судьба последнего в полной мере и поныне так и не выяснена. Присоединились и теневики, накопившие свой капитал еще в советский период и сумевшие не только сохранить его, но и легализовать в полной мере уже в годы реформы.

Совершенно неожиданно вдруг обнаружилось, что социализм так и не сумел полностью искоренить предпринимательский дух народа: к разыгравшейся борьбе за присвоение объектов бывшей государственной собственности примкнули и наиболее предприимчивые выходцы из других социальных слоев. Все вместе они и оказались главными действующими лицами на исторической сцене российского ПНК, основными и наиболее реальными претендентами на «капиталистический престол», на статус собственника государственного имущества. Исторически исходным способом отделения непосредственного производителя от средств производства и жизненных средств явилась весьма успешно проведенная номенклатурой «спонтанная» приватизация государственного имущества, позволившая ей превратить отнюдь не худшую часть созданных ранее основных производственных фондов в промышленный капитал, минуя столь затяжную предварительную стадию накопления денежного капитала, хотя и в этом процессе она весьма преуспела.

Иная ситуация сложилась для выходцев из других слоев населения, уделом которых стало широкое использование криминальных способов в целях сосредоточения в своих руках свободных денеж-

ных средств, достаточных для участия в денежном этапе приватизации любыми доступными им способами, по части изыскания которых они оказались весьма изобретательными.

Отчуждение широких слоев населения от объектов государственной собственности было в значительной мере облегчено тем, что фактически они и при социализме сособственниками себя не ощущали вследствие крайних масштабов совместного присвоения. Существенно и то, что за годы советской власти «простой советский человек», находившийся под неусыпным оком государства, приобрел такие черты, как иждивенчество, социальная пассивность, чем в немалой мере объясняется его бездеятельность и безразличие к начавшемуся в конце 80-х годов разделу и переделу объектов государственной собственности, его весьма скептическое отношение к ваучерам: право на кусок государственного пирога не воспринималось им всерьез. Между тем бесплатная раздача части — не лучшей и не большей — государственного имущества была не только данью сложившемуся за годы советской власти менталитету, но и создавала равные стартовые условия для вхождения в рынок для всех. И тем не менее ваучеризация позволила прежде всего «красным директорам», то есть представителям все той же бывшей номенклатуры, без особых денежных затрат сформировать за короткий период времени солидный пакет акций путем скупки обесцененных гиперинфляцией начала 90-х годов ваучеров у членов трудовых коллективов своих предприятий, тем самым дополнив сохраненный ими статус управляющего статусом собственника бывшего государственного предприятия.

Вместе с тем свойственная переходному периоду неустойчивость вновь приобретенного статуса, равно как далеко не всем доступная способность адаптироваться к новым условиям хозяйствования, толкала директорат на более надежный и вполне доступный путь. Это путь расхищения активов предприятий в целях личного обогащения, развертывания коммерческой вместо производственной деятельности, как, например, сдача в аренду производственных площадей, продажа производственных активов и т.д. Перевод капитала из промышленной формы в денежную оказался более предпочтительным в условиях тяжелого финансового положения большинства предприятий с неясными перспективами на будущее, да еще и в условиях крайне неблагоприятного инвестиционного климата.

Трудящиеся безучастно наблюдали за развернувшейся исторической драмой. Социальные протесты раздавались главным образом лишь по поводу несвоевременной выплаты заработной платы и социальных трансфертов — явления сугубо российского, порожденного неумной фантазией российских реформаторов и вновь нарождающегося класса собственников. Исключением из пассивного большинства явилась лишь наиболее активная часть населения, главным образом молодежь, безоглядно включившаяся в криминальную деятельность, используя зачастую хотя и дикие, но едва ли не единственно им доступные способы борьбы в целях личного обогащения за счет нарождающегося слоя собственников. Но и последние в свою очередь не гнушались пользоваться услугами криминала в своих далеко не бескорыстных интересах, объективно питаемых эпохой ПНК.

Потенциальными претендентами на объекты государственной собственности были найдены вполне адекватные сложившейся ситуации способы преодоления дефицита денежного капитала в условиях стремительного преобразования отношений общенародной собственности:

- первый решительный и весьма значимый шаг был сделан, как уже отмечалось, на рубеже 80–90-х годов. Спонтанная приватизация позволила прибрать к рукам наиболее прибыльные объекты государственной собственности, каковыми в силу сложившихся обстоятельств оказались главным образом предприятия отраслей ТЭК: так, прибыль в народном хозяйстве России в 1991 г. в ценах мирового рынка составила 193,5 млрд долл., а доля в ней нефтегазовой промышленности — 144, 3 млрд долл. (Российский экономический журнал, 1992, №12, с. 23), вследствие чего именно здесь и появились первые российские миллиардеры, сумевшие приобщиться к присвоению немалой части этой прибыли;

- на руку так называемым «красным директорам» оказалась успешно претворенная в жизнь бесплатная ваучерная приватизация, существенно облегчившая последующую скупку обесценившихся вследствие гиперинфляции первой половины 90-х годов ваучеров у обнищавшего в результате либерализации цен населения. Предусмотрительно ваучеры оказались безымянными, что обеспечивало их свободное обращение;

- при проведении денежной приватизации была занижена в 10–20 раз цена подлежащих продаже объектов государственной собственности, что облегчало их скупку, по существу, за бесценок. Приведем только одну цифру: «500 крупнейших предприятий страны стоимостью в 200 млрд. долл. было продано Госкомимущества всего за 7 млрд долл.» (Н.Петраков, В.Перламутров. Россия — зона экономической катастрофы//Вопросы экономики.— 1996, №3, с. 79);

- потребность в денежном капитале решалась легким для власти имущей элиты доступом к государственному бюджету на всех уровнях, к иностранным займам, к целевым государственным субсидиям, к помощи из-за рубежа, жесткий контроль за использованием которых со стороны общества отсутствует, по существу, и поныне. Не без оснований К.Маркс называл государственный долг «одним из самых сильных рычагов первоначального накопления», что вполне подтвердила и российская практика первичного капиталобразования. Западные политические лидеры в пылу предвыборной борьбы называли даже фамилии российских реформаторов, причастных к расхищению внешних займов. Опровержений, естественно, не последовало;

- источником денежного капитала явились отнюдь не бескорыстные услуги государственных чиновников, сформировавших нормативно-правовую базу, воспользоваться услугами которой без крупных взяток не представляется возможным и до настоящего времени, хотя это и тормозило развертывание частнопредпринимательской деятельности, особенно в малых формах.

Примерами взяточничества и расхищения средств государственными чиновниками пестрят газеты и журналы по сегодняшний день.

Итак, в развернувшемся в российской экономике процессе первичного капиталобразования бесспорным лидером оказалась бывшая советская номенклатура. К ней примкнули бывшие теневики, а также наиболее предприимчивые выходцы из других слоев населения.

Справедливости ради отметим, что «чистых» по своему происхождению капиталов, как правило, не бывает. Эпоха ПНК характеризуется всякими, в том числе и даже по преимуществу «грязными» методами накопления капитала, воспрепятствовать использованию которых государство оказалось неспособным, что имеет впол-

не объективные основания. В России даже введенная в законодательное русло приватизация густо сдобрена криминалом. Так, по данным Генпрокуратуры, количество экономических преступлений оказалось равным количеству актов приватизации государственного имущества. Не менее криминализированным явился и постприватизационный передел объектов присвоения. В ходе этих процессов даже убийства экономических и политических соперников превратились в бытовое явление.

Предлагаемая идентификация переживаемого российской экономикой периода с процессом ПНК необходима не только для понимания данного процесса с сугубо познавательной точки зрения, но и для определения наиболее адекватных форм экономического поведения участников данного процесса, государства — в том числе, в адрес которого столь громко звучит критика по поводу неуправляемости экономикой.

По поводу этой критики напомним, что во всех странах ПНК протекает стихийно. Но это воспринималось вполне естественным для стран, переходивших к капитализму от феодального общества, где по-иному и быть не могло. Но совсем неожиданным явилось то, что и в России этот процесс приобрел преимущественно стихийный характер, по крайней мере в 90-е годы. Переходный период таковым не воспринимался, а следовательно, не воспринималась и присущая ему стихия, поскольку в любом случае над нами тяготело наше недавнее тоталитарное прошлое, где власть государства была безраздельна.

И все же объективные закономерности, свойственные переживаемой эпохе, оказываются сильнее привходящих, хотя и весьма существенных обстоятельств. Преобладанию стихийных процессов способствовала и принятая модель рыночной трансформации, ограничившая экономическую политику государства проведением ее кредитно-денежной и финансовой составляющих в качестве приоритетных — тем более, что сам этот выбор оказался отнюдь не случайным. Приоритетность данных направлений экономической политики вполне логична, коль скоро теоретическим обоснованием принятой модели является монетаризм, коль скоро она предложена финансовой международной организацией. Предусмотренная данной моделью широкая либерализация экономической деятельности хозяйствующих субъектов, без которой невозможны в прин-

ципе рыночные преобразования, автоматически означала ограничение вмешательства государства в экономическую жизнь общества. Такая либерализация, дополнив прорыночное законодательство конца 80-х годов, в полной мере позволила хозяйствующим субъектам развернуть процесс первичного капиталообразования, в котором государство участвовало прежде всего в качестве законодателя. Его деятельность как макроэкономического агента сужается по мере приватизации объектов государственной собственности, приобретая уже в силу этого совсем другой характер.

При таких предпосылках сетования по поводу бездеятельности государства представляются не вполне состоятельными. В рамках принятой модели государство сделало все необходимое для осуществления рыночной трансформации. Более того, именно данная модель позволила в кратчайший срок разрушить отношения государственной собственности, придав тем самым необратимый характер переходу к рынку. Это было тем более важно в стране, где в таком переходе прямо и непосредственно была заинтересована лишь незначительная часть общества, но не широкие слои населения. Реформа не пользовалась поддержкой снизу, хотя альтернативы история не предоставила. Ее проведению низы просто не воспрепятствовали.

В полном соответствии с природой ПНК либеральная модель в наибольшей мере создала предпосылки для развертывания присущего ему по определению стихийного характера преобразований. Как показывает мировой опыт, преобразование отношений собственности путем раздела ранее созданных объектов присвоения не может быть осуществлено на основе общественного договора. На добровольной основе «огораживания» унаследованного национального богатства не осуществить. Эта проблема решается посредством механизма жесткой и бескомпромиссной конкурентной борьбы, в ходе которой побеждает тот, кто в наибольшей мере способен отстоять свои притязания на статус собственника.

Конкурентная борьба в переходный период в противоположность зрелой рыночной экономике имеет ту особенность, что ее объектом является прежде всего не рыночная ниша, не карман потребителя, не сфера приложения капитала, но объекты государственной собственности, созданные в предшествующий период и подлежащие переходу в частные руки, в руки индивидуальных

и ассоциированных собственников, в ходе этой борьбы утверждающих свое право, право сильного, на обладание ими.

Экономическое поведение государства в переходный период следует оценивать с точки зрения адекватности выполняемых им функций эпохе ПНК. Использование иных критериев просто некорректно. И в этом смысле деятельность российского государства на протяжении всех 90-х годов не только соответствовала этой эпохе, но и была вследствие этого весьма продуктивной. Результаты его деятельности соответствовали интересам главных действующих лиц ПНК как носителей рыночных преобразований. Вместе с тем интересы нарождающегося класса собственников неправомерно квалифицировать в силу сложившейся в отечественной экономической науке традиции исключительно как противоречащие широкому слою населения. Не по вине этих лиц рухнул социализм, не они выбирали рыночный характер преобразований. Иного пути история просто не предоставила. Лишь в силу положения номенклатуры в качестве управляющего в социалистическом обществе она обладала неоспоримыми преимуществами в конкурентной борьбе за присвоение объектов государственной собственности, в своих притязаниях на статус собственника средств производства, хотя далеко не все ее представители сумели этот статус приобрести, а приобретя — сохранить. К тому же класс собственников сформировался отнюдь не исключительно за счет выходцев из номенклатуры.

Появление подлинного собственника тождественно появлению в его лице и инвестора, с деятельностью которого связано возрождение реального сектора, а следовательно, и жизненного уровня всех слоев населения, получающих рабочее место и возможность обеспечивать рост своих доходов за счет своих собственных трудовых усилий. Собственники средств производства в рыночной экономике действительно прямо и непосредственно преследуют достижение личной выгоды, личного обогащения. Но результатом их деятельности становится обогащение всех членов общества, хотя при этом неизбежно растет социальная дифференциация, регулирование которой в современной социально ориентированной рыночной экономике становится одной из важнейших функций государства.

Противоречия переходного периода порождены самим фактом преобразования отношений собственности, в ходе которого изменяется социальный статус каждого члена общества. Расставание с

этим статусом в постсоциалистической стране оказалось крайне болезненным в силу его уникальности, не говоря уже о том, что такой переход сопровождался трансформационным спадом, а следовательно, массовой нищетой и безработицей.

Вместе с тем и поляризация общества — органическое свойство данной эпохи. Суть этой поляризации — накопление богатства в руках немногих путем отчуждения от средств производства подавляющей части населения. При такой ломке не могла сохраниться и прежняя социальная система в облике общественных фондов потребления. А потому вполне естественно, что переходная российская экономика в полной мере продемонстрировала присущий ей асоциальный характер даже в условиях широкого прокоммунистического движения, высокой активности коммунистических лидеров, доминирования фракции КПРФ в российском парламенте на протяжении едва ли не всех 90-х годов. Переломить ситуацию им так и не удалось в силу, прежде всего, объективных причин, хотя их активность представляет собой скорее дань традициям социальной демагогии советских лет, а в еще большей мере служит способом сохранения своего доверчивого электората, а следовательно, и своего пребывания у власти, у государственной кормушки, в облике все тех же благополучно сохраненных для себя и приумноженных в разоренной стране привилегий, при полной поддержке фракции КПРФ.

Российское государство сумело решить едва ли не самую главную и сложную проблему переходной эпохи — проблему обеспечения социального мира в стране в период, когда все население расставалось со статусом собственника с соответствующими способами его экономической реализации. И это при том, что оно нередко оставалось безучастным к грубому нарушению трудового законодательства со стороны частного бизнеса, само прибегало к несвоевременной выплате заработной платы и социальных пособий, не препятствовало процессу первичного капиталообразования, в том числе и путем разорения населения и предприятий реального сектора коммерческими банками и прочими финансовыми структурами, и даже само активно включилось в этот процесс, возведя финансовую пирамиду в облике рынка государственных ценных бумаг. Иными словами, действовало в соответствии с потребностями нарождающегося класса собственников, создавая наиболее благо-

приятные условия для отделения непосредственного производителя от средств производства, для скорейшего накопления денежного капитала, для превращения основных производственных фондов в промышленный капитал. И не его вина в том, что экспроприации подлежала общенародная собственность, в силу чего реформирование сопровождалось резким снижением жизненного уровня населения.

Коль скоро процесс рыночной трансформации является стихийным по своей природе, то так называемая неуправляемость экономикой со стороны государства отнюдь не воспрепятствовала движению к рынку, которое в любом случае сопровождалось бы разрушительными процессами, так как всякий кризис снимает ранее накопленные противоречия единственно доступным ему насильственным путем. Иного механизма историей не наработано.

Завершение в основном раздела и передела объектов собственности ставит на первый план проблему структурной диверсификации народного хозяйства, что выдвигает перед государством принципиально иные задачи, включая разработку под ее решение долгосрочной программы преобразований. Назрела потребность в ситуации, когда «право и «труд» действительно превращаются в факторы экономического развития. Об этом писал Л. фон Мизес. В его интерпретации насилие и закон, война и мир являются крайними полюсами общественной жизни, содержанием которой выступает экономическая деятельность. Последняя для своего осуществления требует мира и закона, что в состоянии обеспечить только государство в качестве законодательного института.

Решать все эти проблемы призвано государство как субъект макроэкономики, что вполне осознается политическими лидерами.

Особое место занимают рыночные преобразования в КНР, к числу постсоциалистических стран себя не относящей. Правящая партийная элита проявила вполне уместные терпимость, осмотрительность, осторожность, приступая к возведению «рыночной экономики в условиях социализма». Тем не менее эти «условия» весьма успешно преодолеваются на протяжении всех лет реформы. Не исключено, что по истечении нескольких десятилетий только и останется, что «китайская специфика», но не социализма, а рыночной экономики. Китайские реформаторы, сохранив государственную собственность, государственные институты управления, про-

являя изощренную гибкость в регулировании национальной экономики, полностью контролируют ситуацию в стране на протяжении всех лет преобразований, последовательно идя по пути, с одной стороны, совершенствования отношений государственной собственности, коммерциализации деятельности государственных предприятий, с другой — широкого развертывания частнопредпринимательской деятельности, основой чего стало снятие ее запрета, деколлективизации сельского хозяйства в ходе аграрной реформы, что создало предпосылки для свободного развития в аграрном секторе рыночных отношений, где занято около 70% населения страны. Осуществляется также столь значимая политика экономического зонирования, создавшая предпосылки для формирования рыночного сектора в национальной экономике усилиями иностранного капитала, обладающего к тому же мощным демонстрационным эффектом. Особенности китайского социализма, породившие особенности китайской реформы, обусловили особый путь движения к рыночным отношениям, от чего последние не перестают быть таковыми. Иными словами, китайская специфика не устраняет общей закономерности движения к принципиально иной социально-экономической системе, чему и обязана китайская экономика своими успехами, достигнутыми за годы реформирования.

Итак, роль государства в рыночных преобразованиях может быть различной в зависимости от избранной модели реформирования. Либеральная модель в наибольшей мере способствует развертыванию ПНК в классическом виде, то есть с преобладанием стихийных процессов, а потому именно здесь наиболее полно проявляются закономерности этого процесса.

Но и градуалистская модель не устраняет этого процесса, хотя сохранение государственного сектора означает сохранение и функций государства отнюдь не только в пределах этого сектора, однако изменяющихся по мере изменения соотношения между государственным и частным секторами, по мере становления рыночных отношений. Государство, сохранив государственный сектор, оказалось способным взять под свой полный контроль фактическое разгосударствление национальной экономики, происходящее путем параллельного формирования частного сектора.

Как уже отмечалось, насилие составляет внутренний момент всякого переходного периода. Более того, оно имеет сугубо эконо-

мическое происхождение, корнящееся в природе данного периода. Питательной средой насилия становится само содержание переходного периода. Передел ранее созданных объектов собственности на основе общественного договора не осуществить, а потому приходится прибегать не только к уловкам изощренного ума, но и к грубой физической силе с использованием оружия.

В основе происхождения вновь формирующихся в России отношений собственности лежит раздел и передел объектов государственной собственности. Если раздел государственного имущества, начавшийся сразу после официального провозглашения рыночных преобразований, осуществлялся в соответствии с принятым в этой связи законодательством, хотя и здесь не обошлось без его нарушения, то постприватизационный передел поделенного оказался криминализированным едва ли не в полной мере, в связи с чем и получил название «черного передела». И проблема состояла не только в неспособности государства противостоять криминалу, но прежде всего в том, что начавшейся уже в середине 1994 г. денежной приватизации предшествовал слишком короткий период накопления денежного капитала, если учесть, что в советский период он сформироваться не мог, а на продажу выставлялись такие гиганты советской промышленности, как, например, Уралмашзавод, ЗИЛ, крупнейшие даже по мировым меркам машиностроительные, металлургические и алюминиевые комбинаты и заводы. И это было правилом, так как советская экономика была в высшей степени монополизирована. Борьба, успех в которой определялся не только и даже не столько масштабами накопленного денежного капитала, сколько готовностью использовать все доступные средства, включая и насильственные, развернулась между представителями российского бизнеса. А потому сама денежная приватизация, последовавшая консолидация пакетов акций в ходе слияний и поглощений сопровождалась в 90-е годы едва ли не массовым отстрелом конкурентов. Как говорил незабвенный Иосиф Виссарионович, «нет человека — и нет проблемы». Облагораживание правовым оформлением столь кровавых по своему происхождению отношений собственности происходит лишь по мере завершения этого процесса, коль скоро правовые отношения вторичны относительно экономических.

Мощным сдерживающим началом в развернувшихся в переходной экономике баталиях за объекты государственной соб-

ственности могла бы служить религия как институт нравственности, как созидательная сила общественного развития, предотвращающая разрушительные последствия нарушения абсолютных законов нравственности. Еще А.Маршалл четко сформулировал ее значимость в развитии человеческого общества. В его интерпретации, «две великие силы формируют мировую историю — религия и экономика», причем первое место он отводил религии, что вполне логично. Ведь законы нравственности — это законы взаимоотношений между людьми, пронизывающие все стороны жизнедеятельности общества. А потому следование этим законам в известной мере защищает от нарушения и других объективных законов — экономических и естественных. Человечеству понадобилось немало времени, чтобы убедиться в преимуществах для всех участников честной, то есть с соблюдением законов нравственности, конкуренции.

Примечательны и весьма значимы в этом смысле события Французской революции. Попытка отвергнуть Бога ужаснула даже Робеспьера, провозгласившего в Конвенте культ Высшего существа и сжегшего картонную статую атеизма в Тюильрийском саду. А шесть лет спустя консул Бонапарт произнес замечательные слова: «Никакое общество не может существовать без морали, а настоящая мораль немыслима вне религии. Следовательно, прочную и постоянную опору государству дает только религия».

В России революция смела церковь, отбросила религию и провозгласила официальной идеологией атеизм. На протяжении целых десятилетий религия была сознательно исключена из общественного сознания, из общественной жизни, а потому и была лишена возможности выполнять свою созидательную функцию. Это обстоятельство явилось одним из важнейших факторов разрушения нравственных основ советского общества. Однако были и другие, как то: массовая бедность, деградирующая личность, жилищная теснота коммунальных квартир, формирующая, по словам А.Маршалла, «нравственных уродов». Это утверждали и русские писатели М.Булгаков и Ю.Нагбин.

Не менее важно и то, что официальная идеология в течение десятилетий насаждалась насильственно, под неусыпным контролем карательных органов, попиравших своей деятельностью (растлевавшей души не только палачей, но и их жертв, в том числе и по-

тенциальных, отравленных всеобщим патологическим страхом) самые глубокие основы нравственности. Всеобщая слежка, доноительство, разоблачения, будучи глубоко безнравственными по своей природе, становились нормами массового общественного сознания и поведения.

Разрушению нравственных основ в жизни общества в немалой мере способствовала и поставленная вне закона рыночная по своей социально-экономической природе теневая экономика, развивавшаяся с первых лет советской власти в недрах официальной экономики в силу объективных закономерностей, которые произвольно устранить нельзя. Негативный опыт теневой предпринимательской деятельности не только сохранился в годы рыночной трансформации, но и был подхвачен экономическими агентами становящейся рыночной экономики и перенесен в принципиально новую эпоху, породившую новые мотивы для его широкого использования.

При таких исходных исторических предпосылках насилие в переходной российской экономике не могло не принять массового характера и самых изощренных форм. На почве начавшегося раздела и передела объектов государственной собственности даже убийства приняли массовый характер. Безнравственность оказалась нормой жизни для миллионов начинающих предпринимателей, что и породило вседозволенность в способах борьбы за место под солнцем. Ею питается нечеловеческая жестокость конкурентной борьбы. И если эпоха ПНК по определению слабо совместима с законами нравственности, то в стране официального атеизма, в стране с разрушенной за годы социализма духовно-нравственной средой их соблюдению и вовсе не оказалось места, хотя эти законы имеют абсолютную силу и нарушать их безнаказанно так же невозможно, как и законы развития природы и общества.

Противоречия между законами нравственности и разгулом насилия в эпоху ПНК разрешаются постепенным осознанием созидательной силы этих законов, возрождением церкви как института нравственности, углублением законотворческой деятельности государства, ориентированной на укрепление нравственных основ жизнедеятельности общества во всем многообразии ее проявлений.

Особую специфику ПНК в России придает фактор времени. Страна вступила в данную эпоху с большим запозданием. Как извест-

но, в странах Запада она завершилась несколько столетий назад. Это обстоятельство усложняет процесс первичного капиталообразования, по крайней мере в силу следующих обстоятельств:

- в условиях, когда в стране существует неблагоприятный инвестиционный климат, что свойственно всякой переходной экономике, формирующийся в ней денежный капитал в значительных размерах был вывезен в 90-е годы за границу, где уже давно сложились благоприятные условия для его приложения едва ли не в любой сфере экономической деятельности;

- отток денежного капитала, и поныне составляющий миллиарды долларов, сдерживает образование промышленного капитала, удлинняет процесс возрождения реального сектора национальной экономики;

- крайне неблагоприятны условия включения национальной экономики в мировую: они диктуются более развитыми странами, давно и прочно занявшими в ней лидирующие позиции. В их интересах закрепление за Россией в мировом экономическом пространстве места поставщика дешевых энергоресурсов, что не вполне отражает национальные интересы страны, по крайней мере в долгосрочной перспективе. Именно такой вариант развития и получил реализацию, к тому же он соответствует частным интересам крупных российских компаний, сосредоточивших свою деятельность в отраслях ТЭК как наиболее прибыльных, чем в первую очередь обеспечивалось наиболее быстрое личное обогащение крупных акционеров и менеджеров, приватизировавших объекты данного комплекса.

Однако совсем не эти отрасли являются доминирующими в постиндустриальных странах. Изменится ситуация и в российской экономике по мере образования промышленного капитала, по мере завершения им индустриального этапа развития. Важно, чтобы сложившаяся на старте в силу объективных причин ситуация не законсервировалась, чтобы макроструктура формировалась исходя из интересов прежде всего национальной, а не мировой экономики. Но это уже функция государства, состоящая в том, чтобы суметь переориентировать российский бизнес на формирование макроэкономической структуры, способной создать предпосылки для перехода к постиндустриальному развитию. Пока отечественный капитал сам отыскивает для себя наиболее выгодные сферы

приложения, руководствуясь собственными интересами, постепенно вовлекая в орбиту своего действия все более широкий круг отраслей в процессе реструктуризации унаследованных от советского периода монополий.

Итак, запоздалое вступление на путь капиталистического развития делает его еще более тернистым для стран догоняющего типа, к числу которых относится и Россия.

Вопросы для повторения:

1. Какие критерии могут быть заложены в основу периодизации экономической истории?
2. Чем определяется многообразие типов переходной экономики и каковы они в современную эпоху?
3. Каковы общие черты и особенности переходной экономики?
4. Какие закономерности присущи экономике переходного периода?
5. Чем порождены особенности переходного периода в постсоциалистических странах?
6. Какие факторы определяют становление смешанной модели рыночной экономики в постсоциалистических странах?
7. В чем проявляются особенности первоначального накопления капитала в постсоциалистических странах?

Темы рефератов, докладов, эссе:

1. Критерии периодизации экономической истории и место в ней переходной экономики.
2. Переходная экономика постсоциалистических стран: общие черты и различия.
3. Противоречия экономики переходного периода и пути их преодоления.
4. Рыночная трансформация постсоциалистической экономики как процесс первоначального накопления капитала.

Литература:

1. Экономика переходного периода/Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. — М.: Изд-во МГУ, 1995 (Введение, гл.1).
2. Красникова Е.В. Развитие капитализма в России век спустя. — М.: ТЕИС, 2003 (гл. 3).

3. *Инсонг Л.* Российский капитализм в эпоху глобализации: задачи и перспективы//Мировая экономика и международные отношения. — 2004, № 2.
4. *Маркс К.* Капитал//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — М.: Изд-во политической литературы, 1981 (гл. 24).
5. *Корнаи Я.* Системная парадигма//Вопросы экономики.— 2002, №4
6. *Пороховский А.* Вектор экономического развития.— М.: ТЕИС, 2002 (отделы 1 (8,9) и 2 (4,6))

Тема II. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПЛАНОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРИЧИНЫ ЕЕ КРИЗИСА

Истинный последовательный социализм есть социализм Маркса в теории, социализм русских большевиков — на практике.

Н. Бердяев

План:

1. Социализм как система экономических отношений: особенности возникновения и функционирования.
2. Противоречия социализма как противоречия общенародного присвоения средств производства.
3. Безальтернативность движения постсоциалистических стран к рыночной экономике.
4. Номенклатура — «могильщик» социализма.

2.1. Социализм как система экономических отношений: особенности возникновения и функционирования

Приступая к изучению теории переходной экономики, чрезвычайно важно знать особенности предшествующего развития, так как на нем в конечном счете покоится любой ныне протекающий процесс. К.Маркс по этому поводу писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (К.Маркс и Ф.Энгельс. М., Изд-во политической литературы, 1981, Соч., изд. второе, т. 8, с. 119). Именно поэтому для понимания происходящих в переходной экономике процессов необходимо знать, что представляет собой уходящая система экономических отношений. «Зависимость от предшест-

вующего развития» признается и современной институциональной теорией.

Стартовой площадкой рыночных преобразований в постсоциалистических странах является социализм как экономическая система. Переходная экономика – продукт ее распада. Идея всеобщего равенства, свободы и справедливости, воплотившаяся в конечном счете в реальном социализме, имеет многовековую историю. Ее истоки зародились еще в античном обществе. Более совершенное общественное устройство было предложено Платоном, безуспешно пытавшимся реализовать свои идеи на практике. Все последующие поколения носителей идеи социального равенства и справедливости занимались по существу тем же. Исходя из лучших побуждений они составляли проекты наиболее совершенного устройства столь несовершенной общественной жизни в соответствии с собственными представлениями о добре и зле, о равенстве и справедливости. Как правило, это были выходцы из обеспеченных слоев общества, обладавшие высоким интеллектом и богатым творческим воображением, равно как и свободным временем, необходимым для составления подобных проектов. Их попытки переустройства мира Ф.-А. Хайек назвал «пагубной самонадеянностью разума», уверовавшего в свою способность решать столь грандиозные задачи.

В эпоху классического капитализма идеи социализма проникли в массовое по своим масштабам в XIX в. рабочее движение с четко выраженной антикапиталистической направленностью. В этот же период была создана так называемая концепция научного социализма, которой в конечном счете и суждено было реализоваться, хотя совсем не там и не при тех исторических предпосылках, как это мыслили ее авторы – К.Маркс и Ф.Энгельс. Суть их концепции состоит в следующем:

- социализм есть продукт распада капитализма под бременем имманентно присущих ему социально-экономических противоречий, под воздействием углубления которых все более острую и непримиримую форму принимает классовая борьба пролетариата, призванного историей в конечном счете стать могильщиком капитализма;

- революционный взрыв произойдет на фазе кризиса, характеризующегося крайним обострением всех противоречий;

- концепция разработана исходя из анализа реалий вполне зрелого капитализма, в его классическом виде представленного в Англии и ряде других западноевропейских стран, где он выполнил свою историческую миссию в области развития производительных сил — осуществил индустриализацию и тем самым подготовил материальные предпосылки для возникновения иной системы экономических отношений — коммунизма, первой фазой которого явится социализм, то есть незрелый коммунизм.

Авторами данной концепции прописаны, хотя и в самой общей форме (а иначе невозможно, так как речь шла о прогнозе), наиболее существенные черты будущего общества, к числу которых были отнесены следующие:

- установление общественной собственности на обобществленные в процессе концентрации и централизации производства средства производства, субъектами которой явятся создавшие их трудящиеся;
- управление народным хозяйством из единого экономического центра;
- механизмом хозяйствования становится директивное народно-хозяйственное планирование;
- распределение материальных благ и услуг будет осуществляться в соответствии с трудовым вкладом каждого работника, но при этом общественно значимые блага и услуги предоставляются всем членам социалистического общества, преимущественно бесплатно;
- введение всеобщей гарантированной занятости трудоспособного населения как основы трудовых доходов, коль скоро нетрудовые доходы данной системой экономических отношений исключаются.

Подчеркнем также еще одно весьма важное для понимания природы социализма в марксистском толковании обстоятельство: в нем нет места товарно-денежным, рыночным отношениям. «Раз общество, — писал Ф.Энгельс, — возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями» (Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., издание второе., том 20, с. 294. М., Государственное издательство политической литературы. 1961). Механизмом регулирования общественного производства станет планомерная организация: «Анархия внутри общественного

производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (там же, том 4, с.334).

Концепция была разработана для Англии как наиболее капиталистически развитой страны, а также ей подобных, как созревших в ходе индустриализации для социалистических преобразований.

Однако по иронии судьбы она оказалась реализованной на практике в едва вступившей на путь капиталистического развития России. Решающее значение в победе социалистической революции в этой стране имело множество обстоятельств ее исторического развития. Назовем некоторые из них:

- переходное состояние российской экономики на рубеже веков и вследствие этого слабость политической власти господствующего класса как сходящего с исторической сцены, равно как и приходящего ему на смену класса, еще не успевшего набрать экономическую мощь и способность управлять политической ситуацией в стране;

- присущая всякой переходной экономике острота социально-экономических противоречий, сама по себе чреватая глубокими социальными потрясениями, была крайне усугублена под воздействием неудач, обрушившихся на Россию в ходе сначала Русско-японской, а еще более — Первой мировой войны, что привело к «массовому подавлению основных базовых инстинктов большинства населения» страны, вследствие чего при слабости существующей политической власти, в силу этой слабости неспособной контролировать ситуацию в стране, революционный взрыв оказался неизбежным. Отметим, что Питирим Сорокин в возникновении именно такой ситуации видел главную причину всякой революции;

- свойственная переходному периоду альтернативность развития, позволившая в условиях крайнего обострения противоречий отступить от общих закономерностей экономического движения, в соответствии с которыми от натурального, феодального по своей социально-экономической природе хозяйства общество движется к рыночному капиталистическому, придать мощному антидворянскому по своему содержанию демократическому движению, зародившемуся в России еще в середине XIX в., чуждый ему в некапиталистической стране антикапиталистический характер.

Однако вследствие непреодолимости общих закономерностей, имеющих абсолютную силу, последние самым естественным образом возобладали вновь по истечении нескольких десятилетий социалистических экспериментов, в полной мере выявивших на практике теоретическую несостоятельность концепции научного социализма, заложенной в их основу в качестве теоретической базы.

Такое отступление во многом было предопределено поддержкой широкой массой экономически и политически невежественного, а сплошь и рядом просто безграмотного населения той партии, которая сумела выдвинуть наиболее простые и доступные для его понимания лозунги, лживость которых обнаружилась слишком поздно, чтобы повернуть события вспять, тем более что энергетическая усталость населения, прошедшего через горнило революции и кровавой гражданской войны, была чрезвычайно высока;

- традиции общинного землепользования, равно как и сильного государства деспотического характера, свойственного всякой империи. То и другое вполне соответствовало идее социализма в марксистском толковании как системе совместного присвоения средств производства и управления из единого центра;

- наконец немаловажное значение имело наличие в стране лидеров «авантюристического толка» (Н.Бердяев), сумевших воспользоваться революционной ситуацией в целях захвата политической власти, что и позволило им реализовать на практике концепцию научного социализма.

Как видим, происхождение социалистической революции объясняется множеством причин . В заключение приведем слова выдающегося русского философа С.Франка о том, что мощное демократическое движение, зародившееся в России еще в середине XIX века, будучи антидворянским по своему содержанию, приняло чуждый ему в феодальной стране антибуржуазный характер. Такой характер был насильственно и едва ли не исключительно уголовными методами навязан этому движению лидерами марксистского толка. Последними были предложены пострадавшему народу не только доступные для их понимания и приемлемые лозунги, но и способы их реализации, а именно экспроприация экспроприаторов, означавшая в просторечии «грабь

награбленное», во имя чего и была осуществлена революция. Последняя обладала огромным разрушительным потенциалом. Она была подобна «нашествию внутренних варваров», в порыве революционной одержимости безжалостно уничтожавших материальные и духовные ценности и уж тем более — классовых врагов. А после ее успешного завершения «сектанты-фанатики... стали уже планомерно насаждать подлинный социализм, то есть творить дело вдвойне бессмысленное и губительное не только по своей объективной нецелесообразности (ибо социализм, как это теперь очевидно всякому, есть внутренне ложная, несостоятельная система народного хозяйства), но и по своему полному несоответствию даже стихийным потребностям и инстинктам народных масс» (С.Франк. Из размышлений о русской революции. Новый мир, 1990, №4, с.217).

Итак, именно вследствие уникального сочетания всех этих в равной степени значимых обстоятельств, сложившихся в переходный период, социализм и оказался «неотвратимой судьбой России» (Н.Бердяев). Именно переходный период характеризуется утратой экономической и политической мощи прежнего господствующего класса, тогда как новый не успел ее еще набрать. Это и породило безвластие, вакуум власти, чем не преминули воспользоваться политические авантюристы в целях реализации столь привлекательной в их глазах концепции научного социализма.

Возникновение социализма явилось не всего лишь и не просто преждевременным, но грубым отступлением от закономерностей мирового экономического процесса. И уже вследствие этого он не имел большого будущего. Закономерности экономического развития имеют такую же абсолютную силу, как и другие, например законы природы или нравственности. Нарушение любого из них всегда сопровождается разрушительными последствиями, что, однако, вследствие временного лага между тем и другим далеко не всегда осознается человеком и человечеством. Для России такое нарушение обернулось еще большим увеличением разрыва в уровне экономического развития относительно развитых стран, если этот уровень измерять не количеством танков и ракет на душу населения, а степенью удовлетворения потребностей членов общества, так как именно это является целью всякой экономической деятельности.

Такое отступление ныне тем более очевидно, что на путь социализма в его марксистском толковании так и не вступила ни одна из развитых стран, хотя каждой из них сполна пройден не только индустриальный этап развития производительных сил, рассматривавшийся авторами концепции научного социализма достаточным материальным основанием для становления социализма, но в значительной мере освоен постиндустриальный. Более того, перспектива преодоления современного многообразия форм индивидуального и совместного присвоения средств производства в рамках постиндустриального общества и установления общенародной собственности так и не просматривается. Скорее можно говорить о ренессансе индивидуальной формы собственности, о возникновении и широком распространении ее особой разновидности — интеллектуальной, «бестелесной», что питает экономическую обособленность хозяйствующих субъектов, а следовательно, и рыночные отношения.

Итак, реальный социализм и есть подлинный социализм, где эта подлинность удостоверяется соответствием построенной системы марксистской доктрине, концепции научного социализма. Иного критерия не дано, так как нигде ни до, ни после такой системы не существовало. И уже этим определяется несостоятельность концепций деформированного, мутантного, «казарменного» и прочего социализма. То, что называется искажениями природы социализма на практике вследствие отступления от марксистской концепции, хотя таковых попросту не было, в действительности есть внутренние свойства данной системы экономических отношений, выявить которые могла только практика социалистического хозяйствования. И вследствие этого якобы «искажения» были абсолютно неустранимы, о чем свидетельствуют безуспешные попытки «очеловечивания» социализма в годы перестройки. Иным он может представляться лишь в научном воображении адептов данной системы.

Советская модель социализма как эталонная для стран сформировавшейся в послевоенный период мировой социалистической системы — это отношения общенародного присвоения средств производства, сформированные в процессе ликвидации дореволюционных форм частной собственности путем ее национализации в форме конфискации и раскулачивания крестьянства. Общественная собственность получила юридический статус государственной. Наряду с ней была создана кооперативно-колхозная,

которая по существу таковой так никогда и не стала. Экономические отношения, складывавшиеся в кооперативно-колхозном секторе, полностью формировались государством и функционировали под его всесторонним контролем, что имело четкое экономическое обоснование: именно государство оказалось собственником основного в сельском хозяйстве средства производства — земли. Государственная, то есть общенародная, собственность стала безраздельно господствующей. Символом диктатуры пролетариата явилась коммунистическая партия как партия трудящихся, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти.

Реальный социализм как экономическая система характеризовался отношениями общенародного присвоения жизненных средств и средств производства в качестве господствующих, доминирующих. Эти отношения регулировались в своем развитии экономическими законами, порожденными отношениями общенародного присвоения и в этом смысле — специфическими. Среди последних официальной экономической наукой были обоснованы следующие:

- основной экономический закон как носитель высшей цели, вытекающей из непосредственного способа соединения работника со средствами производства и состоящей в неуклонном повышении жизненного уровня трудящихся по мере развития социалистического производства;

- закон плановости, в соответствии с которым механизмом хозяйствования явилось директивное централизованное народно-хозяйственное планирование;

- закон распределения по труду в сочетании с поступлениями общественно значимых благ и услуг через общественные фонды потребления преимущественно бесплатно или за символическую плату;

- закон социалистического накопления, в соответствии с которым осуществлялось формирование фонда накопления и фонда потребления в рамках национального дохода. Первый был предназначен для обеспечения расширенного воспроизводства и всеобщей трудовой занятости, назначение второго — обеспечение неуклонного роста благосостояния народа.

Наряду со специфическими законами, присущими общенародной собственности, признавалось действие при социализме и об-

щих экономических законов. Среди последних назывались такие, как закон повышающейся производительной силы труда, закон возвышающихся потребностей, а также закон преимущественного роста первого подразделения общественного производства относительно второго, то есть отраслей тяжелой промышленности относительно легкой. Именно так, довольно вольно и не вполне корректно и адекватно, интерпретировался обоснованный К.Марксом закон роста органического строения капитала. Этот закон трактовался как присущий индустриальному этапу развития производительных сил, сохраняющий значение и при социализме.

Представленная система экономических законов теоретически выглядела вполне обоснованной. И в самом деле в условиях общенародного присвоения, наделявшего каждого члена общества статусом сособственника средств производства, не могло быть иной цели общественного производства. При управлении из единого экономического центра, представляющего интересы всех членов общества, директивное планирование оказывалось единственно возможным механизмом хозяйствования. Распределением материальных благ и услуг по труду получал реализацию принцип социального равенства. Тем более уместной при заведомом неравенстве в потреблении вследствие неравенства самого труда на этапе индустриального развития была система социальной защиты населения через механизм общественных фондов потребления, доступ к которым был равен для всех. Распадение национального дохода на фонды потребления и накопления предопределялось двумя видами потребления — личного и производительного. Задача социалистического государства в регулировании процесса накопления вполне логично усматривалась в том, чтобы обеспечивать оптимальное соотношение между этими фондами. Критерием такой оптимальности признавалось обеспечение максимально возможного прироста будущего потребления за счет текущего производительного при непременном условии всеобщей гарантированной занятости.

Однако практика социалистического хозяйствования, направленная на реализацию общих и специфических экономических законов, выявила социально-экономические противоречия отношений общенародного присвоения, встроенным механизмом разрешения которых, как оказалось, система не обладала. Вследствие этого неизбежным было их накопление, что фатально вело ее к ро-

ковой развязке. Как уже отмечалось, возникновение социализма как системы явилось нарушением логики экономического развития, предпосланной общими закономерностями. Такое нарушение обернулось неспособностью данной системы превратить страну в лидера экономического развития по основным макроэкономическим показателям, вывести ее из числа стран догоняющего типа, хотя ценой неимоверных усилий и была осуществлена индустриализация. Но она оказалась подчиненной прежде всего милитаризации экономики — в силу необходимости защиты социализма как чужеродной системы в мировом экономическом пространстве, в силу собственных экспансионистских устремлений.

2.2. Противоречия социализма как противоречия общенародного присвоения средств производства

Присущие социализму противоречия нашли выражение прежде всего в том, что действие специфических экономических законов привело к совершенно неожиданным социально-экономическим последствиям. Остановимся на наиболее существенных из них. Так, вытекающая из общенародного присвоения средств производства гарантированная государством всеобщая занятость трудоспособного населения неизбежно сопровождалась неуклонным наращиванием производительного потребления. В свою очередь, это требовало повышения нормы производственного накопления в целях преимущественного развития отраслей тяжелой промышленности. Как известно, приростом продукции именно этих отраслей в первую очередь обеспечивался прирост рабочих мест. Но тем самым заведомо ограничивались возможности одновременного увеличения личного потребления. Последнее на протяжении всех лет социализма приносилось в жертву производительному во имя всеобщей занятости, что и нашло материальное воплощение в приоритетном развитии отраслей тяжелой промышленности, в утяжеленной макроэкономической структуре, сформированной за годы социализма. Доминирование в ней отраслей тяжелой промышленности заведомо ограничивало возможности повышения жизненного уровня населения. Это и явилось одной из важных причин того, что карточная система распределения материальных благ и услуг

так и не была преодолена в довоенный период, когда ударными темпами шел процесс индустриализации, а кратковременное повышение жизненного уровня населения в 50-е годы сменилось его падением в связи с начавшимся повышением государственных розничных цен уже с 60-х годов. Такое повышение стало систематическим в течение всего последующего периода. К исходу 80-х годов фактически была вновь возрождена карточная система — ввиду полного опустошения магазинных прилавков.

Крайне противоречивой оказалась практика социалистического планирования. Она характеризовалась полным несоответствием экономических интересов макро- и микрохозяйствующих субъектов. Государственные институты планирования стремились к максимизации плановых заданий по выпуску готовой продукции и минимизации затрат на ее производство. Государственные предприятия были заинтересованы в прямо противоположном. В условиях материального вознаграждения трудовых коллективов по итогам выполнения и перевыполнения плановых заданий плановые органы на низовом уровне стремились обосновать заниженные плановые задания по объему выпуска продукции и завышенные потребности в производственных ресурсах и рабочей силе под их выполнение. В этом противостоянии победителями, как правило, оказывались предприятия, утаивавшие достоверную информацию о своих производственных возможностях. Следствием такого противоречия являлось неуклонно нараставшее скопление на государственных предприятиях огромных излишков основных и оборотных производственных фондов и рабочей силы, а следовательно, неизбежное падение уровня эффективности использования того и другого, а сами излишки оборачивались безвозвратными потерями для общества. В свою очередь, уже одно это обстоятельство порождало неуклонно нарастающий дефицит факторов производства, а следовательно, и предметов потребления. Неизбежным следствием дефицита становилось неизменное снижение качества готовой продукции. В лучшем случае излишние производственные ресурсы становились материальной базой для теневой экономики. Масштабы последней стремительно нарастали по мере углубления дефицита, особенно в последние десятилетия, что все в большей мере подрывало отношения планомерности. Высшие плановые органы не располагали

достоверной и исчерпывающей информацией, необходимой для составления оптимальных народно-хозяйственных планов.

Парадокс директивного планирования состоял и в том, что ни одна пятилетка так и не была полностью выполнена, но при этом неизменно выполнялись и перевыполнялись плановые задания по отраслям тяжелой промышленности. Многолетняя практика более высокого материального вознаграждения за перевыполнение плановых заданий относительно их выполнения становилась фактором разбалансированности структуры народного хозяйства. Еще более тяжелым следствием вознаграждения по итогам выполнения и перевыполнения плановых заданий было торможение НТП. Как известно, внедрение новой техники и технологии всегда связано с рисками, совершенно нетерпимыми с точки зрения хозрасчетного предприятия в условиях вознаграждения по итогам выполнения и перевыполнения плановых заданий.

Таким образом, плановый механизм централизованного директивного планирования как механизм устойчивого сбалансированного по критериям данной системы развития, исключающего кризисные спады, призванный обеспечивать оптимальное функционирование социалистической экономики, на практике обнаружил свою полную экономическую несостоятельность. Количественные и особенно качественные показатели эффективности социалистического производства неизменно снижались, планы в полном объеме не выполнялись, структура народного хозяйства оказывалась все более несбалансированной даже по критериям социализма. В ней неизменно доминировали отрасли тяжелой промышленности, соотношение между отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности изменялось в пользу первых, нарастало технико-технологическое отставание от развитых стран, успешно вступивших на путь постиндустриального развития, а следовательно, увеличивался разрыв в уровне производительности общественного труда.

Не лучшим образом обстояло дело и с реализацией закона распределения по труду. В условиях всеобщего дефицита, выявившегося уже к середине 20-х годов, распределение по труду постепенно и неуклонно вырождалось в уравнилельное распределение, которое наряду с фактически уравнилельным по определению распределением материальных благ и услуг через общественные фонды потребления, имевшим явно выраженную тенденцию к нарастанию,

все в большей мере гасило мотивацию к эффективному труду, утрата которой в связи с дискредитацией карательных органов после смерти И. Сталина не могла быть компенсирована их деятельностью. Все это вело к катастрофическим последствиям, что наиболее отчетливо проявлялось в неизменном нарастании дефицитного характера социалистической экономики.

Что же касается закона социалистического накопления, то его основной функцией явилось обеспечение всеобщей гарантированной занятости. Такая занятость вытекает из природы общенародной собственности, имманентно присуща только ей. В условиях общенародного присвоения нетрудовые доходы попросту исключаются, а потому именно всеобщая занятость, гарантированная законом (примечательно, что за тунеядство предусматривалась еще и уголовная статья), является исходной предпосылкой роста жизненного уровня. Вместе с тем именно всеобщая гарантированная занятость, как экономический механизм реализации общенародной собственности, порождает неразрешимые противоречия, а потому последние накапливаются и по достижении критической массы ведут к гибели социализма как системы. Иными словами, противоречия социализма — это противоречия господствующей общенародной формы собственности, внутренне присущие ее природе.

Как известно, все в мире противоречиво. Однако специфика противоречий общенародной собственности состоит в том, что в силу присущего ей механизма реализации, состоящего в обеспечении всеобщей гарантированной занятости, эта форма собственности в качестве господствующей оказывается несовместимой с внедрением НТП. И в этом основа несостоятельности социализма. Такая несовместимость объясняется тем, что внедрение новой техники и технологии по своей природе сопровождается сначала относительным, а затем и абсолютным сокращением численности занятых в сфере материального производства. Именно с этим свойством НТП, оборачивающимся массовой безработицей, связывал К. Маркс неизбежность гибели капитализма. Однако этого не произошло. Данная проблема была им успешно решена путем развития сферы услуг, сопровождающегося неуклонным нарастанием занятости в данной сфере как сфере преимущественно малого бизнеса. Численность занятых в ней во всех развитых странах ныне значительно превышает занятость в материальном производстве.

Однако в марксистской доктрине реальный сектор экономики сведен исключительно к материальному производству, а потому в практике социализма сфера услуг в качестве непроизводительной финансировалась по остаточному принципу. И уже вследствие своей неразвитости она оказывалась неспособной поглощать высвобождающуюся из материального производства по мере внедрения НТП рабочую силу. При таких предпосылках проблема полной занятости фактически решалась консервацией трудоемкого производства, отторжением НТП. Неизбежным следствием слабой восприимчивости социализма к НТП явилось четко выраженное и уже вследствие этого не отрицаемое даже официальной экономической наукой преобладание на протяжении всего советского периода экстенсивного типа социалистического воспроизводства, характеризующегося существенно завышенными по меркам индустриального этапа развития сроками службы основного производственного оборудования, ориентированными на его полный физический износ. Приоритет экстенсивного экономического роста явился экономической закономерностью данной системы. Но такой рост уже сам по себе обладает весьма ограниченным потенциалом.

Еще более важно понять, что вместе с отторжением НТП система лишается и встроенного механизма разрешения присущих ей противоречий. Без НТП невозможен интенсивный экономический рост, а следовательно, неуклонное повышение производительности общественного труда, а следовательно, и повышение жизненного уровня населения. Вследствие отсутствия такого механизма происходило неизбежное и стремительно ускоряющееся накопление внутренних и внешних противоречий, которое, достигнув критической точки, привело к устранению господствующей формы собственности. Этим прежде всего объясняется столь кратковременная для экономической системы история социализма.

И все же НТП внедрялся при социализме. Однако он имел весьма ограниченную сферу своего распространения. Едва ли не исключительно он сосредоточился в советской экономике в отраслях ВПК. Это произошло вследствие того, что данный комплекс фактически оказался поставленным в условия внешней конкурентной борьбы с высокоразвитыми странами, отставание в которой было смерти подобно для системы в целом, что в полной мере и выявилось на исходе 80-х годов. Поражение в «холодной войне» и гибель

социализма совпали во времени отнюдь не случайно. Полное истощение системой потенциала своего экономического развития наиболее наглядно выявилось в неспособности поддерживать на мировом уровне жизненно важный в любом случае, а тем более приоритетный в условиях антагонистического противостояния ВПК. Еще раз отметим, что технологическое лидерство ВПК оставалось его монополией на протяжении всех лет социализма. Достижения НТП по мере их рассекречивания не распространялись на весь массив социалистической экономики.

Углубление противоречий социализма, снижение эффективности функционирования системы объясняется и тем, что всеобщая гарантированная занятость обесценивала труд как таковой, способствовала низкой трудовой дисциплине тем более, что рабочая сила в условиях преобладания экстенсивного экономического роста практически всегда и повсеместно была в дефиците. Об этом прозорливо писал еще французский мелкобуржуазный социалист П.Прудон в работе «Философия нищеты», подвергшейся уничижительной критике со стороны К.Маркса в работе «Нищета философии». Вот что писал П.Прудон: «Издайте указ, в силу которого с 1 января 1847 г. всем и каждому гарантировались бы труд и заработная плата; тотчас же бурное напряжение промышленности сменится сильнейшим застоем» (цитируется по работе: К.Маркс. Нищета философии//К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд. второе. — М., Государственное издательство политической литературы, 1955. Том 4, с. 162).

В отличие от К.Маркса, В.Ленин, вполне осознавая это, еще в 20-е годы предлагал считать нарушение трудовой дисциплины уголовным преступлением, наказуемым вплоть до тюремного заключения. К тому же весомый вклад в обесценение труда вносило фактически бесплатное, то есть независимое от личного трудового вклада, распределение общественно значимых благ и услуг через общественные фонды потребления.

Как уже отмечалось, необходимость обеспечения всеобщей гарантированной занятости порождала необходимость преимущественного роста отраслей первого подразделения относительно второго, коль скоро именно в этих отраслях создавались средства производства, за счет которых и формировались дополнительные рабочие места, столь необходимые в условиях преобладания экстен-

сивного экономического роста. При таких обстоятельствах преимущественный рост первого подразделения относительно второго действительно оказался экономическим законом, но не всеобщим — таковым он никогда не был, а специфическим, порожденным отношениями общенародного присвоения. А потому макроэкономическая структура, будучи материализацией присущих данной системе противоречий, планомерно формировалась под воздействием этого закона, предопределявшего неизменно приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности.

Циклическая форма движения воспроизводственного процесса, будучи всеобщей в условиях механизации производительных сил, была отброшена социалистической практикой планирования со всеми присущими этой форме закономерностями, включая органическое взаимодействие экстенсивного и интенсивного экономического роста в пределах каждого промышленного цикла с вытекающими отсюда последствиями, важнейшими из которых были нарастающее отставание в области НТП, истощение природных ресурсов, порождение и последующее углубление экологического кризиса.

Еще одним чрезвычайно важным фактором, предопределявшим приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности в макроэкономической структуре социалистического общества, являлась необходимость наращивания средств производства как материального субстрата отношений государственной собственности в качестве господствующей, как объектов общенародного присвоения, как символа экономической мощи страны и системы.

Существенное значение в формировании макроэкономической структуры советского общества имели и внешние обстоятельства. Социализм, возникнув в обход общим закономерностям, предстал инородным телом в мировом экономическом пространстве, в качестве такового, да еще весьма агрессивного, подлежащим отторжению. Это породило необходимость по существу всеобщей милитаризации экономики, которой с самого начала была подчинена индустриализация. В условиях глобального противостояния антагонистических систем это было совершенно необходимо, что еще более усугублялось неизменным стремлением социалистических лидеров реализовать идею мировой революции путем ее навязывания (естественно, слаборазвитым странам). Все эти обстоятельства явились мощным фактором подчинения преимущественного развития

отраслей тяжелой промышленности формированию ВПК на уровне мировых стандартов, коль скоро он оказался поставленным в условия внешней конкуренции. Под воздействием последней именно в этом комплексе и сосредоточилось наиболее высокотехнологичное и наукоемкое производство.

Совокупность всех этих внутренних и внешних факторов и обстоятельств явилась причиной, предопределившей формирование крайне утяжеленной структуры народного хозяйства, с приоритетом отраслей первого подразделения, с технологическим лидерством ВПК и устойчивой технологической отсталостью гражданского комплекса, с разоренным сельским хозяйством, на которое была возложена функция донора тяжелой промышленности вплоть до 70-х годов, когда эта функция перешла к ТЭК, с неразвитой вследствие указанных ранее причин сферой услуг. Иными словами, сложилась структура, по определению не способная работать на реализацию так называемой высшей цели социализма в ее официальной интерпретации.

Такая структура народного хозяйства действительно обеспечивала всеобщую гарантированную занятость, но ценой торможения НТП. В результате даже по официальным данным к началу 90-х годов в народном хозяйстве СССР ручным трудом было занято более половины трудоспособного населения. Обеспечение такой занятости, гарантированной к тому же конституцией, фактически и составляло специфическую цель данной системы экономических отношений. Именно такая цель прямо и непосредственно вытекала из природы общенародной собственности, исключавшей нетрудовые доходы, являлась экономическим способом ее реализации наряду с формированием общественных фондов потребления. Но тем самым чрезвычайно ограничивалась реализация той общей закономерности экономического развития, которая состоит во все более полном удовлетворении общественных потребностей по мере перехода ко все более сложным технологическим укладам. Таким переходом обеспечивается неуклонный рост производительности общественного труда, что и составляет материальную основу роста жизненного уровня населения. Теоретическое предположение относительно того, что всеобщий закон повышающейся производительной силы общественного труда наиболее полно заработает именно при социализме, коль скоро общенародной собственностью устраняется эксплуатация труда, каждый трудится на себя и

свое общество, а экономика развивается планомерно, оказалось ошибочным. А потому и не удалось реализовать высшую цель социализма в ее официальной формулировке.

Противоречия общенародной собственности непосредственно вытекают из ее природы. Будучи крайней, высшей формой совместного присвоения средств производства, и к тому же по существу единственной и уж во всяком случае безраздельно господствующей, она уже вследствие масштабов обобществления средств производства создавала ложную видимость бесхозности объектов государственной собственности. В свою очередь это обстоятельство, с одной стороны, не создавало стимулов для эффективного использования членами общества как сособственников воспринимаемых ими не только не своими, но просто ничейными объектов, с другой — порождало такое специфическое явление, как хищение государственной собственности, принимавшее все более массовый характер по мере ослабления деятельности карательных органов в связи с разоблачением на XX съезде КПСС культа Сталина (естественно, после его смерти). Клептомания приобрела социальный характер. А будучи унаследованной, она породила едва ли не массовое растаскивание в пределах личных возможностей объектов государственной собственности уже в переходный период. Иными словами, члены социалистического общества в равной мере не были заинтересованы ни в эффективном использовании средств производства, реально будучи их сособственниками, ни в повышении эффективности своего труда в качестве работников.

Противоречия социализма наиболее отчетливо на эмпирическом уровне проявлялись в нарастании массового хронического дефицита практически всех товаров. Это было настолько очевидно, что отрицать его не представлялось возможным. Причин дефицитного характера социалистической экономики было множество. Основными представляются следующие: преобладание экстенсивного типа социалистического расширенного воспроизводства, ограниченные экстенсивным экономическим ростом возможности повышения производительности труда, слабая мотивация работника к эффективному труду, низкий уровень эффективности использования производственных и трудовых ресурсов вследствие противоречивости отношений планомерности, нарастающее по мере ослабления деятельности карательных органов хищение государственной собственности.

Следствием дефицита становилось не только снижение качества готовой продукции, что еще более его усугубляло, но и все большее распространение фактически уравнилельного распределения материальных благ и услуг. Это, в свою очередь, тем более гасило мотивацию к эффективному труду, углубляя тем самым дефицитный характер экономики. За нарастающим дефицитом скрывалось падение эффективности общественного производства, ухудшение соотношения затрат и результатов до абсурдного уровня, когда последние нередко оказывались ниже первых, истощение наиболее богатых источников природных ресурсов, ухудшение экологической ситуации, крайнее обострение инвестиционного кризиса, а в итоге — возрастающее отставание от развитых стран по всем макроэкономическим показателям, и в особенности по качественным. Ускоряющееся с 70-х годов замедление темпов экономического роста сменилось полным застоем 80-х, что не могли не привести в конечном счете к полному и скорому экономическому краху. Система истощала потенциал своего развития, в основе которого лежал революционный энтузиазм масс довоенного периода и в еще большей мере — сверхактивная деятельность вездесущих карательных органов, вплоть до разоблачения культа И.Сталина, сохранившаяся и после, хотя и в не столь одиозных формах и масштабах. Предпринятая в 80-е годы под сугубо социалистическими лозунгами перестройка лишь придала неожиданный для страны и мира летальный исход гибели социализма. Застой воспринимался бесконечно затяжным, но все же не безнадежным.

При выявлении причин гибели социализма не следует игнорировать и то обстоятельство, что общенародная собственность самым естественным образом получила юридический статус государственной как наиболее соответствующей масштабам совместного присвоения. Следствием этого явилась безраздельная монополия государства на управление объектами собственности. Однако экономической наукой давно установлено, что всякая монополия в силу присущих ей свойств порождает тенденцию к торможению экономического развития. В рыночной экономике не без весьма эффективной помощи государства, такой монополией не обладающего, эта тенденция успешно преодолевается абсолютно не устранимой даже монополиями конкурентной борьбой. При социализме же, в условиях безраздельного господства единственной по существу формы собственности, монополия государства во всех сферах

жизнедеятельности общества, включая экономическую, оказалась абсолютной, безраздельно господствующей. Усилия государства неизменно были направлены на укрепление своего монопольного положения методами, в конечном счете приведшими к упразднению такой монополии.

Природой социализма порождена совершенно особая роль насилия в его истории. Как известно, насилие в переходный период в любой стране выполняет роль своеобразного катализатора экономического развития. Оно ускоряет формирование новых экономических отношений путем широкого использования участниками раздела и передела объектов собственности насильственных методов в процессе стихийного преобразования ее форм, что и придает неизменно «бандитский» характер становящемуся капитализму. Справедливости ради отметим, что еще в процессе подготовки революции широко использовались такие методы революционной борьбы, как грабежи, убийства, шантаж. Об уголовных наклонностях русских революционеров писали еще Ф.Достоевский и Н.Лесков. Так, в романе «Некуда» Н.Лесков изобразил героев-революционеров слугами сатаны, для которых цвет крови станет цветом их знамени. Он разглядел уголовную природу революционности, ее иждивенчество и атеизм, мировые претензии социализма, ведущего счет жертв на миллионы.

В период начавшихся социалистических преобразований насилие было возведено в ранг официальной политики, под проведение которой была создана соответствующая законодательная база и система государственных карательных органов, оттачивавших свое мастерство на протяжении всех лет социализма. Это была одна из самых жестоких в мировой истории систем, где насилие было направлено против собственного народа во имя собственного процветания. Она характеризовалась практически полным подавлением личности как таковой. Не случайно М.С.Горбачев в одном из своих телеинтервью признал «коммунистическое крепостное право» более жестким, чем феодальное. Чудовищная по своей жестокости деятельность карательных органов, начавшись с момента победы социалистической революции, не утрачивала своей значимости на протяжении всей истории социализма. В числе первых акций в их деятельности было насильственное устранение сложившихся в предшествующий период форм частной

капиталистической и феодальной собственности, сплошь и рядом сопровождавшееся физическим уничтожением и самих бывших собственников.

Широкое использование насильственных методов продолжалось и по завершении переходного периода. Борьба за политическую власть закончилась массовым физическим уничтожением революционных деятелей ленинского призыва. Таков был итог громких политических процессов середины 30-х годов. В последующий период деятельность карательных органов не ослабевала, менялись лишь способы и методы ее ведения по мере изменения ситуации в стране, актуализировавшей те или иные ее направления.

Основная причина столь высокой значимости насилия в истории социализма состоит в том, что, как уже отмечалось выше, данная система не соответствовала общим закономерностям мирового экономического процесса, не являлась продуктом естественно-эволюционного развития. И уже вследствие этого вся ее история протекала в экстремальных не только внешних, но и внутренних условиях. А потому удержать социализм на плаву можно было только ценой жестокой и бескомпромиссной борьбы с политическими и идеологическими противниками, со всякого рода инакомыслием. Беспощадно подавлялись даже самые безобидные его формы, а оснований для недовольства было более чем достаточно. Социализму на протяжении всей его недолгой истории приходилось отстаивать свое право на существование всеми доступными способами, не озадачиваясь при этом законами морали. И уже в силу этого отнюдь не случайно была уничтожена церковь как институт нравственности, а атеизм стал элементом официальной идеологии, обязательной для всех.

Были, однако, и другие не менее веские, но уже сугубо экономические причины, порождавшие деятельность карательных органов. Как уже отмечалось, социализму присуще такое специфическое явление, как массовое хищение государственной собственности, а следовательно, и настоятельная необходимость ее охраны. Всякое посягательство на ее объекты сурово каралось, пока социализм был в силе. Напомним также выдвинутое В. Лениным требование жесткими методами обеспечивать высокую дисциплину труда в условиях гарантированной занятости. Примечательно в этой связи и то обстоятельство, что пришедший к

власти в начале 80-х годов бывший глава КГБ Ю.Андропов попытался возродить борьбу с массовым нарушением трудовой дисциплины в целях повышения эффективности производства, что было весьма логично и резонно. Однако успеха добиться ему так и не было суждено. Процесс распада социализма зашел слишком далеко, прежними насильственными методами действовать было уже невозможно, да и небезопасно для репутации системы.

Не менее значимой была и еще одна причина. Она состояла в том, что в условиях всеобщего и непрерывно нараставшего дефицита по существу бесплатный труд невинно репрессированных масс населения широко использовался для возведения, к тому же, как правило, на территориях, не пригодных для проживания человека, «великих строек коммунизма», поглотивших миллионы человеческих жизней. Так, на строительстве только Беломорканала, юбилейная дата возведения которого отмечалась в 2003 г., погибло порядка 80 тысяч человек вместо официально заявленного одного. А подобных строек было множество. Количество репрессированных на 1946 год составило 1,7 млн. чел. (Библиографические листки. Периодика//Новый мир.— 2003, № 10, с.224). Примечательно, что официальные данные о репрессиях в полной мере не рассекречены и поныне.

В широком использовании насильственных методов против собственного народа несостоятельность социализма как экономической и политической системы проявилась уже в крайних и беспрецедентных в мировой истории формах. И если истоки насилия относятся еще к периоду зарождения деятельности российских революционеров, носившей четко выраженный террористический характер, то по существу уголовной оказалась природа и реального социализма, совершенно обесценившего не только человеческую личность, но и ее жизнь. Именно в советский период была сформирована нравственная среда, породившая криминальный беспредел переходного периода.

2.3. Безальтернативность движения постсоциалистических стран к рыночной экономике

Движение к рыночной капиталистической экономике постсоциалистических стран ныне представляется совершенно бесспорным.

Между тем это не было столь очевидным в первые годы преобразований, что создавало иллюзию свободы выбора дальнейшего пути развития, хотя такая безальтернативность просматривалась еще в советскую эпоху. Общая закономерность движения от феодализма к капитализму, в полной мере выявленная историей развитых стран, прокладывала себе дорогу и в недрах социализма. С первых лет его существования рыночные отношения, поставленные вне закона, стали развиваться в форме теневой экономики. А уже на исходе социализма в ее русло оказались втянутыми даже высшие партийные круги. Напомним хотя бы о так называемом хлопковом или краснодарском делах. Формы теневой деятельности были весьма многообразны. Это и индивидуальная трудовая деятельность на дому, и организация нелегального производства с использованием наемного труда, и неучтенное производство непосредственно на государственных предприятиях, располагавших для этого в силу указанных выше и вполне объективных обстоятельств избыточными производственными мощностями и рабочей силой, и элементарные приписки, то есть завышение отчетных данных о выполнении плановых заданий.

Но рыночные отношения развивались не только подпольно, но и вполне официальным путем. На протяжении всех лет советской власти в экономической литературе велись дискуссии о судьбе товарно-денежных отношений (ТДО) в социалистическом обществе. Были ярые сторонники как их допущения, так и их неприемлемости. Как это ни странно, но правы были обе стороны. С одной стороны, все более явно проявлявшаяся неспособность отношений планомерности обеспечивать неуклонный рост эффективности общественного производства толкала на путь все более широкого использования в социалистической практике хозяйствования ТДО путем наделения экономической самостоятельностью хозяйствующих субъектов, что якобы не противоречило социализму как незрелому коммунизму. Наличие двух форм социалистической собственности действительно могло служить основанием для товарного обмена между промышленностью и сельским хозяйством. Но речь шла о превращении в товаропроизводителя государственных предприятий, что противоречит природе общенародной собственности, по определению исключающей экономическую обособленность хозяйствующих субъектов. В системе ее отношений нет места

рыночным ТДО, о чем, как уже отмечалось выше, совершенно недвусмысленно и вполне убедительно писали авторы концепции научного социализма и на чем строилась аргументация советских экономистов — противников рыночных реформ.

Однако потребности все более безотрадной социалистической практики оказались предпочтительнее чистоты марксистской теории. Начиная со второй половины 50-х годов и вплоть до конца 80-х чуждые природе социализма ТДО получают все более широкое внедрение, хотя подлинными товаропроизводителями государственные предприятия так и не смогли стать в силу несовместимости альтернативных по своей природе планомерных и товарно-денежных отношений. Тем не менее все крупные хозяйственные реформы, начиная с реформы Н.Хрущева, введшего территориальный принцип управления с наделением совнархозов широкими властными экономическими полномочиями, по существу были направлены на расширение сферы распространения товарно-денежных отношений. Это находило выражение в расширении самостоятельности территориальных органов управления разного уровня в области управления, материального стимулирования, планирования. Еще более радикальной в этом отношении была начавшаяся было в 1965 г. хозяйственная реформа, прерванная, однако, событиями 1968 г. в Чехословакии. А на исходе 80-х годов было принято уже глубоко прорыночное законодательство, создавшее вполне достаточные юридические предпосылки для широкого развития подлинно рыночных отношений. В этот период были приняты законы «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.), «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.), «О кооперативах в СССР» (1988), «Об аренде» (1989 г.) и др., по существу легализовавшие частнопредпринимательскую деятельность. Страна вновь вступила на путь не просто рыночного, но капиталистического по своей социально-экономической природе развития, прерванного революцией 1917 г.

Итак, рыночные отношения на протяжении десятилетий прокладывали себе дорогу в недрах социалистической экономики тем или иным путем, легальным или нелегальным, исподволь подрывая имманентно присущие ей отношения планомерности, что уже само по себе свидетельствовало о том, что альтернативы

рыночному характеру преобразований у постсоциалистических стран нет и быть не могло. История попросту исключила возможность очищения социализма от якобы мутаций и деформаций, очеловечиванию он не подлежал в силу собственной природы. Рыночный характер преобразований был предопределен всем предшествующим развитием, объективно присущими последнему закономерностями, имеющими в качестве таковых абсолютную силу. Всякие попытки, направленные на их преодоление, обречены на провал, сопровождающийся огромными разрушительными последствиями. Однако последние далеко не всегда связываются с отступлениями от экономических законов. Такая связь не столь очевидна, как это бывает, например, при нарушении законов природы, а потому далеко не всегда улавливается. Отсюда видимость свободы выбора пути развития на переломных этапах в целях построения более совершенной системы относительно той, что предусмотрена общими для всех закономерностями. И горький опыт ничему не учит благодетелей народа в облике социалистов-марксистов. К.Маркс как ученый велик вовсе не социалистическим прогнозом — как известно, «завеса времени непроницаема» (М.Булгаков), — а созданием совершенной и в этом смысле уникальной в мировой экономической науке теории, адекватно отразившей систему капиталистических экономических отношений.

2.4. Номенклатура — «могильщик» социализма

Особенность социализма состоит и в том, что инициатором его коренного преобразования выступила наиболее радикально настроенная часть правящей номенклатуры, в интерпретации М. Восленского являющейся «господствующим классом Советского Союза». Уникальность состоит в том, что никогда в истории господствующий класс за уничтожение существующей системы не выступал. И это вполне логично, так как в иной системе экономических отношений свое господствующее положение ему не дано сохранить.

Каково же происхождение и место номенклатуры в социалистическом обществе и действительно ли она являлась особым классом?

Как уже отмечалось, общенародная собственность есть одна из форм совместного присвоения средств производства, то есть одна из форм ассоциированной собственности. Последней присуще выделение в качестве особого слоя менеджеров, на профессиональном уровне управляющих объектами совместного присвоения. Происходит весьма своеобразное обособление функций управления и их носителей в качестве особого слоя.

Не составляет в этом смысле исключения и общенародная собственность. Однако, будучи высшей формой совместного присвоения, она тем более характеризуется обособлением в качестве особого социального слоя управляющих объектами общенародного присвоения. Но подобное обособление при таких масштабах совместного присвоения не лишает управленцев общего для всех членов социалистического общества статуса сособственника средств производства. Здесь не происходит обособления собственности и управления. Обособливается лишь управленческий труд от исполнительского. Управленческий труд становится особой разновидностью умственного труда. «Особость» советских управляющих состоит лишь в функциях, которыми они наделяются. Директор завода отнюдь не был ни фактически, ни тем более юридически собственником этого завода. И в этом смысле нет оснований выделять советскую номенклатуру как особый класс в недрах социалистического общества.

Тем более сомнительна эксплуататорская природа данного слоя. Его «привилегированное» положение отнюдь не связано с безвозмездным присвоением прибавочного продукта. Как известно, в условиях общенародного присвоения прибавочный труд присваивается совместно уже в силу того, что индивидуальная доля каждого в совместном присвоении никак не фиксировалась, в отличие, например, от акционерной, которая, также будучи одной из форм совместного присвоения, вбирает в себя индивидуальную, представленную индивидуальным пакетом акций каждого акционера. А потому каждый из них получает соответствующую его пакету акций часть прибыли в форме дивиденда. Более высокий уровень оплаты управленческого труда, равно как и получаемые номенклатурой привилегии, имеет весьма веское экономическое обоснование. Управленческий труд по определению является более сложным, ответственным и квалифицированным относительно исполнительского, а потому вполне обоснованно и оплачивается выше.

Не уникальными были по своему происхождению и предоставлявшиеся номенклатуре привилегии. Как уже отмечалось, при социализме наряду с денежной оплатой труда существовала еще общая для всего населения система предоставления общественно значимых благ и услуг бесплатно или за символическую плату через общественные фонды потребления. Вполне естественно, что эти блага и услуги предоставлялись и номенклатуре, но не на нищенском, а на более высоком по объему и качеству уровне, в связи с чем они и получили особое название привилегий. Но они оказались таковыми прежде всего и по преимуществу не в силу произвола, а все по той же причине — управленческий труд обладал более высокой квалификацией, хотя, видимо, в какой-то мере безусловно имело значение и то обстоятельство, что уровень оплаты труда сама же номенклатура и устанавливала. Но это уже проявление свойственного государству как институту противоречия, состоящего в том, что общенациональные экономические интересы, носителем которых оно выступает, и интересы государственных чиновников далеко не всегда совпадают. При определенных условиях и в определенных масштабах последние могут и возобладавать. Однако мировой практикой наработан богатый опыт предотвращения такой ситуации.

Представляется, что правомерно говорить не об отношениях эксплуатации в социалистическом обществе, как это утверждали Н.Бердяев, Л.Троцкий и др., но о том, что труд номенклатуры оплачивался сполна, в то время как широкие слои населения недополучали необходимый продукт. Из этого, по существу, и не делалось особой тайны. Правящая номенклатура с первых лет социализма открыто призвала народ к сознательному ограничению текущего личного потребления в целях скорейшего построения «светлого будущего всего человечества — коммунизма», вследствие чего и была сформирована дешевая по меркам рыночной экономики рабочая сила.

Итак, номенклатура действительно занимала особое место в социальной структуре социалистического общества, не будучи при этом ни юридически, ни фактически собственником управляемых ею объектов, а следовательно, и эксплуататором трудящихся масс. Вместе с тем особое положение номенклатуры чрезвычайно стиму-

лировало разбухание управленческого слоя далеко за пределы действительных потребностей общества, что в конечном счете вело к крайней бюрократизации системы управления советского типа, почему она и получила название административно-бюрократической. Число управляющих разного уровня и ранга на исходе социализма составляло порядка 18 млн. чел.

Статус сособственника средств производства при всей его кажущейся иллюзорности вполне устраивал трудящихся уже в силу того, что им как носителям этого статуса гарантировались всеобщая трудовая занятость и, что не менее существенно, поступление части жизненно важных материальных благ и услуг через общественные фонды потребления, преимущественно бесплатно. Именно этим и удостоверялась реальность этого статуса при внешней видимости фактического отчуждения работника от средств производства, порожденного масштабами обобществления средств производства. Когда «все вокруг народное, все вокруг мое», то это народное и мое воспринимается вследствие этого как «ничейное», бесхозное. Самое удивительное, что такое заблуждение разделяли и разделяют даже до сих пор некоторые представители отечественной экономической науки, усматривая, в частности, и в этом мутацию социализма.

Но этот же статус сособственника все более не устраивал правящую номенклатуру, хозяйственную — прежде всего. В ее глазах такой статус был весьма уязвим, что со временем становилось все более очевидным, а потому и осязаемым. Его уязвимость объясняется множеством обстоятельств, назовем некоторые из них:

- он не обеспечивал устойчивости положения в качестве управляющего уже в силу того, что подбор на номенклатурные должности осуществлялся не только, а может быть, и не столько по профессиональной пригодности (к тому же специальной системы подготовки профессиональных управляющих, по существу, и не было), как по анкетным данным, по преданности идеям социализма, по способности угождать начальству, четко и беспрекословно выполнять директивы сверху;

- последними обстоятельствами полностью гасилась предпринимательская инициатива, столь свойственная работнику, занимающему управленческую должность, требующую по своей природе творческого подхода;

- жестко ограниченными должностным положением были возможности повышения личного благосостояния;
- номенклатурная должность не наследовалась, а потому путь наверх номенклатурным отпрыскам приходилось проделывать заново, хотя определенную фору они и имели;
- неустойчивость номенклатурного статуса нарастала по мере истощения социализмом потенциала своего развития, что объективно ограничивало возможности успешной деятельности, но ответственность за невыполнение указаний свыше по-прежнему возлагалась лично на управляющего, что делало его положение еще более зыбким.

Этими обстоятельствами во многом определялось стремление номенклатуры к углублению своей деловой самостоятельности, которую могло обеспечить лишь расширение сферы распространения товарно-денежных отношений, ограничивающих диктат сверху, позволяющих реализовать предпринимательские способности, получать более высокий уровень доходов. Уже вследствие этого все крупные хозяйственные реформы послевоенного периода имели одну и ту же, по существу сугубо прорыночную направленность: по мере допущения товарно-денежных отношений экономическая самостоятельность хозяйствующих субъектов неизменно возрастала, границы должностных полномочий расширялись. И, наконец, наступило время, когда по инициативе наиболее прогрессивных представителей все той же правящей номенклатуры рыночные преобразования были провозглашены в качестве официального политического курса.

Естественно, что единства в рядах номенклатуры, имея в виду ее наиболее идеологизированную часть — партийную, все же не было. Тем не менее и последняя не сумела воспрепятствовать рыночному реформированию советской экономики, в полной мере начавшемуся на исходе перестройки. Напомним в этой связи, что в Постановлении Верховного Совета СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР», принятом 13 июня 1990 г., главное содержание предпринимаемой радикальной экономической реформы усматривалось в переходе к рыночным отношениям. Предусматривалось принятие законов о разгосударствлении и децентрализации собственности, о земле, об арендных отношениях, о развитии малых предприятий, о предпринимательстве, об антимо-

нопольных мероприятиях, об акционерных обществах и других товариществах, о банковской деятельности, об экономической и правовой защите здравоохранения, образования, науки и культуры и пр. В порядке его реализации уже 25 июня было принято постановление Совмина СССР «О преобразовании производственного объединения «КамАЗ» в акционерное общество «КАМАЗ», а в июле того же года — о преобразовании Банка жилищно-коммунального хозяйства (Жилсоцбанк СССР) в акционерный коммерческий Банк социального развития («Соцбанк») и Агропромышленного банка СССР («Агропромбанк СССР») в акционерный коммерческий Агропромышленный банк (Агропромбанк).

Рыночное реформирование российской экономики открывало безграничные возможности для превращения бывшей номенклатуры в подлинных собственников управляемых ими объектов государственной собственности, к чему она осознанно или интуитивно стремилась. Отнюдь не всем представителям номенклатурного клана удалось успешно совершить такую метаморфозу, а лишь наиболее удачливым, энергичным, предприимчивым, способным адаптироваться к принципиально иным рыночным условиям. Тем не менее, по данным многочисленных социологических обследований, более 60% нового класса собственников является выходцами из рядов советской номенклатуры. Однако новый класс собственников рекрутируется отнюдь не только за счет бывшей номенклатуры, но и других слоев населения, лично сильных и жизнестойких, оказавшихся способными ориентироваться в новой среде обитания, успешно участвовать в жесткой конкурентной борьбе за овладение наиболее привлекательными объектами государственной собственности, принимать адекватные экстремальным условиям решения, выполнять функции собственников.

Что же касается широких слоев населения, то, окончательно утратив иллюзии относительно «светлого коммунистического будущего», оно тем не менее не склонно было к социальным протестам уже вследствие сформированной в предшествующий период — период всеобщего тотального контроля со стороны репрессивных органов — социальной пассивности. К тому же, в полной мере испытывая все тяготы дефицитной экономики, оно тем не менее имело мощные социальные гарантии в виде всеобщей трудовой занятости и поступлений из общественных фондов потребления.

Вместе с тем оно и не воспрепятствовало начавшимся радикальным преобразованиям по многим обстоятельствам. Немаловажным было то, что трудящиеся действительно не ощущали себя собственниками средств производства и в этом смысле, по крайней мере на первый взгляд, ничего не теряли. К тому же говорилось о преобразовании плановой экономики в рыночную, что в представлении широких масс отнюдь не отождествлялось с переходом к капитализму, крайне негативное отношение к которому было сформировано агитационно-пропагандистской работой советских лет. Под воздействием всех этих факторов переход совершился без особых и столь ожидаемых социальных потрясений.

Осознание трудящимися в полной мере реальности статуса собственника, как это нередко случается, пришло лишь с его безвозвратной утратой: ныне никто не гарантирует всеобщей занятости, в агонизирующем состоянии находится система общественных фондов потребления, на повестке дня — реформа ЖКХ и полная оплата коммунальных услуг. Ностальгия по утраченному нашла выражение в неизменной поддержке на всех выборах 90-х годов КПРФ. Но и последняя, имея доминирующую в Государственной думе фракцию, на протяжении всех этих лет всерьез не озадачивалась проблемами реставрации социализма, что объективно было к лучшему. Как показывает опыт развитых стран, рыночные преобразования соответствуют интересам отнюдь не только бывшей номенклатуры, не только «новых русских», но и общества в целом. Как еще в 20-е годы утверждал проф. Н.Д. Кондратьев, «нерыночная экономика не может быть эффективной», а следовательно, не способна обеспечивать рост благосостояния членов общества. А потому и нет веских оснований сталкивать лбами вновь нарождающиеся классы собственников и наемных работников в соответствии с догмами советских лет. Социальные конфликты вовсе не обязательно должны принимать крайние формы, есть множество способов их весьма эффективного разрешения.

Социалистический эксперимент планетарного по своему значению характера в полной мере выявил экономическую несостоятельность всеобщего обобществления средств производства, безраздельного господства общенародной собственности, выступающей в юридической оболочке государственной, вследствие ее не-

совместимости с НТП. Такая несовместимость наиболее зримо проявилась в преобладании экстенсивного типа экономического роста на протяжении всех лет социализма. Но такой рост обладает ограниченным потенциалом повышения народного благосостояния — при том, что последнее провозглашалось «высшей целью социализма». Вместе с тем данная система порождала массовую нищету, выстраивала народ в бесконечные очереди за самым необходимым, формировала социальных иждивенцев, клептоманов, бездельников, хронических алкоголиков, порождала атмосферу всеобщего страха перед карающей рукой государства, разрушала нравственную среду, гасила предпринимательскую инициативу. И в качестве таковой она действительно приемлема для людей бездарных, безынициативных, нищих и убогих духом, для деклассированных и паразитических элементов, ряды которых ею были значительно пополнены. Принцип социального равенства наиболее близок нищему населению, а потому и идеи социализма наиболее популярны в странах с низким жизненным уровнем. Между тем как не вспомнить слова русского историка Н. Карамзина, утверждавшего, что «причины своих удач и неудач следует искать не во внешних обстоятельствах, не в плохой власти, но прежде всего каждому — в самом себе».

Значимость этого эксперимента определяется и актуальностью вопроса о границах государственного присутствия в современной рыночной экономике, характеризующейся многообразием форм собственности, одной из которых является государственная. Случается чрезмерное огосударствление экономики, примером чего может служить приватизация государственной собственности, проведенная в последние десятилетия в развитых и развивающихся странах, начатая Англией в 1978 г. Такая приватизация была направлена на оптимизацию соотношения форм собственности в рамках их современного многообразия, без чего невозможно обеспечивать повышение эффективности функционирования национальной экономики. Соотношение форм собственности отнюдь не в пользу государственной изменяется и в процессе реформирования китайской экономики, хотя официально приватизации как таковой там не проводилось. Разгосударствление национальной экономики достигалось в КНР иными способами и методами.

Вопросы для повторения:

1. Каковы особенности возникновения и функционирования социализма как системы экономических отношений?
2. Каковы противоречия общенародной формы собственности?
3. Почему социализм не обладал встроенным механизмом разрешения присущих ему противоречий?
4. Почему рыночные преобразования в постсоциалистических странах оказались безальтернативными?
5. Чем обусловлена беспрецедентная роль насилия в истории социализма?
6. Почему советская номенклатура явилась инициатором рыночных преобразований?
7. Чем определяется значимость социалистических экспериментов?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Происхождение русской революции в интерпретации русских философов (П.Сорокин, Н.Бердяев, С.Франк).
2. Основные черты социализма как экономической системы.
3. Противоречия общенародной формы собственности.
4. Безальтернативность движения постсоциалистических стран к рыночной экономике.

Литература:

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990 (гл. 6).
2. *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политэкономика коммунизма. — М.: 2001.
3. *Кудров В.* Так что же погубило советскую экономику?//Вопросы экономики. — 1998, №7.
4. *Кудров В.* Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. — М.: Наука, 1997.
5. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: 1992.
6. Экономика: Учебник/Под ред. А.И. Архипова, А.Н. Нестеренко, А.К.Большакова. — М.: Проспект, 1998 (гл. 19).
7. Экономика переходного периода. — Учеб. пособие/Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина.— М.: ТЕИС, 1995 (гл. 2).
8. *Франк С.* Из размышлений о русской революции//Новый мир. — 1990, №4.

Тема III. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ СПАД КАК ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

...Нет трагедии там, где грех и расплата соответствуют друг другу.

Х.-Г. Гадамер

План:

1. Экономика переходного периода — экономика трансформационного спада
2. Трансформационный спад и экономический кризис: общие черты и различия
3. Факторы, определяющие глубину и продолжительность трансформационного спада в постсоциалистических странах
4. Противоречия финансовой стабилизации и экономического роста
5. Факторы роста в российской экономике на рубеже веков
6. Историческая миссия российского промышленного капитала

3.1. Экономика переходного периода — экономика трансформационного спада

На протяжении 90-х годов, вплоть до 1999 г., российская экономика находилась в состоянии затяжного экономического спада, достигшего наивысшей точки в кризисном 1998 г. Экономическому спаду предшествовала стагнация советской экономики в 80-е годы, на преодоление которой и была направлена в свое время концепция ускорения развития, разработанная в годы перестройки. Однако потенциал развития социализма был к тому времени полностью исчерпан, что выразилось в его неспособности обеспечивать дальнейший экономический рост. Безысходность ситуации обрекла на неудачу предпринятую попытку реанимации социализма, закончившуюся его летальным исходом. С 1990 г. экономический рост прекратился даже по официальным данным. Начался затяжной трансформационный спад.

Переходная экономика — уже не плановая, но еще и не рыночная экономика. Между различными типами хозяйства, между различными экономическими системами лежит длительная полоса переходного периода, который по определению не способен обеспечить немедленный экономический подъем уже вследствие коренного преобразования всей системы экономических и других отношений. А потому это неизбежно в любой переходной экономике. Переходных периодов было немало в многовековой истории человечества, когда происходила смена экономических, а следовательно, и всех прочих общественных отношений.

Не составляет исключения и переходный период от плановой к рыночной экономике, от социализма к капитализму. Трансформационного спада не удалось избежать ни одной из постсоциалистических стран, хотя масштабы спада производства были разными. Так, общее падение ВВП по отношению к 1989 г. в год высшей точки кризиса составило (в %): в Польше — 17,8 (1991), в Чехии — 13,1 (1992), в Словакии — 24,9 (1993), в Венгрии — 19,1 (1993), в Румынии — 25,0 (1992), в Болгарии — 33,4 (1997); по странам Балтии — 44,8 (1994), при этом в Эстонии — 33,6 (1994), в Латвии — 49,0 (1995), в Литве — 43,9 (1994); по странам СНГ — 46,1 (1998), при этом в России — 39,8 (1998), в Беларуси — 36,6 (1995), на Украине — 54,0 (1999), в Молдове — 61,7 (1999), в Армении — 50,1 (1993), в Азербайджане — 63,0 (1995), в Грузии — 76,0 (1994), в Казахстане — 39,2 (1995), в Кыргызстане — 46,9 (1995), в Таджикистане — 64,2 (1996), в Туркмении — 35,8 (1997), в Узбекистане — 19,5 (1995) (А.Ослунд. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма. Вопросы экономики, 2001, № 7, с.118).

Исключением явилась КНР, но китайские реформаторы сознательно не относят свою страну к числу постсоциалистических. Официальной целью реформы в КНР было объявлено построение социализма с «китайской спецификой», трактуемого как «социалистическая плановая рыночная экономика». Под реализацию данной цели усилиями китайских ученых и была разработана так называемая градуалистская модель преобразований.

Глубина и продолжительность трансформационного спада во всех постсоциалистических странах оказались разными. Россия в этом смысле относится к числу «рекордсменов» и по его продолжи-

тельности, и по его разрушительной силе, уступая пальму первенства лишь немногим из стран СНГ.

Каковы же причины, порождающие трансформационный спад в экономике переходного периода? Представляется целесообразным выделить две их группы. К первой относятся те, что порождены предшествующим развитием, ко второй – обстоятельствами самого переходного периода как такового.

Остановимся на первой группе. Неизбежность трансформационного спада обуславливается необходимостью частичного разрушения унаследованной от прошлого макроэкономической структуры в силу следующих обстоятельств:

- смены критерия сбалансированности в связи со сменой экономических систем;
- необходимости преодоления противоречий социализма, материализацией которых данная структура является, что наиболее отчетливо просматривается в структурных и технологических дисбалансах, ей присущих.

В связи со сменой критерия макроэкономической сбалансированности выдвигается проблема глобальной реструктуризации, направленной на преодоление унаследованных от прошлого дисбалансов, которые таковыми в советский период не трактовались. Как уже отмечалось, структурный дисбаланс проявляется в наличии избыточных для новой системы экономических отношений производственных мощностей в отраслях тяжелой промышленности, в ВПК — в особенности, что связано с завершением в 80-е годы холодной войны в связи с окончанием глобального противостояния. Устранение избыточных мощностей достигалось различными путями, в том числе конверсией отраслей ВПК, перепрофилированием, реструктуризацией и даже банкротством убыточных и неперспективных предприятий первого подразделения. Неизбежным следствием этих процессов явилась деиндустриализация унаследованного научно-производственного потенциала, так как именно в подлежащих сокращению производственных мощностях (а это прежде всего отрасли ВПК и на него преимущественно работающие), сосредоточивалось высокотехнологичное наукоемкое производство. В гражданском комплексе, напротив, мощностей явно недоставало для удовлетворения внутренних потребностей. Но парадокс состоял в том, что отрасли именно этого комплекса в наиболь-

шей мере подверглись разорению. Причиной явилась их технологическая отсталость, в полной мере выявившаяся в связи с либерализацией внешнеэкономической деятельности, поставившей их в отношения гибельной для них конкуренции с внешним миром.

В результате произошел общий спад промышленного производства, в наименьшей мере затронувший лишь отрасли ТЭК, продукция которого на протяжении последних десятилетий остается неизменно востребованной на внешних рынках, чем поддерживается высокий уровень цен на нее. Все эти обстоятельства привели к возрастанию удельного веса добывающих отраслей, хотя и не столь значительному, если учесть более высокий спад в обрабатывающих отраслях. Тем не менее можно говорить о деградации макроэкономической структуры, если подходить к ней с позиции современных стандартов соотношения отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, демонстрируемых развитыми странами. Пока что сделаны лишь первые шаги в преобразовании унаследованной структуры народного хозяйства, позволившие приступить к устранению наиболее очевидных дисбалансов. Но и это имеет важное значение для обеспечения условий возрождения экономического роста.

Не менее значимы и способствовавшие трансформационному спаду обстоятельства, порожденные самим переходным периодом. Среди них отметим наиболее существенные:

- дезинтеграционный кризис, которым сопровождалась гибель социализма, а это распад мировой социалистической системы, Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и даже ряда стран (СССР, ЧССР, СФРЮ);

- длительность процесса формирования нового класса собственников как субъектов инвестирования;

- отсутствие денежного капитала, накопление которого уже в переходный период удлиняло образование промышленного;

- массовый отток накопленного в стране денежного капитала за рубеж;

- повсеместная всеобщая криминализация экономической деятельности.

Остановимся на некоторых из этих обстоятельств. Дезинтеграционный кризис выразился в распаде мировой социалистической системы и Совета экономической взаимопомощи, а вместе с тем и

традиционных экономических связей, сложившихся в течение десятилетий внутри этих образований, что не могло не стать фактором снижения темпов роста во входивших в них странах. Однако наиболее разрушительным по своим последствиям был распад СССР, а вместе с ним — единого народно-хозяйственного комплекса, сформировавшегося за три четверти века, единого экономического пространства. Так, по экспертным оценкам, на долю этого обстоятельства приходится одна треть спада в российской экономике. Еще более драматические события развернулись в СФРЮ, распад которой как самостоятельного государства сопровождался к тому же острыми военными конфликтами, приведшими к катастрофическим последствиям на территории бывшей далеко не процветающей страны рыночного социализма. Наименьшие потери понесли первыми вышедшие из состава СФРЮ Словения и Хорватия. Будучи в ее составе наиболее развитыми республиками, они сумели войти в число стран, наиболее успешно осуществляющих рыночные преобразования.

Приостановка экономического роста неизбежна и вследствие коренного преобразования отношений государственной собственности. С разрушением старой системы экономических отношений покидает историческую арену класс прежних собственников, новый же отнюдь не мгновенно нарождается. Между тем, как известно, инвестиционная деятельность, обеспечивающая экономический рост, образует функцию именно собственника объектов реального сектора экономики, позволяющую ему сохранить свой социальный статус приумножением и качественным совершенствованием этих объектов, используя в этих целях различные доступные ему источники инвестиционных средств, собственных и заемных, внутренних и внешних. Но коль скоро слой новых собственников складывается в течение длительного времени, то уже в силу одного этого обстоятельства инвестиционный процесс едва теплится, возрождаясь по мере появления собственника, подлинность которого удостоверяется его готовностью к осуществлению инвестиционной деятельности, начиная с малого, то есть с ввода в действие незагруженных производственных мощностей.

Формирование класса собственников протекает в процессе первичного капиталообразования. При этом исторически и логически исходной формой капитала выступает денежная. Денежный капи-

тал не только по определению не мог появиться в советский период, но и вынужденные сбережения населения, исчислявшиеся накануне рыночной трансформации в миллиардах рублей, не успели принять форму денежного капитала. Это произошло вследствие их полного обесценения в условиях гиперинфляции, явившейся следствием либерализации цен в январе 1992 г. в хронически дефицитной и сверхмонополизированной советской экономике. Но без денежного капитала исключается участие в денежном этапе приватизации, тем более что в индустриальной, к тому же чрезвычайно богатой природными ресурсами стране речь шла о присвоении в огромных масштабах. Так, национальное богатство СССР на 1985 г. исчислялось астрономической суммой в 3,6 трлн руб. — без стоимости земли, недр, лесов. Стоимость основных производственных фондов в том числе составляла 2,34 трлн руб. Раздел и передел такого богатства сами по себе требуют не только немалого времени, но и наличия сопоставимых размеров денежного капитала. Отсутствие такового в исходном пункте явилось одной из основных экономических причин проведения на первом этапе бесплатной приватизации, хотя ей подлежала отнюдь не большая и не лучшая часть государственного имущества. Но уже вскоре за ней последовала денежная. К тому же практически сразу начался постаучерный передел собственности, участие в котором также немыслимо без денежного капитала. Острая и настоятельная потребность в денежном капитале в немалой мере питала криминальные способы борьбы с конкурентами за объекты присвоения.

Отметим, что, с данной точки зрения, и спонтанная приватизация носила вынужденный характер, тем более что осуществлена была — еще до официального провозглашения рыночных преобразований — в тех или иных масштабах во всех постсоциалистических странах. Денежного капитала как такового не было, но вместе с тем можно было в полной мере и безнаказанно использовать административный ресурс в условиях начавшегося хаоса. Поэтому вполне объяснимо то, что ее субъектами стали прежде всего представители власть имущей номенклатуры, а также представители крупного теневого бизнеса, получившие к тому времени возможность легализовать свой капитал на основе вновь принятых в тот период прорыночных по существу законов.

Итак, требуется длительное время для появления новых собственников. К тому же первые из них, появившиеся в годы ваучерной приватизации, весьма часто оказывались временщиками, терявшими в силу тех или иных причин приобретенные объекты в ходе начавшегося постаучерного передела собственности. Потребовалось время и для накопления денежного капитала. И хотя победу на аукционах и тендерах обеспечивали не только деньги, но и множество приводящих обстоятельств, как, например, степень близости претендентов к властным структурам, подкуп государственных чиновников разного уровня, способность успешно лоббировать конфликтные сделки и пр., — все же их участникам пришлось вкладывать сотни миллионов долларов, а в начале нового века счет пошел и вовсе на миллиарды. Но их надо было накопить, начиная, по существу, с нуля. Многообразные способы такого накопления наработаны историей становления капитализма и весьма приумножены российской практикой первичного капиталообразования в лихие 90-е годы. Но в любом случае между образованием денежного и промышленного капитала неизбежен временной лаг, что уже само по себе выступает фактором трансформационного спада.

Продолжительность трансформационного спада тем более возрастает, если накопленный в стране денежный капитал устремляется за рубеж. А это вполне естественно в условиях экономической, политической и прочей нестабильности, свойственной всякой переходной экономике, в условиях, когда за прозрачными и легко преодолимыми границами давно сформировался благоприятный инвестиционный климат. По экспертным оценкам, за 90-е годы из России было вывезено порядка 200—300 млрд долл. накопленного в стране капитала, не говоря уже об ущербе, причиненном экономике так называемой утечкой мозгов, потери от которой не менее значительны.

Как видим, множество внутренне присущих переходной экономике обстоятельств не только ограничивают экономический рост, но и порождают прямо противоположное явление — трансформационный спад разной продолжительности и разрушительной силы в зависимости от конкретно-исторических условий той или иной постсоциалистической страны. Переход от спада к росту происходит по мере овладения капиталом реальным сектором экономики, по мере формирования благоприятного инвестиционного климата в

стране, не только приостанавливающего отток отечественного капитала за рубеж, но и стимулирующего приток иностранного капитала. Такой процесс отчетливо наметился в российской экономике в последние годы, начиная с 1999 г. Так, по заявлению министра финансов А. Кудрина, чистый приток капитала в российскую экономику за второй квартал 2003 г. составил около 2 млрд. долл. (Ведомости, 24 июня 2003). Вместе с тем любое обострение взаимоотношений властных структур с крупнейшими российскими компаниями без убедительных для представителей крупного бизнеса причин чревато опасностью ухудшения ситуации для национальной экономики с точки зрения притока иностранного капитала и оттока отечественного. И уж во всяком случае сдерживается переход от восстановительного экономического роста к инвестиционному.

Все эти процессы и явления, порождающие и питающие трансформационный спад, отчетливо просматриваются не только в переходной российской экономике, но и экономике в других постсоциалистических стран, хотя в силу специфики каждой из них они протекают в них по-разному. Но в любом случае по мере появления критической массы подлинных собственников, способных перейти от первоначального, то есть невоспроизводственного, накопления капитала к воспроизводственному, трансформационный след становится отправной точкой экономического роста.

Что же касается феномена китайской реформы, также носящей четко выраженный рыночный характер при всей специфике преобразований, то главной причиной, позволившей не только не допустить трансформационного спада, но и обеспечить самые высокие и устойчивые в мире темпы экономического роста на протяжении всех лет реформирования, представляется то обстоятельство, что формирование рыночного сектора происходило не за счет разрушения государственного сектора. Частнопредпринимательская деятельность развертывалась путем поиска выгодных ниш для приложения капитала. Государственный сектор был сохранен в силу многих обстоятельств, и в частности вследствие неизжитости в массе своей нищим китайским народом идей социализма за предшествующие тридцать лет социалистического строительства. А потому и негативные последствия его функционирования в предшествующий период, совершенно одинаковые во всех социалистических странах, объяснялись не имманентно присущими данной системе

противоречиями, а проведением с 50-х годов в рамках генеральной линии авантюристической по своей природе политики «больших скачков», народных коммун и последовавшей «культурной революции», направленной на травлю и уничтожение главным образом местных партийных, профсоюзных и хозяйственных кадров специально сформированными отрядами хунвейбинов.

Вместе с тем преданность идеям социализма не помешала китайским реформаторам признать за рыночными отношениями способность обеспечивать более быстрый рост эффективности национальной экономики, в связи с чем и был выбран вариант сочетания отношений присущей социализму государственной собственности с различными формами частной. Интенсивный процесс становления последней в соответствии с принятым законодательством и позволил не только избежать экономического спада, но и обеспечить высокие и устойчивые темпы роста. Но широкое допущение форм частной собственности означало отказ от советской, то есть марксистской, модели социализма в пользу социализма с китайской спецификой, трактуемого как высшая стадия развития рыночной экономики. Иными словами, под социалистическими лозунгами осуществляется возведение смешанной рыночной экономики с четко выраженной социальной направленностью, что вполне соответствует ее природе.

При таком подходе к преобразованиям государственный сектор не утрачивал своего собственника в лице государства, хотя и весьма уязвимого относительно его способности обеспечивать эффективное функционирование предприятий этого сектора. Государственная собственность не подвергалась разделу и переделу, а тем более — приватизации, трактуемой китайскими реформаторами как мера «буржуазной либерализации», уже в силу этого неприемлемая. Государственная собственность в КНР фактически была признана «священной и неприкосновенной, единой и неделимой» и остается по существу таковой и поныне, хотя повышение эффективности функционирования именно предприятий государственного сектора остается весьма проблематичным. В настоящее время численность государственных предприятий не превышает четверти их общего числа, при этом почти половина из них убыточна, несмотря на апробацию самых разнообразных методов хозяйствования в целях их финансового оздоровления. Однако на них сосредоточено две трети

городской рабочей силы, а потому закрыть их попросту нельзя из-за угрозы массовой безработицы. Их функционирование обеспечивается кредитами, предоставляемыми государственными банками, что, однако, ставит под угрозу судьбу банковской системы. Реформирование государственных предприятий осуществляется ныне на основе «Закона о компаниях», предполагающего использование различных методов акционирования путем разграничения прав собственности и прав хозяйствования, которыми наделяются предприятия. Допускается даже продажа государством своего контрольного пакета акций иностранным инвесторам, исключая, естественно, предприятия стратегических отраслей.

Но и появление частного собственника происходило здесь во многом иным и гораздо более успешным и коротким путем. Так, в готовом виде частный собственник прямо и непосредственно привлекался из-за рубежа, да еще совершенно осознанно в целях создания суперсовременного производства, за счет прямых иностранных инвестиций. Именно на это была направлена политика экономического зонирования. Такую совершенно особую форму приняло одно из важнейших направлений либерализации внешне-экономической деятельности. Результатом проведения политики зонирования явился сугубо рыночный по своему происхождению сектор экономики, обладавший к тому же высоким демонстрационным эффектом. Формировался он внутри страны на основе и в пределах созданного государством для его деятельности правового поля, включавшего широкий набор экономических преференций для иностранного капитала.

Огромное значение в становлении рыночных отношений в китайской деревне имела проведенная в первые же годы аграрная реформа, суть которой состояла в деколлективизации сельского хозяйства путем роспуска народных коммун и перевода крестьян на семейный подворный подряд с ведением хозяйства на арендованной у государства земле. Это создало предпосылки для превращения натурального хозяйства в товарное для 70% населения страны, проживающего в сельской местности.

Но и в городах, и в поселках предпринимательский слой населения получил возможность развернуть частную деятельность в промышленности и сфере услуг на основе принятого законодательства, осваивая не занятое государственным сектором экономическое

пространство и постепенно наращивая экономическую мощь вследствие более высокого потенциала эффективности рыночных отношений, что также явилось фактором экономического роста. В результате происходило постепенное и неуклонное изменение соотношения государственного и частного секторов в китайской экономике в пользу частного, рыночного, то есть формировались экономические отношения, гарантировавшие устойчивость экономического роста. Так, если в 1980 г. в валовой продукции промышленности КНР приходилось на долю государственного сектора 76%, коллективного – 23,5%, единоличного – 0,15%, других типов хозяйств – 0,5%, то уже в 1997 г. эти показатели равнялись соответственно 26,5, 40,5, 15,9, 17,1 (Э.П. Пивоварова. Социализм с китайской спецификой. М.:1999, с. 161).

Вполне резонно не отрицается значимость и государственного сектора в современной китайской экономике, однако он сохраняется в пределах, в которых это не препятствует росту ее эффективности. К тому же в целях повышения эффективности функционирования самих государственных предприятий осуществляется постепенный процесс коммерциализации отношений на этих предприятиях, в ходе которого были использованы различные и весьма многообразные способы, начиная от хозяйственного подряда, с самого начала реформы весьма успешно апробированного в сельском хозяйстве, и кончая акционированием, получившим широкое развитие на исходе 90-х годов. Теоретической основой коммерциализации деятельности государственных предприятий явилось обоснованное китайскими учеными разграничение прав собственности и хозяйствования.

3.2. Трансформационный спад и экономический кризис: общие черты и различия

В современной экономической науке трансформационный спад нередко и едва ли не полностью отождествляется с периодически повторяющимся экономическим кризисом, хотя это не вполне так. На основании такого отождествления делаются далеко идущие выводы. В поисках путей преодоления трансформационного спада взор невольно обращается к западной экономической науке,

наработавшей множество способов и методов преодоления экономических кризисов, сглаживания экономического развития в пределах промышленного цикла. Как известно, последний выступает всеобщей формой движения общественного воспроизводства в условиях механизации производительных сил, не претерпевающей принципиальных изменений в процессе эволюции экономических отношений при переходе от индустриального к постиндустриальному этапу.

Основой такого отождествления становится прежде всего общность форм проявления того и другого: абсолютное снижение макроэкономических показателей, рост безработицы, появление инфляции, нарастание социальной напряженности и т.п. Единство внешних форм проявления обусловлено единством функции, которую каждый из них выполняет. Она состоит в насильственном разрешении накопленных ранее социально-экономических противоречий, материализовавшихся, что очень важно для понимания кризиса или спада, в сформированной в предшествующий период макроэкономической структуре. Разрешение этих противоречий неизбежно сопровождается частичным разрушением сформированной всякий раз в соответствии с данным поколением техники и технологии макроструктуры, чем высвобождается экономическое пространство для становления новой, соответствующей очередному этапу в развитии НТП.

И все же при весьма существенном единстве экономических кризис и трансформационный спад имеют различия с точки зрения их происхождения. Они осуществляют свои функции в принципиально различных исторических условиях. А потому вполне естественно, что и способы их преодоления не могут быть одинаковыми. Оба они выполняют функцию механизма разрешения накопленных в предшествующий период противоречий, неизменно сопровождающегося разрушительными последствиями — прежде всего потому, что эти противоречия нашли воплощение в сформированной макроэкономической структуре. Но этот предшествующий период оказывается разным не только по продолжительности, но и по существу. В рыночной экономике этот период измеряется продолжительностью промышленного цикла, завершающегося кризисом, знаменующим исчерпание потенциала развития на материальной основе данного поколения техники и технологии, кризисом тем более глубоким и продолжительным, если происходит при этом еще и смена

технологических укладов. Техничко-технологическим обновлением снимаются достигнутые данным промышленным циклом границы повышения эффективности, открываются новые перспективы экономического роста в пределах очередного делового цикла. Макроэкономическое равновесие всякий раз устанавливается на основе более совершенной техники и технологии, что открывает новые перспективы эффективного функционирования реального сектора экономики и соответственно обеспечивает более высокий уровень удовлетворения общественных потребностей. Тем самым преодолеваются социально-экономические противоречия, накопленные в течение предшествующего цикла. При этом система экономических отношений не только сохраняется. Сменой промышленных циклов как определенных этапов в реализации НТП обеспечивается его дальнейшее поступательное развитие, равно как сохраняется и критерий сбалансированности подлежащей корректировке макроструктуры в ее отраслевом, территориальном, секториальном (например, в интерпретации Д.Белла, первичный, вторичный, третичный сектор) и прочих аспектах.

Иная картина складывается в переходной экономике. Трансформационным спадом разрешаются противоречия, накопленные предшествующей экономической системой и материализовавшиеся в сформированной по ее критериям, а потому не могущей в пределах данной системы быть иной структуре народного хозяйства. Вследствие этого последняя на определенном этапе становится тупиковой, исключающей дальнейший экономический рост. Преодоление этих противоречий осуществляется переходом к принципиально иной экономической системе, а вместе с ней — к иному типу хозяйствования, с иными критериями макроэкономической сбалансированности. Масштабы разрушения здесь принципиально иные, несопоставимые с аналогичными процессами в пределах промышленного цикла, так как частичному разрушению подлежит структура народного хозяйства, сформированная за несколько десятилетий социализма. Число последних разное для стран ЦВЕ и СНГ, что является одним из факторов, воздействующих на глубину спада в них.

Уже в силу этого способы и методы преодоления разрушительных процессов принципиально разные. В рыночной экономике они реализуются при том же рыночном механизме хозяйствования

с той или иной долей государственного регулирования, в переходной — при ином: плановый механизм рухнул еще до официального провозглашения рыночных преобразований, а регулирующая роль государства принципиально меняется, сохраняясь в жестких формах преимущественно в сфере ВПК. В масштабах же национальной экономики возобладали имманентно присущие переходному периоду стихийные процессы, в ходе которых происходило массовое банкротство убыточных предприятий, нередко сопровождавшееся слиянием и поглощением и, напротив, разукрупнением, перепрофилированием на выпуск продукции, пользующейся спросом, в целях выживания в экстремальных условиях. Меняется и критерий оптимальности макроэкономической структуры, каковым становится повышение прибыли экономических субъектов. При социализме в качестве такового провозглашался неуклонный рост жизненного уровня населения.

Смена экономических отношений, а вместе с ними и механизма хозяйствования, сопровождается, что представляется чрезвычайно важным обстоятельством, временным исчезновением подлинного собственника как главного действующего лица воспроизводственного процесса во всякой экономической системе. В ожесточенной конкурентной борьбе формируется новый класс собственников, функцией которого и становится преодоление трансформационного спада, обеспечение последующего экономического роста путем развертывания инвестиционной деятельности. Последняя в условиях конкуренции носит непременно инновационный характер. Непременно, так как в конкурентной борьбе в конечном счете побеждает новатор в области освоения НТП. В свою очередь, это предполагает возрождение предпринимательского слоя, который в трактовке Й.Шумпетера и является носителем экономической динамики. Но, как известно, именно предпринимательской инициативе не было места в директивно планируемой экономике, превращавшей работника в «винтик». Для появления ее носителей также требуется время.

С завершением переходного периода и становлением рыночной экономики, где критерием завершенности является полное овладение промышленным капиталом реальным сектором экономики, вступает в свои права циклическая форма движения воспроизводственного процесса в качестве всеобщей, в рамках которой кризис

выступает циклообразующей фазой. На этой фазе актуализируется потребность в антикризисном государственном регулировании в соответствии с рецептами, прописываемыми экономике учеными эскулапами. Но и здесь подходы могут быть разными, в зависимости от того, ставится ли акцент на стимулирование спроса или предложения или предпочтение отдается монетаристским методам антикризисного регулирования — преимущественно через механизм кредитно-денежной и финансовой политики. Но в любом случае назначение такого регулирования состоит в том, чтобы «обезболить» структурно-технологические преобразования путем ослабления социальных потрясений, вызванных ломкой сложившейся в течение предшествующего цикла структуры народного хозяйства и соответственно структуры занятости, что неизбежно сопровождается для части работников временной потерей рабочего места.

Итак, периодически повторяющийся экономический кризис — явление сугубо рыночной экономики. Его причина — накопленные в пределах цикла противоречия экстенсивного и интенсивного экономического роста, разрешаемые путем массового внедрения техники и технологии того же или нового, более сложного технологического уклада, каждый из которых подготавливается достижениями в области фундаментальных и прикладных наук. Все это находит выражение в изменении соотношения между первичным, вторичным и третичным секторами, между добывающей и обрабатывающей промышленностью, между материальным производством и сферой услуг внутри реального сектора, между реальным и финансовым секторами национальной экономики. Таким путем осуществляется дальнейшее повышение эффективности функционирования национальной экономики, обеспечивающее рост душевого ВВП, углубление социальной направленности рыночной экономики.

В свете сказанного несостоятельными представляются попытки решать проблему преодоления трансформационного спада как явления переходной экономики исключительно методами монетаризма, кейнсианства и институционализма. Все эти теории дают в той или иной мере адекватное отражение иной экономической реальности, реальности зрелой рыночной экономики, в которой давно сложился промышленный цикл, поддающийся регулированию в определенных границах при высокой компетенции регулирующих органов.

Теория переходной экономики, внутренним моментом которой является проблема трансформационного спада, лишь создается. Однако теоретический вакуум не может быть заполнен даже временным заимствованием западных теорий, по своей природе не могущих содержать позитивного решения данной проблемы. И уж во всяком случае следует проявлять крайнюю осмотрительность при таком заимствовании, коль скоро не разработана собственная концепция. Это обстоятельство вполне осознано китайскими учеными, усилиями которых и была разработана адекватная китайским реалиям, а потому весьма эффективная модель реформирования национальной экономики.

В связи с вопросом о трансформационном спаде следует отметить, что заимствованная модель реформирования отнюдь не воспрепятствовала преобразованию плановой экономики в рыночную. Однако по своей природе она способствовала разворачиванию во многом стихийных процессов и в этом смысле — и трансформационному спаду. Вытекающие из ее теоретического происхождения монетаристские методы регулирования оказались неспособными не то что предотвратить спад, но хотя бы его ослабить. Процесс первоначального накопления капитала, например в России, в немалой мере благодаря либеральной модели разворачивался по ставшей классической схеме этого процесса, подвергшегося анализу в трудах А.Смита и К.Маркса (см., например, 24 главу 1 тома «Капитала»), хотя на исходе XX века резонно было бы ожидать более жесткого государственного регулирования столь сложного процесса. Но развитие пошло по сценарию, predetermined всей совокупностью исторических обстоятельств, как они сложились в стране к исходу века.

Уникальность трансформационного спада, равно как и всех явлений переходного периода, переживаемого постсоциалистическими странами, актуализирует практическую значимость оригинальных исследований отечественной экономической науки, призванной дать адекватное отражение происходящих в национальной экономике процессов, коль скоро экономическое мышление, как и любое другое, национально. В свою очередь такие исследования становятся теоретической основой выработки рекомендаций, способствующих успешному переходу от трансформационного спада к устойчивому экономическому росту. Это тем более актуально для

русской экономической науки, столь подверженной традиционному заимствованию западных теорий, что отмечал еще Н.Бердяев и что в полной мере проявилось накануне и в ходе рыночных преобразований в стране.

3.3. Факторы, определяющие глубину и продолжительность трансформационного спада в постсоциалистических странах

Глубина и продолжительность трансформационного спада в разных странах различны, но при этом наибольшие в России и странах СНГ, наименьшие — в странах ЦВЕ и Балтии. Среди последних в наименьшей мере трансформационный спад поразил такие страны, как Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Словения, Хорватия. Наиболее существенными факторами, смягчившими трансформационный спад в этих странах, представляются следующие:

- социализм был навязан этим странам извне по итогам Второй мировой войны и уже в силу этого отторгался большинством населения в противоположность России, где он стал внутренним моментом ее истории, ее «неотвратимой судьбой»;

- ими унаследована от социализма менее деформированная макроструктура не только вследствие фактора времени, но и потому, что именно СССР взял на себя основное бремя военных расходов;

- в этих странах менее длительна история социализма. Вследствие этого в них в меньшей мере разрушен рыночный менталитет и выше готовность и адаптационные способности широких слоев населения к рыночным преобразованиям;

- в ряде стран прорыночные преобразования, направленные на преодоление социально-экономических противоречий социализма, весьма последовательно проводились еще при социализме (в Венгрии — с 60-х годов, в Польше — с 80-х) в отличие от СССР, где начатая было в 1965 г. наиболее радикальная по масштабам допущения товарно-денежных отношений (ТДО) и расширения сферы их действия хозяйственная реформа была прервана в связи с известными событиями в Чехословакии в августе 1968 г. Перестройка середины 80-х годов, хотя и начатая под сугубо социалистическими лозунгами, уже в полной мере распахнула двери для становления

рыночных отношений, создав соответствующие юридические предпосылки в облике законодательства, принятого на ее исходе, в рамках которого оказалась возможной даже спонтанная приватизация государственного имущества, осуществленная в течение 1987–1991 гг. ;

- в этих странах в меньшей мере был разрушен частный сектор (в Польше, например, сплошная коллективизация не проводилась вообще, а в ГДР в частном секторе было занято до трети городского трудоспособного населения), следовательно, более высокой и зрелой оказалась адаптация хозяйствующих субъектов к рыночным условиям;

- более ощутимой явилась финансовая и пр. помощь со стороны Запада;

- более грамотно и менее поспешно проводились рыночные преобразования, так как угрозы реставрации социализма в этих странах практически не было. Здесь также была принята либеральная модель, и соответственно проводилась политика шоковой терапии, хотя и с разной степенью жесткости и последовательности. Так, бесплатная приватизация либо не проводилась вовсе (например, в Словакии, а в Польше был проведен всенародный референдум, в ходе которого население высказалось против бесплатной приватизации), либо в меньших масштабах и с меньшими льготами трудовому коллективу, либо ограничивалась реституцией.

Под воздействием всех этих факторов продолжительность трансформационного спада, равно как и его разрушительная сила, оказалась менее значительной. Уже через несколько лет после официального провозглашения рыночных преобразований наметился экономический подъем в странах-лидерах, начиная с Польши, где экономический рост начался с 1993 г., а 1994 год стал годом подъема в большинстве из них, хотя темпы экономического роста и их устойчивость, оказались разными. Экономической катастрофы, подобной российской, удалось избежать даже наименее удачливым из них.

Как известно, трансформационный спад на постсоветском пространстве принял беспрецедентные для постсоциалистического пространства масштабы, что объясняется множеством факторов преимущественно сугубо советского происхождения. Наиболее значимыми представляются следующие:

- социально-экономические противоречия социализма, о которых говорилось выше, накапливались в течение самой длительной именно здесь его истории;

- в силу этого, не говоря уже об особом месте СССР в рамках мировой социалистической системы, наиболее глубокими оказались структурные и технологические дисбалансы;

- разрушение сформировавшегося за три четверти века единого народно-хозяйственного комплекса в результате распада СССР, внесшего весомый вклад в спад промышленного производства;

- массовая эмиграция накопленного в России денежного капитала на протяжении всех 90-х годов вследствие крайне неблагоприятного инвестиционного климата, вновь несколько осложнившегося на исходе 2003 г.;

- по существу всеобщая и в этом смысле беспрецедентная среди постсоциалистических стран криминализация экономической деятельности, в силу своих масштабов крайне разрушительная по своим последствиям;

- возобладание стихийных процессов в разделе и переделе собственности, юридические предпосылки для начала которых формировались уже с конца 80-х годов. Активное участие в этих процессах приняли и государственные чиновники, выступившие от имени государства в качестве «раздатчиков» и «продавцов» государственного имущества и сумевшие извлечь максимум выгоды лично для себя из столь благоприятной для них ситуации.

Остановимся на некоторых из этих причин более подробно.

О макроэкономической несбалансированности унаследованной макроструктуры говорилось выше. В данном контексте подчеркнем лишь то обстоятельство, что именно СССР взял на себя основное бремя военных расходов. С одной стороны, так сложилось исторически, с другой — отсутствие полной уверенности в партнерах по социалистическому лагерю и даже СЭВ, что тем более важно при особой секретности информации, касающейся данного комплекса. Масштабы военного производства были огромны. Обслуживанием ВПК занималось девять отраслевых министерств, на него едва ли не исключительно работала фундаментальная и прикладная наука, в нем была занята треть рабочей силы, причем наиболее высококвалифицированной. Около 60% машиностроительной продукции имело военное назначение. Расходы на оборо-

ну составляли, например, 15–20% ВВП, в то время как в США — всего около 6%.

Завершение глобального политического противостояния противоположных систем и окончание холодной войны обусловили резкое сокращение производства в отраслях ВПК, что сопровождалось глубокими разрушительными процессами в народном хозяйстве в целом, так как осуществлялось в огромных масштабах. Так, только за 1992–1996 гг. военное производство сократилось в 6 раз. Трагедия состояла еще и в том, что, как уже отмечалось, именно в отраслях ВПК было сосредоточено высокотехнологичное наукоемкое производство.

Разрушению подвергся и гражданский комплекс, но причина катастрофы здесь была принципиально иной. Если в ВПК реструктуризация идет по линии сокращения избыточных производственных мощностей путем их перепрофилирования в пределах возможного, переориентации его развития на превращение в оборонный промышленный комплекс (ОПК), то в гражданском комплексе предстоит проведение едва ли не полной технико-технологической модернизации.

Развал единого экономического пространства, сложившегося за десятилетия советской власти, пришлось преодолевать путем восстановления нарушенных производственных связей теперь уже на межстрановом уровне, то есть по ценам мирового рынка, либо путем воссоздания недостающих звеньев собственными усилиями, что требует немалого времени, инвестиционных средств и усилий.

О негативных последствиях стремительного ухода государства из реального сектора экономики задолго до появления «наследника» говорилось уже выше. Подчеркнем лишь, что такая поспешность была предопределена в России опасностью реставрации социализма — в отличие, например, от стран ЦВЕ и Балтии, где такой вариант развития был маловероятен, а потому можно было не торопиться с приватизацией. Огромный научно-производственный потенциал, созданный за годы социализма, оказавшись фактически без собственника, уже вследствие этого неизбежно подвергся разрушению, тем более что социалистическое государство было не только собственником. Оно же сосредоточило в своих руках в качестве такового функции управления единым народно-хозяйственным комплексом. А потому вместе с государственной собственнос-

тью рухнули и государственные институты управления ею, хозяйственный механизм в целом. В результате сложился растянувшийся едва ли не на десятилетие институциональный вакуум.

Правда, и преувеличивать значимость этого обстоятельства не следует. Как показала социалистическая практика, государство является отнюдь не самым эффективным собственником, о чем свидетельствует и проведенная им уже в годы реформирования в три этапа конверсия ВПК, имевшая весьма плачевные для последнего последствия. Примечателен и тот факт, что при титанических усилиях китайских реформаторов им так и не удалось обеспечить рост эффективности государственного сектора, половина предприятий которого и поныне остается убыточной. Напомним в этой связи и о том, что политика финансовой стабилизации, столь энергично проводившаяся в 90-е годы, завершилась сокрушительным финансовым кризисом 1998 г., хотя отнюдь не только и даже не столько политические лидеры повинны в нем. Иными словами, государство в переходный период призвано не заполнять собою образовавшуюся брешь в хозяйственном механизме, но, с одной стороны, перестраивать свою деятельность, овладевая методами прямого и косвенного, экономического и административного воздействия на процесс развития национальной экономики, с другой — способствовать становлению рыночного механизма не только в облике стихийной конкурентной борьбы, но путем формирования институтов рыночной инфраструктуры (банковская система, фондовая и товарная биржи, биржа труда, страховые компании и пр.).

Важно и то, что именно на советском пространстве был наиболее полно вытравлен за ненадобностью в условиях жесткого централизованного управления дух предпринимательства. Предпринимательская инициатива не была востребована даже со стороны правящей номенклатуры. Это оказалось одной из серьезных причин выявившейся в переходный период слабой адаптации советских управляющих к рыночным условиям хозяйствования, о которых они имели к тому же, что вполне естественно, весьма смутное представление. В результате директорский корпус, из рядов которого на этапе ваучерной приватизации появились первые собственники, в массе своей оказался попросту не способен хозяйствовать без предписаний со стороны государства, а тем более — без финансовой поддержки последнего. А потому многие из них

занялись распродажей производственных активов, сдачей в аренду производственных помещений, направленной прежде всего на личное обогащение, а не на возрождение воспроизводственного процесса. Им прежде всего свойственна ориентация на выживание в экстремальных условиях. И в этом смысле инсайдерская модель акционирования государственных предприятий, возобладавшая на этапе ваучерной приватизации, существенно удлинила процесс формирования подлинных собственников, а тем самым — и трансформационный спад. Не случайно среди представителей так называемых олигархов выходцев из «красных директоров» не так уж и много.

Сугубо российским фактором углубления трансформационного спада явилось возобладание в 90-е годы традиционно стихийного характера процесса первоначального накопления капитала. Бывшая советская номенклатура, сохранившая в своих руках политическую власть, утрачивала вместе с государственной собственностью прежний механизм регулирования, а новый едва складывался. Уже в силу одного только обстоятельства национальная экономика оказалась неуправляемой. Но главное состоит в том, что эпоха первоначального накопления капитала по характеру происходящих в ней процессов несовместима с активным вмешательством государства. А потому номенклатура в полном соответствии с природой данной эпохи воспользовалась своим положением в целях обретения статуса собственника наиболее привлекательных объектов государственной собственности. Можно допустить, что в пылу предвыборной кампании Дж. Буш не безосновательно называл первых должностных лиц России, причастных к расхищению международных государственных займов. В этом одна из причин массового характера коррупции, преодолеть которую в полной мере не удалось и по сей день. По данным Фонда Г. Саратова, «на взятки в России ежегодно тратится 37 млрд долларов» («Известия», 22 мая 2002 г.) и поныне. И все же нельзя однозначно утверждать, что обуздание стихии способствовало бы ослаблению трансформационного спада, коль скоро планомерно регулируемым этот процесс по определению быть не мог. Самая большая трудность в том и состоит, чтобы понять объективную обусловленность именно такого, а не иного сценария развития. Гораздо проще проклинать своих политических лидеров.

Трансформационному спаду способствовало и то, что стихия разыгралась в стране, начиненной суперсовременной военной техникой и вооружениями всех видов в огромных масштабах, охрана которых была надежной лишь в пределах огосударствленной экономики. Сложившаяся ситуация была чревата во многом реализовавшейся опасностью бесконтрольного расхищения продукции ВПК, техногенными и экологическими катастрофами, ослаблением оборонной мощи страны, опасностью захвата оружия криминальными и террористическими структурами и его последующим использованием как в целях торговли, так и при развязывании всякого рода локальных военных конфликтов.

Трансформационный спад был усугублен сформировавшимся за годы социализма менталитетом. Широкие слои населения утратили в условиях жесткого административно-командного управления способность к самостоятельному хозяйствованию, к самостоятельному решению жизненно важных проблем, чувство личной ответственности за свою судьбу. Предоставление жизненно важных благ и услуг через общественные фонды потребления наряду с гарантированной занятостью в массовом масштабе формировало устойчивую социальную пассивность, иждивенчество, патернализм. Отголоски последнего проявляются и поныне в бесконечных призывах к укреплению регулирующей роли государства, в основе которых зачастую лежит беззаветная вера в благотворительную роль государства, то есть государственных чиновников, якобы денно и нощно только и пекущихся о благе народа. Для старшего поколения такая утрата оказалась безвозвратной, а более молодое вынуждено было адаптироваться к новым условиям в кратчайшие сроки под давлением резко и жестко изменившихся условий.

Вновь нарождающийся предпринимательский слой постепенно овладевает формами и методами самостоятельного ведения хозяйства в экстремальных условиях по мере его обретения в жесткой и бескомпромиссной борьбе с конкурентами. Криминальные способы конкурентной борьбы оказались доминирующими, что в принципе свойственно эпохе первоначального накопления. В аналогичную эпоху капитализм был «бандитским» во всех ныне развитых странах. Но это было пережито ими несколько столетий назад. Дикими же эти способы воспринимаются с позиций современной цивилизации. Тем не менее насилие, ускоряя становление новой сис-

темы, носит разрушительный характер, так как сопровождается не только отстрелом конкурентов, способных заниматься предпринимательской деятельностью, каковых при таком прошлом не так уж и много, но и уничтожением части накопленных ранее материальных ценностей, что углубляло трансформационный спад.

Отметим также, что нормы морали в стране, где на протяжении едва ли не целого века на полную мощность действовал карательный аппарат, сея психологию всеобщего страха перед всемогущим государством, оказались помятыми, что уже само по себе дает разрушительный эффект, а тем более в стране официального атеизма. Как известно, лишь соблюдение законов нравственности выводит человека из животного состояния, позволяет заниматься созидательной деятельностью. А.Маршалл признавал «двумя великими силами, формирующими мировую историю, религию и экономику» (А.Маршалл. Принципы политической экономии. — М.: Прогресс, 1983, с.56), первое место отнюдь не случайно отводя религии. Примечательны и слова Наполеона: «Никакое общество не может существовать без морали, а настоящая мораль немыслима вне религии. Следовательно, прочную и постоянную опору государству дает только религия». Еще раз отметим, что законы нравственности столь же абсолютны, как и законы экономики и природы. И нарушение их в равной мере чревато разрушительными последствиями. К сожалению, очевидными и наглядными, а потому и не подлежащими сомнению упомянутые законы воспринимаются, когда речь идет о законах природы, что и заставляет признавать их безусловную силу, а потому и относиться к ним более уважительно, а главное — осмотрительно, чем к законам экономики и нравственности, где такая связь далеко не всегда улавливается вследствие временного разрыва между «грехом и расплатой». Потому столь глубоки по смыслу слова выдающегося немецкого философа Х.-Г. Гадамера относительно того, что «нет трагедии там, где грех и расплата соответствуют друг другу».

Одним из негативных следствий всеобщей криминализации экономической деятельности, препятствовавших преодолению трансформационного спада, явилась массовая эмиграция отечественного капитала за рубеж, что способствовало углублению инвестиционного кризиса в стране, сдерживало приток иностранного капитала. Так, на долю России пришлось в 1999 г. всего 3,4 млрд. долл. из об-

шей суммы за этот год в 644 млрд. долл. Между тем прямые иностранные инвестиции в КНР, например, за не самый рекордный 2002 год составили 52,74 млрд. долл. («Ведомости», 15 января 2003).

Как уже отмечалось, созидательным потенциалом не обладала и проводимая государством в рамках либеральной модели в качестве доминирующей кредитно-денежная и финансовая политика. Прежде всего это объясняется невысокой компетентностью российских чиновников. Но в еще большей мере это относится к многочисленным в первые годы рыночной трансформации западным советникам и консультантам российского правительства во главе с Дж. Саксом, заполонившим государственные коридоры. Выдаваемые ими рекомендации, обязательные к исполнению уже вследствие того, что это являлось условием предоставления МВФ очередных займов, были такого характера, как будто речь шла о западной рыночной экономике, а не о только начинающей свой путь к рынку российской. Адекватным восприятием российской действительности они не обладали, а потому их весьма активная в тот период деятельность в качестве консультантов и советников не носила созидательного характера.

Итак, исторические предпосылки рыночной трансформации российской экономики, масштабы и глубина накопленных ранее противоречий, а также специфические обстоятельства переходного периода как такового породили глубокий и продолжительный трансформационный спад. В течение этого спада происходит частичное разрушение макроэкономической структуры, тем самым снимаются материализованные в ней противоречия предшествующего развития. В этот же период идет интенсивный процесс формирования денежного капитала, по мере превращения которого в промышленный становится возможной реструктуризация народного хозяйства в соответствии с присущими ему как капиталу критериями эффективности.

Завершившийся в российской экономике к началу нового века трансформационный спад свидетельствует о том, что началось преодоление унаследованных дисбалансов в процессе превращения ВПК в ОПК путем банкротства экономически несостоятельных предприятий и прямого разрушения наименее жизнеспособных из них под воздействием конкурентной борьбы, а также благодаря стремительному развитию сферы услуг. Однако в структуре ВВП

все еще и даже в большей мере доминирует продукция отраслей ТЭК и первого передела и поныне высока доля импорта потребительских товаров, едва началось преодоление технико-технологической гетерогенности унаследованного научно-производственного потенциала. А потому правомерно говорить лишь о том, что завершена в основном разрушительная стадия, позволившая высвободить пространство для становления принципиально иной структуры народного хозяйства. Наибольшую активность проявил крупный капитал в облике сформировавшихся под воздействием конкурентной борьбы мощных интегрированных бизнес-групп на базе бывших советских монополий. Их усилиями прежде всего обеспечивается экономический рост не только экспортной ориентации, но и постепенная переориентация на по существу безграничный по емкости внутренний рынок.

Не столь однозначна оценка масштабов трансформационного спада некоторыми западными учеными. Так, А. Ослунд ставит под сомнение тезис о «коллапсе производства после крушения коммунизма». При обосновании данного положения он исходит из общепринятого на Западе небезосновательного убеждения в том, что «статистические данные о состоянии коммунистических и посткоммунистических экономик недостоверны». В соответствии с проведенными западными учеными многочисленными расчетами большинство коммунистических экономик «погрузилось в хаос уже в конце коммунистического периода». Официальная статистика давала, по их мнению, завышенные отчетные показатели относительно реальных уже вследствие того, что валовые показатели как таковые содержали в себе в огромном масштабе повторный счет. И это действительно так: удельный вес повторного счета в ВВП СССР еще в 1978 г. составлял 56,6%, увеличившись при этом с 51,5% в 1960 г. (К.Б. Лейкина. Снижение потерь в народном хозяйстве — важный резерв повышения эффективности. — М.: Наука, 1980, с. 112). К тому же ситуация искажалась и тем, что в завышении отчетных данных любым доступным путем, вплоть до приписок, были заинтересованы все хозяйствующие субъекты, коль скоро материальное вознаграждение за труд осуществлялось в зависимости от выполнения и перевыполнения плановых заданий. Поэтому исходные статистические данные, характеризовавшие состояние советской эконо-

мики накануне рыночной трансформации, не могут быть признаны достоверными.

Немаловажное значение в искажении статистических данных имело и то обстоятельство, что в переходный период экономическое поведение хозяйствующих субъектов коренным образом изменилось. Теперь предприятиям выгоднее стало занижать фактические данные о выходе готовой продукции в целях снижения налоговой нагрузки, не говоря уже о том, что, как отмечает А. Ослунд, «... сектор неофициальной экономики заметно увеличился и еще не полностью охвачен официальной статистикой» (Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма//Вопросы экономики.— 2001, № 7, с.135). И это действительно так. Массовый уход российских предприятий в тень наработанными российским бизнесом весьма многообразными и изощренными способами стал повседневной практикой. Масштабы теневой экономики даже по данным официальной статистики составляли в 90-е годы 23% ВВП. Однако расчеты, проведенные, например, группой под руководством член-корр. И. Елисевой по предприятиям Санкт-Петербурга, показали, что теневая экономика в промышленности составляет ныне 46,5% вместо официальных 6—10%, а в целом по экономике — порядка 43% вместо официальных 23% (Финансовые известия, 24 мая 2002 г.).

Косвенным показателем не столь катастрофического падения российской экономики является, по мнению А.Ослунда, «слабое сопротивление со стороны населения» проводимым реформам. «Объяснить данный факт, — пишет он, — можно, если учитывать, что оно в действительности не столкнулось ни с глубоким спадом производства, ни с существенным снижением уровня жизни» (указ. статья, с. 135). В этом утверждении есть доля правды, но далеко не вся правда. Такое поведение населения в значительно большей мере объясняется сложившимся при социализме менталитетом. Существенное значение в этом отношении имела и преобладавшая на протяжении всех 90-х годов экономическая стратегия российских предприятий на выживание, что сдерживало рост безработицы и нищеты, а также социальная политика государства, при всей ее ограниченности оказавшаяся тем не менее достаточной для предотвращения социальных взрывов. Социальные протесты были вызваны несвоевременной выплатой заработной платы, но они не были прямо и непосредственно направлены против рыночных преобразований.

Можно говорить лишь о косвенных формах их неприятия, выразившихся, например, в неизменной поддержке населением представителей КПРФ на всех выборах, проводившихся в 90-е годы. Однако по мере роста реальных доходов в условиях начавшегося экономического роста ее популярность резко упала, о чем свидетельствуют итоги последних выборов в Государственную думу.

Таким образом, есть основания полагать, что масштабы трансформационного спада в России в действительности были не столь катастрофичны, как это изображает официальная статистика. К тому же последняя сама находится в состоянии перестройки и уже вследствие этого не может дать исчерпывающей, а тем более — достоверной информации. Однако в любом случае трансформационный спад носит характер «созидательного разрушения», где разрушение становится предпосылкой последующего созидания, по определению, однако, не могущего быть столь же стремительным, как разрушение.

3.4. Противоречия финансовой стабилизации и экономического роста

Российское государство, сбросив с себя бремя собственника объектов реального сектора экономики, но оставаясь при этом им формально вплоть до завершения приватизации, озадачилось проведением антиинфляционной политики. Потребность в ней была порождена, по крайней мере на первый взгляд, прежде всего его же деятельностью. Отпуск цен в январе 1992 г. в условиях высокомонополизированной, хронически дефицитной, обремененной к тому же структурными и технологическими дисбалансами экономики сопровождался их резким повышением и уже вследствие этого сокращением масштабов производства. Такая акция государства диктовалась принятой моделью реформирования. Гиперинфляция породила к жизни антиинфляционную политику, направленную на достижение финансовой стабилизации, которая резонно рассматривалась в качестве необходимой предпосылки экономического роста.

Как это нередко случается в России, результаты проведения этой политики оказались прямо противоположными поставленной цели: не только не была достигнута финансовая стабилизация,

а тем более — экономический рост, но разразился сильнейший финансовый кризис, под обломками которого оказались погребенными не только проводившаяся государством кредитно-денежная и финансовая политика, но и финансовые институты, под такую политику созданные. Это произошло вследствие того, что финансовая стабилизация достигалась методами и способами, подрывавшими реальный сектор экономики, и без того находившийся не в лучшем финансовом состоянии, не говоря уже о том, что не вполне адекватно была определена природа инфляции, а следовательно, и методы ее преодоления. Истоки устойчивой финансовой стабилизации лежат в стабилизации реального сектора. Но такой ситуации в переходный период по определению быть не может, что и питает неустойчивость финансовой системы, к тому же преимущественно занятой в этот период, в период первоначального накопления капитала, выполнением совершенно особой функции, состоящей в накоплении денежного капитала.

Основные направления негативного воздействия кредитно-денежной и финансовой политики на состояние реального сектора, усугублявшего трансформационный спад, проявились в следующем:

- введение завышенных относительно уровня рентабельности большинства отечественных предприятий налоговых ставок, поглощавших едва ли не полностью прибыль предприятий, что резко ограничивало их инвестиционный потенциал. Под воздействием этого обстоятельства предприятия либо разорялись, либо уходили в тень;

- непомерно высокие налоги, столь свойственные переходному периоду, что было отмечено еще К.Марксом, порождали, с одной стороны, их низкую собираемость в текущем периоде и подрыв налогооблагаемой базы в будущем, с другой — происходило массовое расхищение бюджетных средств, вследствие чего подрыв инвестиционной активности на микроуровне не компенсировался соответствующим ее развертыванием на макроуровне, не говоря уже о низкой эффективности государственных инвестиционных программ;

- в целях борьбы с инфляцией проводилась политика денежных рестрикций, в результате чего коэффициент монетизации ВВП опустился до критических 12%, что в условиях мощного оттока де-

нежных средств в несравненно более прибыльную финансовую сферу вело к дефициту оборотных денежных средств у промышленных предприятий, ухудшавшему и без того их тяжелое финансовое положение;

- систематическое повышение ЦБ РФ ставки рефинансирования по мере роста инфляции чрезвычайно удорожало банковский кредит, в силу чего он оказался совершенно недоступным большинству предприятий при крайней потребности в нем.

Итак, антиинфляционная политика государства, разработанная при активном содействии западных экспертов, внесла свой вклад в разрушение реального сектора экономики, в истощение его скудного инвестиционного потенциала, в углубление трансформационного спада. На грани полного разорения оказались целые отрасли гражданской промышленности, либерализацией внешнеэкономической деятельности поставленные в условия разорительной конкуренции с иностранными фирмами. Разразившийся в августе 1998 г. финансовый кризис показал, что финансовая стабилизация не может быть достигнута в условиях кризисного состояния реального сектора, коль скоро он составляет основу всякой национальной экономики на любом этапе ее развития.

Но и кризис реального сектора постсоциалистической экономики был неизбежен вследствие объективно обусловленной необходимости частичного разрушения сформированной в предшествующий период макроэкономической структуры в целях устранения сложившихся в тот период дисбалансов. Такому разрушению в немалой степени способствовала банковская система, в тот период ориентированная прежде всего на накопление денежного капитала, в том числе и путем разорения неперспективных предприятий с точки зрения их технико-технологического состояния, качества производимой ими продукции, платежеспособного спроса на нее, коль скоро таковые тем или иным путем оказались в сфере их влияния. Видимо, большинство из этих предприятий не заслуживали лучшей участи по рыночным критериям макроэкономической сбалансированности, а потому их банкротство было неизбежным. Распродажа их активов становилась одним из источников накопления денежного капитала под денежный этап приватизации. Такой капитал предназначался для приобретения наиболее крупных и прибыльных объектов реального сектора, вокруг которых и разверну-

лась отчаянная конкурентная борьба. Превращение денежного капитала в промышленный и становится исходной предпосылкой для возрождение реального сектора.

Иными словами, частичное разрушение унаследованного научно-производственного потенциала становилось предпосылкой последующего созидания. Иным путем устранение дисбалансов прошлых лет оказывалось невозможным. И в этом смысле политика государства, направленная на достижение финансовой стабилизации, при всей ее уязвимости, тем не менее не противоречила объективному ходу развития в рамках рыночной трансформации. Вневоспроизводственное накопление капитала, капитала в денежной форме, прежде всего усилиями торгового и банковского капитала, в период становления капитализма предшествует воспроизводственному. Оно осуществляется путем раздела и передела ранее созданных объектов реального сектора, в том числе и путем использования механизма финансовой системы. В силу этого последняя становится временно доминирующей. Однако деятельность ее институтов была направлена на образование денежного капитала как предшественника промышленного, без которого преобразования в реальном секторе попросту невозможны. Она носила столь интенсивный характер, что уже к середине 90-х годов при проведении залоговых аукционов государственные акции выкупались за сотни миллионов долларов, накопленных аутсайдерами всего за каких-то пять-семь лет. Из их рядов и вышли так называемые олигархи, пришедшие на смену выявившим свою недееспособность собственникам первого поколения, порожденным этапом ваучерной приватизации, ее инсайдерской моделью. И в этом смысле кризис финансовой системы 1998 г. лишь засвидетельствовал полное исчерпание последней своего потенциала в качестве механизма накопления денежного капитала. Напомним также о причастности к этому процессу сверхприбыльной торгово-посреднической деятельности, в которую активно включились с первых же лет предпринимательские слои населения, словно проснувшиеся после долгой спячки и бездеятельности советских лет.

Столь ненавистные широким слоям населения как носителям укоренившегося в их сознании менталитета равенства в нищете российские олигархи прошли классический путь первоначального

накопления капитала. Многие из них, например В.Потанин и М.Ходорковский, М.Фридман, начинали свое восхождение к наиболее перспективным объектам реального сектора экономики с создания торговых фирм, затем коммерческих банков, что и позволило им накопить денежный капитал, достаточный для весьма успешного участия в ими же инициированных так называемых залоговых аукционах, проведенных обремененным долгами государством в 1995—1996 гг. Столь же активно участвовали они и в разделе объектов собственности в постваучерный период.

Итак, в переходной экономике связь финансовой стабилизации и экономического роста не столь проста и однозначна. Институты финансовой системы принимают самое активное участие в структурной перестройке не только и не столько путем обслуживания финансовых и денежных потоков, рождаемых функционированием реального сектора экономики, но и выполнением совершенно особой функции, порожденной процессом первоначального накопления капитала состоящей в накоплении денежного капитала. Последнее достигается в том числе и путем разорения нежизнеспособных предприятий реального сектора, присвоения денежных сбережений доверчивого и не искушенного в тайнах рыночных отношений населения. Как известно, переходная эпоха не самая светлая страница в истории любой страны и ее народа, когда в одночасье рушится десятилетиями устоявшийся уклад жизни, а контуры будущего едва прорисовываются. Важно понять, что финансовая система в 90-е годы способствовала вымыванию неэффективного производства, ускоряла накопление денежного капитала, а тем самым закладывала предпосылки для последующего экономического роста, начавшегося сразу же вслед за финансовым кризисом.

3.5. Факторы роста в российской экономике на рубеже веков

Как известно, экономический рост обеспечивается деятельностью промышленного капитала по мере овладения им реальным сектором национальной экономики. Созданию в пределах своей компетенции благоприятных предпосылок для его формирования

и должно способствовать государство, оказавшееся перед проблемой преодоления трансформационного спада и перехода к устойчивому экономическому росту. Сам же экономический рост обеспечивается хозяйствующими на микроуровне экономическими субъектами, их не просто инвестиционной, но инвестиционно-инновационной деятельностью, без чего попросту не выжить в условиях жесткой конкурентной борьбы.

Исторически сложилось так, что наиболее быстро становление промышленного капитала в России началось в экспортно-ориентированных отраслях, где в первую очередь и сформировались очаги рыночной экономики, сложились суперсовременные рыночные структуры. Это произошло вследствие ряда обстоятельств. Данный комплекс избежал, по крайней мере, сокрушительного обвала даже в условиях резкого сокращения внутреннего рынка. Дело в том, что дорога на внешний рынок для продукции ТЭК была проторена еще в советский период, начиная с 70-х годов, когда на Западе разразился энергетический кризис, что повлекло за собой резкое возрастание цен на энергоресурсы, уровень которых и поныне обеспечивает высокую рентабельность отраслей российского ТЭК. К началу рыночных преобразований мировые цены по-прежнему были высоки и уж тем более несравненно выше внутренних, в силу чего отрасли данного комплекса оказались российским клондайком, в первую очередь подвергшимся приватизации, еще до официального провозглашения рыночных преобразований. Именно на этапе спонтанной приватизации 1987–1991 гг. путем, например, элементарного структурного преобразования отраслевых министерств и ведомств в рыночные структуры осуществлялось прямое превращение основных производственных фондов в промышленный капитал, минуя столь затяжную предварительную стадию формирования денежного капитала. Присвоение наиболее экономически привлекательных объектов было весьма успешно продолжено на последующих этапах приватизации, особенно — при проведении залоговых аукционов в середине 90-х годов. Они первыми обрели подлинных собственников, едва ли не единственным «временщиком» среди них оказался лишь Б.Березовский.

Сокращение производства и здесь имело место, но оно было несопоставимым с сокращением в обрабатывающей промышленности, вследствие чего доля добывающей промышленности почти

сравнилась с обрабатывающей в общем объеме промышленной продукции. Однако альтернативы такому сценарию развития по существу не было: разорение предприятий гражданского комплекса было предопределено их технико-технологической отсталостью, а вполне конкурентоспособный ВПК подвергся реструктуризации и ныне весьма успешно начал восстанавливать свои позиции на мировых рынках. А между тем государство пребывало в долгах, по размеру сопоставимых с годовым ВВП. Из столь тяжелого состояния национальную экономику, по существу, вытаскивал ТЭК, экспортные доходы которого позволили в значительной мере погасить государственную задолженность и даже прокредитовать отечественную промышленность, не только не имевшую выхода на внешний рынок, но и потерявшую едва ли не наполовину внутренний. Ему же государство обязано и своей социальной политикой. Все это отнюдь не означает, что такая ситуация должна быть законсервирована. Но финансовые предпосылки для структурных и технологических преобразований были в немалой мере созданы все тем же пресловутым ТЭК. Ныне обрабатывающая промышленность уже самостоятельно, медленно, но верно накапливает собственные инвестиционные источники.

В настоящее время идет активный процесс преобразования бывших советских монополий в обличье ПО и НПО в суперсовременные рыночные структуры типа корпораций, холдингов, ассоциаций, альянсов и пр. в процессе раздела и передела объектов собственности и становления корпоративного управления на приватизированных предприятиях, протекающего в ходе жесткой конкурентной борьбы. Этот процесс осуществляется промышленным капиталом преимущественно самостоятельно, без особо значимого участия государства и пасующего перед всесильными монополиями Министерства РФ по антимонопольной политике (МАП). Вновь формирующимися интегрированными корпоративными структурами и закладываются предпосылки экономического роста — по мере овладения ими объектами реального сектора экономики. Ими же предопределяется и будущая структура народного хозяйства в отраслевом, секторальном и региональном аспектах.

Набирая экономическую мощь, они и поныне действуют без государственной программы долгосрочных преобразований, опираясь на существующие юридические предпосылки, равно как и на проре-

хи в действующем законодательстве, позволяющие в полной мере развернуть самостоятельную частнопредпринимательскую деятельность, руководствуясь сугубо рыночными критериями эффективности функционирования промышленного капитала. И в этой связи еще раз обратим внимание на то, что стихийные процессы все еще преобладают, хотя самый сложный и острый начальный этап первоначального накопления капитала (ПНК) закончился. А потому становится весьма актуальной активизация регулирующей деятельности государства, прерогативой которого является разработка стратегической программы экономических преобразований, направленных на формирование макроэкономической структуры, в наибольшей мере соответствующей национальным интересам, способной обеспечить устойчивый экономический рост социальной направленности. Как известно, важнейшим фактором экономического роста является повышение доходов населения, удельный вес которых в национальном ВВП далеко не дотягивает до оптимальных в современных условиях 50—60%. Весьма настоятельна и потребность в более ощутимой социальной политике — не только в силу сложившейся в советский период традиции, что также существенно, но и ввиду бедственного положения широких слоев населения, только что переживших шок трансформационного спада. Напомним и о том, что современная рыночная экономика немыслима без четко выраженной социальной направленности. В силу всех этих обстоятельств наличие корректирующей частнопредпринимательскую деятельность функции государства позволило бы в большей мере направить эту деятельность в русло решения названных проблем. Как известно, сугубо рыночные критерии эффективности функционирования капитала могут расходиться с общенациональными.

Под такую программу необходима промышленная политика с четко обозначенными бюджетными приоритетами, реализации которой и должна быть подчинена кредитно-денежная и финансовая политика. В русло национальных интересов государство в качестве макросубъекта призвано направить частнопредпринимательскую деятельность, широко используя наработанные мировой практикой методы и способы воздействия на хозяйствующие субъекты всех форм собственности. В тесном взаимодействии с властными структурами заинтересован и сам капитал, так как, с одной сторо-

ны, слишком сложные проблемы стоят перед ним внутри страны, с другой — в условиях глобализации ему в одиночку не выстоять в конкурентной борьбе с давно сложившимися мощными ТНК.

Начавшийся в 1999 г. экономический рост принято было, особенно на первых порах, объяснять едва ли не исключительно действием конъюнктурных факторов, имея в виду рост мировых цен на энергоресурсы и протекционистский эффект девальвации рубля. Они действительно являются временными — такова их природа, из которой следует исходить при определении приоритетности в рамках национальной экономики тех или иных отраслей и их места в формирующейся едва ли не заново макроструктуре. Однако они дали положительный и отнюдь не временный эффект, не говоря уже о том, что отрасли ТЭК, а также первого передела весьма успешно справлялись со своей функцией донора для обрабатывающей промышленности на протяжении всех 90-х годов, а это отнюдь не краткосрочный, а тем более не разовый эффект. Получив инерцию экономического развития, отрасли-реципиенты показывают явные признаки своего выздоровления. Их доля в ВВП медленно, но неуклонно возрастает.

К числу конъюнктурных факторов отнесена и девальвация рубля, обладавшая мощным протекционистским эффектом. Под ее воздействием, хотя и временно, но резко, сократился импорт иностранных товаров, что позволило вернуться на внутренний рынок отечественному производителю. Благоприятные стартовые условия способствовали укреплению позиций отечественных предприятий, набравших инерцию развития, способность противостоять конкурентам извне.

Иными словами, даже конъюнктурные факторы оказались не столь краткосрочными по своему воздействию на отечественную промышленность, как это зачастую расценивается. Инерция экономического развития сохраняется на многих из них и после ухудшения ситуации на мировых рынках. Вновь сформировавшийся класс собственников и при иных, менее благоприятных, обстоятельствах сумеет отыскать факторы роста, так как без накопления капитала статус собственника сохранить невозможно.

В силу всех этих обстоятельств произошедшие за годы рыночных преобразований изменения в реальном секторе экономики представляются необратимыми, равно как и продолжающийся уже пятый год подряд экономический рост — отнюдь не иллюзорное

явление в стране, где за прошедшее десятилетие сотни тысяч предпринятий обрели дееспособного собственника.

Немаловажное значение имеет и фактор политической стабилизации, готовность и способность новых властных структур действовать в интересах не только крупного, но и малого и среднего бизнеса, проводить реформы, направленные на оздоровление инвестиционного климата, успешно бороться с криминалом, в том числе и в области экономической деятельности, понимать значимость и необходимость разработки долгосрочной программы, поддерживать постоянный деловой контакт с крупным капиталом, гарантировать защиту его интересов и даже успешно и последовательно проводить социальную политику по мере оздоровления государственных финансов. Все это образует необходимые предпосылки для устойчивого экономического роста. Более того, можно даже предположить, что снижение цен на энергоресурсы на мировом рынке будет способствовать переориентации отраслей ТЭК и первого передела на потребности отечественной промышленности, отечественного капитала, на развитие отечественных обрабатывающих отраслей, с увеличением доли продукции которых в структуре ВВП связывается преодоление унаследованных дисбалансов в макроструктуре народного хозяйства. В конечном счете будет преодолено и «сырьевое проклятие» страны.

3.6. Историческая миссия российского промышленного капитала

Подводя итоги, еще раз отметим, что, как это ни парадоксально на первый взгляд звучит, трансформационный спад явился исходной предпосылкой экономического роста. Будучи вызванным объективными причинами, он выполнил свою функцию. Она состояла в том, что трансформационным спадом, хотя и в разрушительной форме, а иного не дано, преодолевались противоречия предшествующей системы. Иным путем их разрешить невозможно именно потому, что эти противоречия материализованы в макроэкономической структуре. Последняя была сформирована за годы социализма таким образом, что образовался полный разрыв между внутренне связанными производством и потреблением по масштабам и

структуре каждого из них. Такой разрыв, достигнув критической точки, и привел систему к экономической катастрофе.

Экономический рост обеспечивается промышленным капиталом, выступающим в зависимости от сферы его приложения в облике малого, среднего и крупного бизнеса, основой которого являются соответствующие формы индивидуальной и ассоциированной (совместной) собственности. Историческая миссия российского промышленного капитала не менее сложна, чем осуществление индустриализации заново, как это было на этапе становления рыночной экономики в ныне развитых странах.

Масштабы проблемы, ее историческая значимость, долгосрочный характер осуществления требуют предварительной разработки отечественной экономической наукой концепции глобальной реструктуризации народного хозяйства как теоретической основы долгосрочной программы преобразований, которая могла бы послужить своеобразным компасом в инвестиционной деятельности российских предпринимателей, ориентирующим их на наиболее перспективные сферы приложения капитала с точки зрения экономических интересов как частного капитала, так и нации в целом. Потребность в такой программе столь велика, что стоило бы пожертвовать во имя нее все еще бушующими в отечественной экономической науке идеологическими распрями. Само же государство еще не набрало достаточного опыта для самостоятельного решения столь ответственной и сложной проблемы, а потому ограничивается среднесрочными программами, значимость которых не следует преуменьшать.

При таких предпосылках механизм конкурентной борьбы, регулирующий деятельность нового класса собственников, вкладывающих свой капитал в реальный сектор экономики, играет по существу решающую роль. И, как показывает опыт последних лет реформирования, успешно справляется со своей функцией: экономический рост распространяется на все более перспективные направления НТП, захватывая все большее число российских регионов.

Однако это обстоятельство не упраздняет значимости государственного механизма регулирования в становящейся рыночной российской экономике, коль скоро в индустриальной и к тому же высокомонополизированной стране в значительной мере созданы

материальные предпосылки для формирования национальной модели смешанной рыночной экономики. Но пока лишь закладываются основы разграничения функций рыночного и государственного механизмов, где рыночным механизмом решаются проблемы устойчивого экономического роста, а государственное регулирование имеет решающее значение для реструктуризации народного хозяйства, гармонизации в процессе ее осуществления интересов частного бизнеса и национальной экономики в целом. И в этом смысле постоянный контакт государственных чиновников разного уровня с частным бизнесом является необходимой предпосылкой такой гармонизации, тем более важной, что, как подчеркивал нобелевский лауреат Дж.Бьюкенен, государственные чиновники далеко не всегда руководствуются государственными интересами. Российская практика в этом отношении отнюдь не составляет исключения.

Вопросы для повторения:

1. Какие причины порождают трансформационный спад в постсоциалистических странах?
2. Почему глубина и продолжительность трансформационного спада в разных странах различны?
3. В чем общность и каковы отличия трансформационного спада от экономического кризиса?
4. Каковы особенности взаимодействия финансового и реального секторов в эпоху первоначального накопления капитала?
5. Какие факторы обеспечивают экономический рост в современной российской экономике?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Причины трансформационного спада в постсоциалистических странах.
2. Факторы, определяющие глубину и продолжительность трансформационного спада в разных странах.
3. Трансформационный спад как механизм преодоления противоречий предшествующего развития.

Литература:

1. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. — М.: Прогресс, 1983.

2. *Ослунд А.* Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма//Вопросы экономики. — 2001, №7.
3. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. — М.: Издательская фирма «Химия и бизнес», 1999.
4. Экономика. Учебник / Под ред. А.И. Архипова, А.Н. Нестеренко, А.К. Большакова. — М.: Проспект, 1998 (гл.24).
5. *Яременко Ю.В.* Экономический рост. Структурная политика// Проблемы прогнозирования. — 2001, №1.

Тема IV. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ

Самое трудное в жизни — выбор. От него зависит будущее и человека, и государства.

Дж. Бьюкенен

План:

1. Общие черты основных моделей рыночной трансформации.
2. Особенности либеральной модели.
3. Специфика градуалистской модели.

4.1. Общие черты основных моделей рыночной трансформации

Рыночные преобразования в постсоциалистических странах обусловлены кризисом социализма как экономической системы. Кризис социализма носил повсеместный характер. Однако причины его трактовались по-разному, чем и определялся разный подход к его преодолению. Так, в КНР, первой из социалистических стран вступившей на путь «преобразований, подобных революции», причина кризисных явлений усматривалась в авантюристической политике ее лидеров предшествующего периода. Тем не менее проводимая здесь с 1978 г. «революция» носит четко выраженный рыночный характер. Ее суть состоит в синтезировании лучших черт плановой и рыночной экономик в целях возведения «социалистической плановой рыночной экономики». Во всех остальных социалистических странах кризис был воспринят как кризис социализма, преодоление которого возможно не путем оздоровления социализма, но путем его полного демонтажа и возведения принципиально иной экономической системы — рыночной, капиталистической.

Китай остался социалистической страной, все остальные оказались постсоциалистическими. Заметим в этой связи, что неизбежным социализм остается в двух странах — на Кубе и в КНДР.

Таким образом, разный подход к объяснению кризиса обусловил и разные способы и методы рыночных преобразований. В постсоциалистических странах его объясняют органическими пороками социализма, а потому последний не подлежит реанимации. В КНР противоположный взгляд: социализм вполне перспективная экономическая система, требующая лишь значительных усилий для оздоровления путем преодоления искажений природы социализма в предшествующий период развития вследствие проведения ошибочной политики «больших скачков» и «культурной революции», имевшей сокрушительные последствия для национальной экономики.

Напомним, что и в СССР кризис советской экономики долгие годы не воспринимался катастрофически. В целях его преодоления в 80-е годы была предпринята попытка реализовать разработанную специально для этого советскими учеными-экономистами концепцию ускорения социально-экономического развития. Однако иллюзии развеялись очень быстро под воздействием неудач, постигших политических лидеров того периода в первые же годы ускорения. Благое начинание закончилось официальным провозглашением преобразования плановой экономики в рыночную, активно поддержанного странами ЦВЕ, которым данная система была к тому же навязана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Политическая обстановка во всех странах ЦВЕ и в еще советских республиках Прибалтики была к этому периоду крайне острой. Начался стремительный распад социализма как системы, как мировой социалистической системы.

По-иному сложилась ситуация в КНР, где «преобразования, подобные революции», были направлены на оздоровление социализма не просто путем устранения искажений его природы в предшествующий период в ходе проведения политики «большого скачка» и народных коммун, осуществления «культурной революции». Принципиальное значение имел пересмотр марксистской концепции социализма, в связи с чем фактически была отброшена его советская модель. Место последней заняла модель социализма с китайской спецификой, конкретизацией которой стало «социалистическое плановое рыночное хозяйство», на построе-

ние которого и устремлены усилия правящей партии на протяжении всех лет преобразований. Социализм с китайской спецификой был объявлен высшей стадией развития рыночной экономики, что и позволило принципиально изменить подход к товарно-денежным отношениям. Речь шла уже не о вынужденном допущении ТДО в социалистической практике, как это было в СССР. Такие отношения трактуются как имманентно присущие данной системе, а потому государство не вправе ущемлять их развитие. Такое видение социализма и предопределило весь ход реформы относительно ее содержания, основных направлений, последовательности и темпов ее весьма успешного осуществления на протяжении уже третьего десятилетия.

Существенное значение в успешном осуществлении рыночных преобразований в КНР имеет то обстоятельство, что концепция социализма с китайской спецификой не только не препятствует, но, напротив, предполагает всестороннее развитие рыночных отношений, постепенно распространяющихся и на государственный сектор. Это вполне соответствует объективным закономерностям мирового экономического процесса: под социалистическими лозунгами по существу воздвигается национальная модель рыночной экономики. Успеху китайской реформы во многом сопутствовало и ее своевременное проведение: к моменту ее начала история социализма исчислялась менее чем тридцатью годами. И хотя социализм как система успел довести страну до полного разорения, все же социалистический менталитет не сложился окончательно, не были утрачены населением навыки к самостоятельному хозяйствованию, не вытравлено трудолюбие. Все это способствует более быстрой и менее болезненной адаптации трудящихся масс к рыночным условиям. Реформа протекает в условиях социального мира, так как не изжившая себя в глазах миллионов нищих китайских трудящихся идея социализма к началу преобразований не была отброшена, напротив, провозглашалась незыблемость социализма и марксизма как элементов официальной идеологии. Рыночные преобразования последовательно и успешно осуществляются под социалистическими лозунгами, хотя по мере ослабления их привлекательности в сознании народных масс социалистическая фразеология становится все менее навязчивой.

Итак, ситуация в разных социалистических странах складывалась по-разному, но необходимость радикальных перемен назрела повсеместно. В этой связи и возникла проблема модели реформирования экономики. Разное видение причин кризиса социализма, а следовательно, и способов его разрешения породило многообразие моделей преобразований, но базовыми явились две: либеральная, или монетаристская, во всем национальном многообразии ее реализации по отдельным странам и градуалистская. Первая была заложена в основу преобразований в постсоциалистических странах, к числу которых относятся страны ЦВЕ, Балтии и СНГ, вторая — в КНР. Каждая из них имеет разное теоретическое обоснование, что и обуславливает их весьма существенные различия. Тем не менее можно выделить общие черты, порожденные идентичностью исходного и конечного пунктов движения. Назовем важнейшие из них:

- осуществление реформы по инициативе и под руководством государства в лице правящей номенклатуры;
- преобразование отношений государственной и кооперативно-колхозной форм собственности и соответствующих им институтов, чем достигается разгосударствление экономики;
- преобразование механизма хозяйствования;
- становление институтов рыночной инфраструктуры;
- коренное изменение социальной структуры общества.

В наиболее чистом виде либеральная модель была использована в бывшей ГДР, градуалистская, естественно, — в КНР. Вместе с тем элементы градуализма четко просматриваются и в постсоциалистических странах, равно как либерализация экономической деятельности осуществляется и в КНР.

Однако эти модели имеют принципиально разное происхождение. КНР, первой приступившая к реформированию своей экономики, не могла позаимствовать на Западе готовую к употреблению модель уже вследствие того, что китайские реформаторы не ставили в качестве цели задуманных ими преобразований смену экономической системы. Речь не шла об устранении социализма. Необходимы были срочные меры в целях его оздоровления путем глубоко продуманного насыщения экономических отношений социализма рыночными и возведения социализма в соответствии с китайской спецификой. Подобная модель могла быть разработана

усилиями только отечественной экономической науки, что и было сделано китайскими учеными.

В СССР, а вслед за тем и в других постсоциалистических странах социализм рухнул в одночасье. Предпринимавшиеся ранее отчаянные попытки его оздоровления не увенчались успехом. Распад социалистической системы принял необратимый характер, альтернативы рыночной экономике история не предоставила. Но и приемлемой для всех политических партий и течений модели реформирования не оказалось, а потому пришлось позаимствовать ее на Западе, что и было сделано. И хотя модель была разработана отнюдь не для социалистических стран, как показало время, она в полной мере не только соответствовала целевой установке на рыночную трансформацию, но и способствовала ее успешному и быстрому осуществлению.

При таких исходных предпосылках реформирование в постсоциалистических странах и в КНР имеет существенные различия, по крайней мере на исходных рубежах. В наиболее общем виде эти различия касаются отношения реформаторов к судьбе государственной собственности и соответствующего ей планового механизма хозяйствования, способов и темпов разгосударствления национальной экономики, методов государственного регулирования трансформационных процессов, места рыночного механизма регулирования, способов и направленности внешнеэкономической либерализации, особенностей решения социальных проблем. Каждая из этих моделей соответствовала конкретно-историческим и национальным особенностям стран, а потому они не взаимозаменяемы. Рыночная трансформация в постсоциалистических странах сопровождалась трансформационным спадом, в КНР — высоким и устойчивым экономическим ростом, но не вследствие ущербности либеральной и достоинств градуалистской модели. Иные причины объясняют эти явления. Но важно понять, что состоявшийся вариант реформирования для каждой страны — единственно возможный, порожденный всей совокупностью факторов, сложившихся к началу преобразований. Судьбу чужой страны невозможно заимствовать даже из лучших побуждений в той же мере, что и судьбу другого человека. Экономическая генетика столь же значима, как и биологическая. Потому и нет в истории сослагательного наклонения.

Рассмотрим каждую из этих моделей более подробно.

4.2. Особенности либеральной модели

Напомним, что гибель социализма явилась неожиданной даже для западных советологов, не говоря уже об отечественной экономической науке, в силу своей крайней идеологизации даже не столько не способной, сколько не могшей в условиях недопустимости инакомыслия дать адекватного отражения социалистической реальности. И уже вследствие этого к моменту летального исхода социализма готовой к использованию на практике модели рыночной трансформации не оказалось, хотя такие попытки были предприняты еще в годы перестройки. Напомним о программе «500 дней», в разработке которой приняли участие ведущие ученые страны. Однако крайне острое политическое противостояние внутри правящей партийной элиты воспрепятствовало возможности ее практического использования. А потому, когда пришла пора непосредственно браться за дело, по давней российской традиции модель была позаимствована на Западе. Пионером в области такого заимствования был Петр I, хотя Россия в тот исторический момент далеко еще не исчерпала потенциал феодального развития. Как известно, и модель социалистического переустройства российского общества была разработана отнюдь не отечественными мыслителями. Оснований для подобного заимствования на этот раз было еще меньше, во-первых, уже в силу того, что социализма как системы на практике нигде в мире не существовало, то есть заимствованию подлежала научная концепция, химера, во-вторых, сама эта концепция была разработана ее авторами применительно к реалиям развитых капиталистических стран, к числу которых Россия на тот исторический момент не относилась. Тем не менее титанической энергией русских революционеров данной концепции суждено было материализоваться. Расплатой за насилие над историей стали жизни миллионов людей. Еще более увеличился разрыв в уровне экономического развития России относительно западных стран.

Итак, позаимствованная на сей раз модель была разработана экономической элитой США и принята к практическому использованию международными финансовыми организациями. В исходном пункте она предназначалась для финансового оздоровления ряда стран Латинской Америки в целях погашения огромной

задолженности перед МВФ. И уже вследствие этого заимствование оказалось не вполне обоснованным. Как известно, в постсоциалистических странах речь шла о создании рыночной экономики заново в крайне специфических условиях, не имевших аналога в мировой истории: преобразование в рыночную экономику плановой осуществлялось впервые в мире.

И все же заимствование не только состоялось, но вполне способствовало рыночной трансформации российской экономики. Отметим лишь частности, исторический антураж, на фоне которого происходило такое заимствование. Данная модель вполне соответствовала экономическим и прочим интересам как предлагающей, так и принимающей стороны. Развитые страны Запада были крайне заинтересованы в скорейшем разрушении «империи зла», а вместе с тем, как им казалось, потенциально мощного конкурента на мировых рынках в облике советской экономики. Предварительные расчеты, проведенные в недрах МВФ, показали, что данная модель позволяла этого добиться: спад производства должен был составить не менее 25%. Действительно, предпосланный данной моделью стремительный характер преобразований явился одним из факторов трансформационного спада.

Но не менее важно и другое обстоятельство: эта же модель вполне соответствовала интересам и принимающей стороны — правящей номенклатуры, инициировавшей радикальные преобразования ради реализации собственных целей, но не имевшей, однако, в готовом виде приемлемой программы под такую инициативу. Прежде всего несомненным достоинством данной модели было то, что предусмотренная ею политика шоковой терапии позволяла за короткий период придать рыночной трансформации необратимый характер. Это имело чрезвычайно важное значение в стране, где широкие слои населения отнюдь не требовали подобного рода перемен. Отметим, однако, что угроза реставрации, успешно предотвращенная на тот момент, не изжита в полной мере и по сей день, питаемая острым неприятием выявившейся дифференциации по уровню доходов в стране недавнего социалистического равенства.

Сложившаяся за годы социализма крайняя нетерпимость к имущественному расслоению — не случайно номенклатура тщательно скрывала и весьма успешно держала в глубокой тайне данные об уровне своих доходов — уверенность в воровском происхождении

богатства, поиск причин своих бед прежде всего во внешних обстоятельствах питают — и безуспешно, а тем более активно накануне очередных выборов — подогреваемую представителями левых партий готовность определенных слоев населения к очередному революционному «черному переделу», что несет с собой угрозу реакционного отката от завоеванных с таким трудом позиций. Такая опасность поддерживается широко бытующим представлением о том, будто рыночная трансформация осуществлена исключительно в интересах узкого круга людей — правящей верхушки и «новых русских», — что совсем не так. Богатыми становятся выходцы из самых различных слоев населения, способные успешно выполнять функции собственника, а тем самым обеспечивать не только рост личного дохода, но и прогресс общества в целом. Ситуация, при которой народ выступает в качестве сособственника, а номенклатура выполняет еще и функции управленческого труда, оказалась экономически несостоятельной, что и показал опыт социалистического хозяйствования, доведшего национальную экономику до полного развала во всех странах, такой опыт накопивших.

Данной моделью предусматривалась безотлагательность коренных преобразований, столь актуальных ввиду катастрофического состояния советской экономики, равно как и экономик других социалистических стран, что наиболее наглядно проявлялось в полном развале внутреннего рынка, в буквальном опустошении магазинных полок. Вместе с тем либеральная модель прежде всего и в наибольшей мере соответствовала экономическим интересам ТЭКовской номенклатуры. Это было важным обстоятельством с той точки зрения, что именно данная прослойка номенклатуры в силу сложившихся в предшествовавший период обстоятельств к моменту преобразований сумела занять лидирующие позиции на номенклатурном Олимпе. Дорога на чрезвычайно выгодный внешний рынок для данного комплекса была проторена еще в годы социализма. Теперь же открывалась реальная возможность осуществить приватизацию объектов российского клондайка. Не случайно представитель именно этого комплекса оказался рекордсменом «долгожительста» в качестве премьер-министра в 90-е годы. И времени даром не тратил: косноязычие отнюдь не помешало ему весьма успешно заняться делом. Как известно, объекты ТЭК были приватизированы в первую очередь, начало

было положено еще на этапе спонтанной приватизации. Здесь практически не было «временщиков»: первые же «приватизаторы» оказались подлинными собственниками, состав их изменился незначительно. Именно здесь появились первые российские миллионеры и миллиардеры, и в наибольшей мере — из числа бывшей советской номенклатуры.

Итак, вынужденный характер заимствования, с одной стороны, совпадение при этом интересов предлагающей и принимающей сторон — с другой, и обусловили выбор модели реформирования российской экономики. Она же была принята и другими постсоциалистическими странами во многом по тем же причинам. И там не оказалось в готовом виде собственной модели реформирования, а либеральная модель вполне позволяла немедленно «приступить к делу», не терпящему отлагательства в условиях краха социализма. К тому же она вполне поддавалась корректировке в зависимости от национальных особенностей.

Данная модель была реализована проведением политики «шоковой терапии», что нашло отражение в осуществлении либерализации внешней и внутренней экономической деятельности, начало которой в России, например, было положено отпуском цен в январе 1992 г. В рамках данной политики все страны приступили к преобразованию социалистических форм собственности путем проведения бесплатной и денежной приватизации на основе принятого в этих целях законодательства, хотя фактически ни одна из них не избежала и спонтанной приватизации, в тех или иных масштабах осуществленной еще до официального провозглашения рыночных преобразований. Так, в России она была проведена в течение 1987–1991 гг.

Стремительная либерализация экономической деятельности, предусмотренная данной моделью, сопровождалась неоднозначными социально-экономическими явлениями. Так, отпуск цен в высокомонополизированной, хронически дефицитной экономике, характеризующейся к тому же глубокими структурными и технологическими дисбалансами, не мог не породить гиперинфляцию со всеми вытекающими из нее последствиями. Избежать ее при данной, монетаристской по своему теоретическому происхождению, модели реформирования оказалось невозможным. А иного не было дано, если исходить из реального хода истории, а не всякого рода

предположений относительно того, что было бы, если бы, например, были другие реформаторы. Ведь и политические лидеры — отнюдь не случайные фигуры. Они выносятся историей на авансцену как способные действовать адекватно сложившимся обстоятельствам. А обстоятельства были таковы, что массовой поддержки рыночным преобразованиям в стране не было вопреки катастрофическому положению советской экономики, массами не осознаваемому, и тем более не усматривалось лучшей альтернативы существующему строю. Но опасность социального взрыва назревала вследствие полного экономического застоя, из состояния которого социализм вывести так и не удалось в годы предпринятой именно в этих целях перестройки.

Важным направлением реформирования явилась либерализация внешнеэкономической деятельности. Была упразднена монополия государства на внешнюю торговлю, правом ведения внешне-торговой деятельности наделялись все хозяйствующие субъекты. Это способствовало бурному развитию торгово-посреднической деятельности, крайне прибыльной в стране хронического дефицита, равно как и формированию торгового капитала. Это было весьма существенно, так как такой капитал является историческим предшественником промышленного, он играет важную роль в накоплении денежного капитала, необходимого для участия в денежном этапе приватизации. Вместе с тем внешняя открытость пост-социалистической экономики мгновенно выявила низкую конкурентоспособность отраслей гражданского сектора ввиду его технико-технологической отсталости, что привело к массовому банкротству не только отдельных предприятий, но и целых отраслей.

Доминирующими направлениями экономической политики государства при данной модели реформирования стали денежно-кредитное и финансовое. В условиях огромного государственного долга такая политика носила преимущественно фискальный характер, что неизбежно вело к ухудшению финансового положения предприятий, истощению их инвестиционного потенциала, нарастанию кризиса неплатежей, появлению денежных суррогатов, разрастанию теневого бизнеса и пр. Но тем самым фискальная политика вынужденно ускоряла процесс демонтажа социалистической экономики. Именно это обстоятельство имело решающее значение, хотя и уровень компетенции в ее проведении был невысок, тем

более что весьма активную роль в формировании экономической политики в тот период играли западные консультанты и советники — в связи с тем, что модель была заимствована. Беда состояла в их неадекватном представлении о российской экономике, что не мешало им навязывать свои рекомендации.

Все эти обстоятельства, в свою очередь, явились причиной резкого снижения жизненного уровня основной массы населения. Реформаторов и по сей день упрекают в том, что они провели реформу за счет населения. И это действительно так, но иначе и не может быть в любую переходную эпоху, а тем более когда речь идет о переходе от социализма. Ведь в отличие от 1917 г. других собственников в стране, кроме народа, на сей раз не оказалось. Именно общественная собственность и подлежала экспроприации. Народ в целом утрачивал свой уникальный статус сособственника средств производства, а вместе с тем и экономические способы его реализации и приобретал совсем иной статус; при этом большинство — статус наемной рабочей силы. Процесс действительно чрезвычайно болезненный. И тем не менее социальная политика государства в этот период при всей ограниченности его финансовых возможностей и просчетах в ее проведении все же оказалась достаточной для избежания крайних форм социальных конфликтов. Последние были порождены главным образом несвоевременной выплатой заработной платы и социальных трансфертов.

Задним числом может быть и справедливо говорить о чрезмерной поспешности в проведении тех или иных мер, но в момент их реализации это было далеко не столь очевидно, не говоря уже о том, что альтернативы им действительно не было. Важно понять исторический процесс в его данности, а не выставлять ему оценки и уж тем более не строить несбыточные прожекты относительно прошлого. Конечно, вполне справедливо говорить о некомпетентности в проведении тех или иных реформаторских акций, но и последняя приходит лишь с опытом. К тому же подобного рода преобразований в мировой истории не было. Критический анализ реформирования совершенно необходим, так как несет в себе позитивное начало для последующего развития. Он способствует более полному учету всей совокупности факторов при выработке основных направлений дальнейших преобразований, способов и методов их осуществления.

Отметим, что в странах ЦВЕ и Балтии либерализация экономической деятельности в меньшей мере сопровождалась негативными явлениями, так как здесь сложились более благоприятные условия для ее проведения, о которых говорилось выше.

При всех издержках реформирования реализация либеральной модели рыночной трансформации тем не менее соответствовала достижению поставленной реформаторами цели: она действительно способствовала весьма быстрому разложению системы социалистических экономических отношений и становлению рыночной капиталистической экономики.

4.3. Специфика градуалистской модели

Модель реформирования экономики КНР была разработана китайскими учеными на основе обобщения мирового экономического развития стран Запада и социалистических стран. В основу был положен присущий компаративистике как науке метод сравнительного анализа противоположных экономических систем в целях заимствования наиболее эффективных форм хозяйствования, соответствующих условиям национальной экономики, позволяющих вследствие такого соответствия получать наибольший экономический и социальный эффект в своей стране в процессе преобразований. Использование данной модели позволило не только предотвратить кризисные явления в связи со сменой советской модели социализма на «социализм с китайской спецификой», трактуемый как социалистическое плановое рыночное хозяйство, но и добиться выдающихся экономических успехов и уж тем более избежать крупных социальных потрясений. Решающее значение имело, во-первых, сохранение социализма как системы отношений общенародной, то есть государственной собственности, во-вторых – смена модели социализма, снявшая препятствия для формирования отношений негосударственной, собственности во всем их многообразии. Китайскими учеными социализм трактуется как высшая стадия развития рыночной экономики. А это означает по существу полный отказ от марксистской модели социализма. Как известно, К.Маркс и Ф.Энгельс трактовали социализм как систему отношений общественной, общенародной

собственности, материальной основой становления которой признавали индустриальный этап развития производительных сил в пору его зрелости. И совершенно открытым текстом они говорили о несовместимости этих отношений с рыночными, товарно-денежными. Отказ от марксистского толкования социализма позволил китайским ученым разработать и успешно использовать наиболее бесконфликтный способ преобразования социалистической экономики в национальную разновидность по существу современной модели смешанной рыночной экономики. Таким образом, китайские реформаторы и от социализма не отказались, коль скоро социалистические идеи не были изжиты в массовом общественном сознании к началу преобразований, и вместе с тем создали благоприятные условия для стремительного становления в стране рыночных отношений, совместив тем самым несовместимое с точки зрения концепции научного социализма. Началась длительная эпоха мирного сосуществования отношений государственной и негосударственных форм собственности, в ходе которого складывается их оптимальное по критериям смешанной рыночной экономики соотношение, изменяющееся по мере внедрения достижений НТП.

Концепция преобразований была разработана на рубеже 70–80-х годов под руководством выдающегося политического деятеля и ученого Дэн Сяопина (1904–1997). В ней дано четкое обоснование содержания и последовательности этих преобразований, их институционального оформления. Было достигнуто своевременное правовое обеспечение реформы. Критерием ее успешности был провозглашен устойчивый экономический рост, направленный на повышение жизненного уровня населения. Проведение реформы сопровождалось разъяснительной работой среди широких масс населения, что позволило сформировать позитивное отношение к ней и обеспечить социальный мир на протяжении всех лет преобразований. Необходимость реформы обосновывалась тяжелым наследием предшествующего развития, принявшего наиболее уродливые формы в годы «больших скачков», народных коммун и последующей «культурной революции». В результате всех этих экспериментов экономика оказалась в катастрофическом положении. Преодолению подлежали унаследованные макроэкономическая несбалансированность, низкая эффективность социалистического

производства, острый дефицит товаров и услуг, чрезвычайно низкий жизненный уровень населения, крайняя бюрократизация административно-командного аппарата. В связи с этим и требовалось «немедленное лечение», методы которого разрабатываются китайской экономической наукой на протяжении всех лет реформы применительно к каждому данному этапу развития при целевой установке на построение социалистического планового рыночного хозяйства. Обоснование преобразований, «подобных революции», велось по целому ряду направлений. Прежде всего была разработана и реализуется на практике концепция многосистемной структуры собственности, включающей наряду с государственной и коллективной индивидуальную частную и смешанную формы, признаны достоинства акционерной собственности. Содержание государственной собственности как экономической категории конкретизировано на основе концепции четырех прав: права собственности, права владения, права распоряжения и права пользования. Таким разграничением в теории и на практике прав собственности и прав хозяйствования, то есть прав владения, прав распоряжения и прав пользования, устраняется чрезмерная централизация управления, а вместе с ней и сугубо административные методы хозяйствования, расширяется хозяйственная самостоятельность государственных предприятий, внедряются экономические методы государственного регулирования. Слабая мотивация к эффективному труду на предприятиях государственной собственности преодолевается путем внедрения новых форм хозяйствования, как то: хозяйственный подряд, аренда, кооперирование, акционирование — каждая из которых имеет множество разновидностей в зависимости от того, какие конкретно экономические проблемы решаются на том или ином этапе.

Большое внимание уделено и обоснованию перестройки системы планирования. Были разграничены понятия директивного и направляющего планирования и рыночного регулирования. Приоритет отдан направляющему планированию, суть которого состоит в использовании законов рыночной экономики (закон стоимости, закон спроса и предложения, закон конкурентной борьбы) в процессе планирования.

Обоснован тезис о социалистической экономике как социалистической товарной экономике, где социализм трактуется как выс-

ший этап развития рыночной экономики, что принципиально отличается как от концепции советских ученых об использовании ТДО при социализме, так и от югославской модели рыночного социализма. Осуществлен синтез «системы планирования китайского типа» и «социалистической товарной экономики», в рамках которого обосновано органическое сочетание плана и рынка как единого регулятора, суть которого в том, что государство регулирует рынок, а рынок ориентирует деятельность предприятия. Концепция «социалистической товарной экономики» как социализма с «китайской спецификой» в 80-е годы трансформируется в более зрелую концепцию «социалистического рыночного планового хозяйства», принятую XIV съездом КПК (1992).

В рамках данной концепции был разработан вопрос о социалистической конкуренции, исследование которого велось в следующих направлениях:

- механизм ценовой и неценовой конкурентной борьбы в «социалистическом плановом рыночном хозяйстве»;
- соотношение конкуренции и монополии;
- взаимосвязь конкуренции и монополии.

На основе решения этих вопросов был принят «Закон о банкротстве» (1986) как гарант конкурентной борьбы, направленной против бесхозяйственности и нерадивости. На рубеже 80–90-х годов реформа была приостановлена вследствие перегрева экономики и последовавшей инфляции, успешно преодоленной в течение трех лет. С возобновлением преобразований этот закон получил широкое практическое использование начиная с 1994 г.

Обоснован тезис о внешней открытости китайской экономики, что явилось теоретической базой политики экономического зонирования. Ее проведением решалась проблема либерализации внешнеэкономической деятельности, в КНР направленной на широкое привлечение прямых иностранных инвестиций путем формирования следующих моделей зон территориальной открытости:

- специальные экономические зоны (СЭЗ);
- открытые города и территории;
- зоны экономического и технологического развития;
- зоны экономического развития;
- зоны пограничного экономического сотрудничества;
- зоны свободной торговли.

Наиболее открытый режим установлен в СЭЗ и зонах свободной торговли. Наряду с зонами создаются открытые территории и города, широкое развитие получила практика создания смешанных предприятий с участием иностранного капитала не менее 25%.

На протяжении всех лет преобразований научные исследования в области экономики носили сугубо прикладной характер и были подчинены достижению следующих результатов:

- комплексной сбалансированности национальной экономики;
- оптимальному соотношению темпов экономического роста и пропорциональности развития;
- наилучшему сочетанию методов макрорегулирования и макроконтроля;
- наиболее эффективному взаимодействию старых и новых экономических отношений и соответствующих им институтов.

В рамках выработанной стратегии экономического развития вопрос о соотношении реформы, развития и роста благосостояния весьма успешно решался в пользу их синхронизации. Признано было недопустимым ускорение реформы за счет снижения жизненного уровня населения. Так, обострение социально-экономической ситуации в стране в конце 80-х годов, обусловленное перегревом экономики в связи с чрезмерным ростом промышленного производства, вследствие чего инфляция за 1989 г. составила 19%, привело к приостановке реформы. Последовала трехлетняя пауза, в течение которой акцент был поставлен на антиинфляционную политику, весьма успешно проведенную, что и было отмечено специальным призом МВФ.

Реформа в КНР началась в конце 1978 г., когда ЦК КПК было принято решение о проведении преобразований экономического и политического характера, «подобных революции». Она в исходном пункте была направлена на преобразование всех сторон жизнедеятельности китайского общества, последовательно осуществляемое на протяжении всех лет путем перехода:

- от натурального и полунатурального хозяйства к товарному плануовому;
- от аграрного общества к индустриальному;
- от деревенского к поселково-городскому типу проживания;
- от закрытого к открытому обществу;

- от однообразия к многообразию форм хозяйствования;
- от экстенсивного экономического развития к интенсивному;
- от общества моральных принципов к правовому.

В соответствии с данными целевыми установками основные направления китайской реформы следующие:

- коренное преобразование аграрных отношений;
- реализация программы специального экономического зонирования;
- преобразования в государственном секторе в целях коммерциализации деятельности государственных предприятий на основе внедрения новых форм хозяйствования;
- реструктуризация народного хозяйства в целях переориентации на производство потребительских товаров и услуг;
- создание частного сектора путем законодательного допущения частнопредпринимательской деятельности в городе и деревне;
- проведение политики макрорегулирования и макроконтроля.

Как уже отмечалось, реформирование все эти годы проводилось под социалистическими лозунгами, имея в виду, однако, модель социализма с «китайской спецификой», весьма существенно отличающуюся от советской.

Преобразование аграрных отношений осуществлялось путем роспуска народных коммун и превращения крестьянской семьи в первичную производственную ячейку, действующую на принципах подворного семейного подряда. Земля, оставаясь в государственной собственности, предоставляется в аренду, срок которой непрерывно увеличивался, вплоть до пожизненной аренды. В первые же годы были существенно повышены государственные закупочные цены, ныне они устойчивы, но крестьяне получили свободу выбора рынка сбыта своей продукции. Деколлективизация сельского хозяйства создала предпосылки для формирования рыночных отношений в данной отрасли хозяйства, где занято около 70% населения. Экономический эффект аграрных преобразований был огромным: мотивация к труду возросла настолько, что даже при сохранении прежней технико-технологической оснащенности китайские крестьяне оказались мировыми лидерами по темпам роста производительности труда. Как оказалось, навыки к самостоятельному хозяйствованию за 30 лет не были утрачены, сохранились традиции крестьянского труда. В результате уже к середине

80-х годов сельскохозяйственное производство удвоилось, а к настоящему времени увеличилось в 4 раза. Потребности в продукции сельского хозяйства удовлетворяются полностью за счет собственного производства.

Специфика политики внешней открытости состояла в том, что она с самого начала была направлена на привлечение прямых иностранных инвестиций. Ее последовательное и глубоко продуманное проведение позволило успешно решить проблему дефицита инвестиционных средств путем привлечения в огромных масштабах иностранного капитала, за счет которого создавалось высокотехнологичное наукоемкое современное производство в таких ведущих отраслях народного хозяйства, как энергетика, машиностроение, приборостроение, производство ЭВМ, средств связи, оборудования для нефтедобычи, медицинского оборудования, оборудования для развития легкой, пищевой и фармацевтической промышленности. Создание всякого рода экономических зон способствовало быстрому развитию рыночных отношений, которые в первую очередь и обеспечивали высокие темпы экономического роста. Немаловажное значение имеет и их чрезвычайно высокий демонстрационный эффект. К тому же после воссоединения с Гонконгом более половины прямых иностранных инвестиций оказались внутренними. Оздоровление инвестиционного климата — в значительной мере благодаря экономическому зонированию — способствовало признанию КНР «территорией, благоприятной для международного инвестирования». На долю КНР приходится ныне более 20% инвестиций в развивающиеся страны, каковым статусом она обладает.

Одновременно с аграрной реформой началась реформа государственного сектора, но протекает она более медленно и с меньшим эффектом. Здесь широко апробируются многообразные формы хозяйствования. Цель их внедрения — преодоление жесткого централизованного государственного регулирования производства, снабжения и сбыта готовой продукции. Ныне практикуется создание двух видов компаний на базе государственных предприятий в целях создания конкурентоспособных на мировых рынках конгломератов. За государством остаются такие функции, как назначение руководства, поглощение слабых предприятий сильными, формирование направлений НИОКР, предоставление всякого рода эконо-

мических преференций. Государство, оставаясь собственником имущества предприятия, созданного за счет бюджетных инвестиций, освобождается от материальной ответственности за деятельность предприятия. Активизируется кредитная политика государства, направленная на замену безвозвратного бюджетного финансирования кредитами.

Вместе с тем переход на корпоративную форму означает освобождение корпорации от вмешательства административных органов в текущую деятельность государственных предприятий, обладающих статусом юридического лица, в качестве такового осуществляющего покрытие убытков за счет займов под залог имущества, продажу части акций для покрытия убытков, объявление банкротства; предприятие несет ответственность перед государством-собственником за своевременную уплату налогов и выплату дивидендов по акциям. Государственный пай при этом может быть разным в зависимости от размера имущества, сформированного за счет государственных инвестиций.

К настоящему времени разработана программа реформы государственного сектора на период до 2010 г., направленная на повышение деятельности государственных предприятий, едва ли не половина из которых остаются убыточными. Это было признано национальным бедствием, а потому и реформирование государственного сектора рассматривается как «штурм хорошо вооруженной крепости», по выражению Чжу Жунцзи — одного из последних премьер-министров КНР, а ныне члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Государственные предприятия мыслится оставить лишь в ключевых отраслях, что вполне соответствует природе современной рыночной экономики.

В ходе осуществления реформы КНР достигла выдающихся успехов. Так, соотношение форм собственности изменилось в пользу негосударственных форм; преобразована планово-распределительная система; прямое административно-командное регулирование уступило место косвенному с преобладанием экономических методов воздействия; с 1994 г. введена конвертируемость национальной валюты; заложен механизм устойчивого экономического роста; среднегодовой прирост доходов городского населения составил 6,5%, сельского — 8,2%, сбережения населения выросли в 106 раз при среднегодовом росте заработной

платы в 33,5%; с 1.05. 1995 г. введена 40-часовая рабочая неделя. Ныне КНР наряду с дешевыми товарами широкого потребления в нарастающих масштабах экспортирует высокотехнологичную продукцию.

Примечательно, что Китаю на протяжении всех лет реформирования удастся успешно выполнять трехэтапный план социально-экономического развития, рассчитанный до середины XXI века, в соответствии с которым на первом этапе, то есть до середины 90-х годов, достигнуто удвоение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства и обеспечение населения страны продовольствием и одеждой, на втором, а это к 2000 году, — утроение ВВП и становление общества «среднего достатка», к середине века мыслится достигнуть уровня среднеразвитых стран по душевому ВВП и завершить в основном модернизацию народного хозяйства.

Новая страница в реформировании китайской экономики была открыта последним, XVI съездом КПК, состоявшимся 8—14 ноября 2002 г. Особую актуальность приобрела концепция «сяокан», в порядке ускоренной реализации которой конкретизируется задача построения к 2020 г. общества «среднего достатка». Такой формулировкой в какой-то мере затушевывается идеологическая нагрузка на процесс реформирования, что соответствует снижению популярности социалистических и коммунистических лозунгов в массовом общественном сознании. Достижение поставленной цели предполагает увеличение к 2020 г. ВВП КНР в 4 раза и на этой основе доведение его душевого уровня до 3000—3500 долл. Факторы такого экономического роста усматриваются лидерами КПК в интенсификации производства на основе использования современной технологии, в урбанизации аграрной экономики, в государственном стимулировании развития отсталых западных районов, в дальнейшем реформировании государственных предприятий и развитии частного предпринимательства, в повышении эффективности макроэкономического регулирования на основе признания ведущей роли рынка, в проведении рыночной реформы социальной сферы, в дальнейшей интеграции китайской экономики в мировую, используя открывшиеся возможности в связи с вступлением в ВТО, в обеспечении максимально возможной занятости. Партийным съездом предусмотрено ускорение процесса

разгосударствления экономики, в связи с чем КНР приступает к размещению акций своих предприятий на мировых фондовых рынках. Их общий объем продаж к концу года составит 15 млрд. долл. («Известия», 22 января 2004). В собственности государства предполагается оставить «очень немногие объекты», то есть только стратегически важные. По существу, речь идет о приватизации «по-китайски», фактически начавшейся с 1992 г. при ее официальном неприятии. За прошедшие годы общая стоимость проданных государственных активов составила 63 млрд долл. (там же). Новый этап приватизации обеспечивает вращение китайской экономики в цивилизованный финансовый рынок. Тем самым делается еще один крупный шаг на пути превращения китайской экономики в рыночную.

Высокими остаются среднегодовые темпы роста ВВП. Они планируются на уровне не менее 7%, то есть очень высокие для страны с годовым ВВП более 1 трлн. долл., хотя это и ниже, чем 9,4% его среднегодового прироста за период с 1979 по 2001 гг. и 9,1% — за 2003 г. Экономический рост обеспечивается прежде всего огромным притоком в страну прямых иностранных инвестиций, общий объем которых за 1979–2001 гг. составил 400 млрд. долл., в том числе 47 млрд. — за 2001 год, более 52 — за 2002.

Таким образом китайские реформаторы не только не допустили спада в экономике, но и обеспечили непрерывный экономический рост четко выраженной социальной направленности. Опыт этот уникален и не подлежит тиражированию даже в постсоциалистических странах, так как порожден сугубо национальными обстоятельствами. Среди них такие, как особенности предшествовавшего социалистического развития, порожденные авантюристической политикой «больших скачков» и народных коммун. Ее проведением, а не природой социализма как такового и объяснялось происхождение постигших страну неудач. Поэтому не было оснований для отказа от социализма, тем более в стране массовой нищеты, а следовательно, и от социалистической идеологии и лозунгов. Тем самым гарантировалась социальная и политическая стабильность, чем и обеспечивалась привлекательность китайской экономики в глазах внешних инвесторов. Вместе с тем была коренным образом пересмотрена концепция научного социализма и сформирована, по существу, новая, не только позволявшая,

но предполагавшая широкое развитие рыночных отношений наряду с сохранением государственной собственности. Глубокому реформированию подверглась и государственная собственность в целях коммерциализации деятельности государственных предприятий, хотя именно в этой области успехи оказались наименьшими. Преобразованию прежде всего подверглись аграрные отношения, что весьма логично. Как известно, именно сельское хозяйство является исторически и логически исходной сферой экономической деятельности, именно им обеспечивается национальная продовольственная безопасность страны, оно играет огромную роль в достижении цели всякой экономической деятельности. Не менее важно и то, что аграрные преобразования открыли двери для вхождения в рынок 70% китайского населения. Примечательно, что по мере все более полного насыщения первичных потребностей, повышения уровня реальных доходов постепенно утрачивается привлекательность социалистических и коммунистических лозунгов. Это и позволило последнему партийному съезду уйти от чрезмерной идеологизации в формулировке цели, состоящей, как уже отмечалось, в построении к 2020 г. общества «среднего достатка» и даже, страшно сказать, в разрешении вступать в КПК «передовым элементам из других слоев населения», то есть не только рабочим, крестьянам, военнослужащим, интеллигентам, как это было до XIV съезда.

Подводя итоги, можно отметить следующие особенности китайской реформы:

- она осуществляется на основе концепции социалистического планового рыночного хозяйства, позволяющей использовать в меру экономической целесообразности преимущества планового механизма хозяйствования, ориентированного на использование законов рыночной экономики, не прибегая при этом к копированию чужого опыта;

- высокие темпы экономического роста успешно сочетаются со стабильностью;

- успешно реализуется формула: развитие — цель, стабильность — предпосылка, реформа — движущая сила;

- методы государственного регулирования обеспечивают экономический рост на самых ответственных направлениях: сельское хозяйство, потребительский сектор, приток иностранного капитала,

ориентированного на высокотехнологичное наукоемкое производство;

- успешное разграничение и сочетание методов и способов макрорегулирования и макроконтроля;

- достигнута оптимальная хронологическая последовательность реформы: каждый последующий шаг обоснован предыдущим;

- реформа оказалась самодостаточной, так как соответствует интересам всех слоев населения: правящая номенклатура, инициировав и возглавив реформу, сохранила политическую власть в своих руках; реформа поддержана и снизу, так как сопровождается непрерывным ростом жизненного уровня трудящихся масс на протяжении всех лет.

Итак, базовые модели реформирования имеют существенные различия с точки зрения способов, методов, последовательности и темпов осуществления рыночных преобразований, что обусловлено различием теоретического подхода к их обоснованию. В свою очередь, это объясняется тем, что в КНР причина негативных последствий социалистического развития связывалась с неоправданным экспериментированием в годы правления Мао Цзедунa. Принципиально иная ситуация сложилась в СССР. Разрушительные последствия 75 лет социалистического развития — и при этом без существенных отступлений от теоретических постулатов концепции научного социализма — были таковы, что никаких иллюзий относительно социализма практически уже никто не питал. Отчаянная попытка его «очеловечивания», предпринятая в годы перестройки, не удалась.

Однако парадокс реформирования и в постсоциалистических странах, и в КНР состоит в том, что не только исходный пункт движения, но и итог преобразований оказывается тождественным: во всех этих странах формируется современная модель рыночной экономики способами и методами, адекватными национальным особенностям каждой из этих стран. Таким образом при всем различии базовых моделей их объединяет то обстоятельство, что единым оказывается не только исходный пункт преобразований, но, по существу, и конечный. Но в силу объективных обстоятельств, как они сложились к началу преобразований в постсоциалистических странах и КНР, достигается это различным путем. И в этом смысле модели не взаимозаменяемы.

Вопросы для повторения:

1. Чем обусловлена необходимость радикальных преобразований во всех постсоциалистических странах и в КНР?
2. Чем порождена общность основных черт преобразований в различных странах?
3. Каковы факторы выбора той или иной модели рыночных преобразований?
4. Каковы основные направления преобразований при либеральной модели?
5. По каким вопросам шло теоретическое обоснование модели реформирования китайской экономики?
6. Каковы основные направления китайской реформы?
7. Каковы итоги рыночных преобразований в постсоциалистических странах и в КНР?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Основные модели рыночной трансформации: общие черты и различия.
2. Факторы выбора модели рыночной трансформации.
3. Особенности рыночной трансформации при либеральной модели реформирования.
4. Основные направления преобразований при градуалистской модели (на примере КНР).

Литература:

1. Колодко Г. Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации//Вопросы экономики. — 1999, №9.
2. Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. — М.: Экономика, 2000, (гл. 3—5).
3. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы?//Вопросы экономики. — 1999, №7.
4. Пивоварова Э. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. — М.: Издательская фирма «Химия и бизнес», 1999.

Тема V. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ: РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ И ПРИВАТИЗАЦИЯ

Личность — ее жизнь и здоровье — становится объектом атаки постольку, поскольку она препятствует приобретению собственности.

Людвиг фон Мизес

Удел сильного — воля и процветание, удел слабого — зависть и прозябание.

Л. Толстой

План:

1. Собственность как экономическая категория. Собственность и право.
2. Формы собственности и их эволюция.
3. Разгосударствление экономики при различных моделях реформирования. Приватизация государственной собственности, ее основные этапы и соответствующие им способы.
4. Постприватизационный передел собственности и становление корпоративного управления.
5. Особенности формирования предпринимательского слоя в России.

5.1. Собственность как экономическая категория.

Собственность и право

Собственность предстает одной из наиболее сложных экономических категорий. Ее анализ включает целый круг вопросов, среди которых следующие: содержание собственности, экономический механизм ее реализации, формы собственности в пространственно-временном или историческом и логическом аспектах, правовое оформление отношений собственности, спецификация прав собственности.

Отношения собственности являются исторически преходящими. Они находятся в постоянном развитии, основой которого выступает прогресс в области производительных сил, адекватной социально-экономической реализацией которого они становятся. Смена отношений собственности происходит в переходный период, когда общество оказывается перед необходимостью осуществления качественно нового этапа в развитии производительных сил, невозможного в условиях сохранения прежних. Прежде всего объектом присвоения становятся средства производства, созданные в предшествующий период. Такое присвоение осуществляется путем раздела и передела ранее созданных объектов. По мере завершения этого процесса начинается возрождение реального сектора экономики, что и становится основой расширенного воспроизводства вновь сформированной системы экономических отношений как отношений собственности.

Смена отношений собственности и составляет основное содержание любой переходной эпохи. Ею предопределяется вся совокупность институциональных преобразований, равно как и механизма хозяйствования. Преобразованию подлежит и социальная структура общества, сопровождающаяся изменением социального статуса всех членов общества. Этот процесс является крайне болезненным, а потому, как правило, сопровождается острыми социальными конфликтами, нередко принимающими крайнюю форму гражданской войны.

Для России теоретическая разработка данной проблемы имеет особо важное значение уже в силу того, что в ее истории в течение одного только XX в. отношения собственности дважды подвергались коренному преобразованию: в начале века все формы частной собственности были насильственно преобразованы в формы социалистической собственности — общенародной и кооперативно-колхозной, в конце века преобразованию подлежала уже социалистическая собственность. Актуальна эта проблема и для ныне развитых стран в связи с эволюцией индивидуальной частной собственности, доминировавшей в эпоху индустриального развития, в многообразии форм собственности, порожденное постиндустриальным этапом, а следовательно, и проблемой оптимального соотношения этих форм в рамках каждого промышленного цикла, коль скоро в основе перехода от одного цикла к другому лежит технико-технологическое обновление научно-производственного потенциала.

В содержательном плане собственность есть система экономических отношений, складывающихся по поводу присвоения средств производства, которым предопределяется присвоение потребительских благ и услуг. Присвоение средств производства осуществляется в исторически меняющихся формах. Материальной основой такого изменения является прогресс в области развития производительных сил, обеспечиваемый непрерывно углубляющимся познанием законов природы естественными науками. Результатом этих знаний становится все более усложняющаяся техника и технология. Истории известны два основных способа такого присвоения: индивидуальное и совместное. Широкое распространение форм совместной собственности порождено концентрацией, централизацией производства и укрупнением масштабов последнего в эпоху индустриального и постиндустриального развития.

Индивидуальное присвоение имеет две разновидности: основной присвоения выступает либо собственный труд, либо чужой, находящийся в различных формах личной (полной или неполной) или экономической зависимости. Особой разновидностью индивидуальной собственности, основанной на собственном труде, получившей широкое распространение в современную эпоху как эпоху интеллектуализации труда, является собственность интеллектуальная, «бестелесная», по выражению Ф.-А. Хайека.

Многообразие форм совместного присвоения определяется масштабами этой «совместности», ассоциации. В качестве таковой можно назвать групповую, коллективную, кооперативную, акционерную, общенародную. Последняя принимает юридический статус государственной. Специфической особенностью совместной, то есть ассоциированной, собственности является ее все более четкое обособление от управления как следствие укрупнения производственных объектов и соответственно усложнения управленческого труда. Такое обособление порождает особый социальный слой — менеджеров, на профессиональном уровне выполняющих функции управления, хотя стратегию развития, как правило, определяет собственник.

Итак, субъектом присвоения выступает либо отдельное лицо, либо разного масштаба ассоциация собственников, соответственно — физическое или юридическое лицо. Присвоению противостоит отчуждение. При отчуждении работника от средств производства складываются отношения экономической власти на сторо-

не собственника и экономической зависимости — на стороне работника, по мере превращения рабочей силы из товара в человеческий капитал эволюционирующие в партнерские отношения или отношения социального партнерства.

В наиболее общей форме отношения собственности экономически реализуются присвоением прибавочного продукта в исторически меняющихся формах (земельная рента, прибыль, дивиденд, процент и пр.). Таким присвоением обеспечивается не только воспроизводство субъекта присвоения, но и воспроизводство данной системы экономических отношений на расширенной основе, коль скоро именно расширенное воспроизводство является закономерностью экономического развития на протяжении всей истории человечества. В ходе такого воспроизводства реализуются достижения в области НТП, что является фактором развития отношений собственности, а вместе с тем постепенно создаются материальные предпосылки их последующей смены при переходе к качественно иному этапу в развитии производительных сил.

Существует чрезвычайно важный в жизни всякого общества правовой аспект отношений собственности, которым нередко даже в науке подменяется экономическое содержание данной категории. Основой такой подмены является то обстоятельство, что экономические отношения как отношения собственности получают нормативно-правовое оформление тем более полное и совершенное, чем более развита экономическая система, в данном случае — рыночная экономика. Законодательными актами регулируются отношения собственности как отношения между различными субъектами собственности, между собственниками и несобственниками. С точки зрения права отношения собственности трактуются как имущественные.

Значимость правового оформления отношений собственности, надежной защиты прав собственности законом в полной мере осознается в переходной экономике, по определению характеризующейся «правовым вакуумом» (Л. фон Мизес). Такой вакуум образуется вследствие того, что вместе с упразднением прежней системы отношений собственности упраздняется и право, регулировавшее эту систему. Новое право возникает по мере становления новой системы экономических отношений, в полной мере отражая степень зрелости последних. Но там, где не действует закон, в свои права

вступает насилие: «Насилие и закон, война и мир есть два полюса общественной жизни. Но содержанием этой жизни является экономическая деятельность. Все насилие направлено на собственность других» (Л. фон Мизес. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: 1991, с. 34). В полной мере развернувшийся в переходной экономике России криминальный беспредел может служить подтверждением достоверности данного обобщения. Сам этот беспредел становится способом формирования новой системы отношений собственности. Становление последних порождает необходимость их защиты от агрессивных посягательств силой закона. Медленно и постепенно последний вытесняет насилие, придает цивилизованные формы борьбе за раздел и передел объектов собственности.

К настоящему времени в правовой науке сложились две основные концепции: континентальная и англосаксонская. Классическим воплощением первой является действующий и поныне во Франции Гражданский кодекс Наполеона, провозгласивший частную собственность «священной и неприкосновенной», «единой и неделимой». Концентрация прав собственности в полной мере соответствовала периоду становления и последующего безраздельного господства отношений индивидуальной капиталистической частной собственности, основанной на наемном труде.

С появлением и все более широким распространением форм ассоциированной собственности в эпоху зрелости буржуазного общества происходит рассредоточение прав собственности, что и породило англосаксонскую концепцию, в основе которой лежит теория прав собственности, предусматривающая расщепление собственности на правомочия, наделение которыми того или иного лица является правовой основой принятия им экономического решения в пределах этих правомочий. Классификация прав собственности весьма многообразна. Она включает, например, права владения, пользования, управления, право на доход, на безопасность, на завещание и наследование, на запрещение вредного использования и т.д. В рамках данной концепции по существу исключается абсолютизация прав собственности, она заменяется их комбинацией, что вполне соответствует современной модели рыночной экономики со сложной структурой форм собственности и взаимодействия экономических агентов, ее представляющих. Та или

иная концентрация прав собственности дает их носителю экономическую власть над процессом производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Источником экономической власти является власть денег как исходной и всеобщей денежной формы капитала, позволяющего приобретать тот или иной пучок правомочий.

В постсоциалистических странах, как и в любой переходной экономике, правовое оформление отношений собственности крайне несовершенно и неустойчиво. Тем более беспомощен и бездействен институт исполнения судебных решений, столь необходимый в условиях, когда не сложилась еще традиция соблюдения прав собственности и контрактных обязательств. Такая ситуация неизбежна в этот период уже вследствие того, что экономические отношения первичны относительно правовых. Разрушение прежних экономических отношений означает упразднение старого права, а новое и соответствующие ему институты появляются по мере становления новых экономических отношений. В результате образуется так называемый правовой вакуум, создающий предпосылки для широкого использования насильственных методов изъятия объектов собственности у прежних субъектов, равно как и у конкурентов.

Вместе с тем именно законодательными актами формируются юридические предпосылки для начала радикальных преобразований отношений собственности, создающие для этого правовое поле. Таковым было, например, законодательство, принятое в СССР на исходе 80-х годов, на основе которого и началось по существу преобразование социалистических форм собственности еще в дореформенный период, главным образом путем расхищения ее объектов. В первую очередь такой возможностью воспользовалась правящая номенклатура, а также вышедшие из подполья «теневики» и не утратившие за годы социализма предпринимательского духа представители различных слоев населения. По мере формирования из числа конкурентов подлинных собственников ранее созданных объектов присвоения появляется право, призванное придать юридическую силу вновь складывающимся отношениям собственности, регулирующим взаимоотношения между ее субъектами, создать правовое поле для деятельности хозяйствующих агентов, выступающих в качестве физических и

юридических лиц. Надежная защита прав собственности придает устойчивость экономическим отношениям, что становится фактором их развития.

5.2. Формы собственности и их эволюция

Всякое содержание имеет соответствующую ему форму проявления. Не составляет исключения и собственность как экономическая категория. При едином содержании формы ее проявления различны в зависимости от изменяющихся во времени объектов и способов их присвоения, характера соединения факторов производства. Меняются и экономические маски, в которых выступают хозяйствующие субъекты (феодал, ремесленник, капиталист, акционер, фермер и пр.). Материальной основой смены форм собственности становится развитие производительных сил, качественные изменения которых и вызывают к жизни новые формы собственности, адекватные новому состоянию производительных сил, в качестве таковых способствующие новому качеству реализоваться в полной мере.

Историей выявлено три качественно различных этапа в развитии производительных сил: домашинный, индустриальный и постиндустриальный. В интерпретации К.Маркса это естественные, общественные и всеобщие производительные силы. Соответственно выделяются три экономические системы: традиционное патриархальное хозяйство, основанное на ручном труде и примитивной технике, где исторически и логически исходной была общая собственность первобытного племени, общины, вслед за которой сформировалась индивидуальная частная собственность, основанная на использовании чужого труда, находившегося в полной (труд раба) или неполной (крепостной) личной зависимости от собственника, индустриальное капиталистическое общество, где доминировали индивидуальная собственность, основанная на наемном труде, наконец, постиндустриальное общество, характеризующееся многообразием форм собственности как органической целостностью, порожденной многообразием сфер приложения капитала, требующих различной его концентрации. Особое место занимает социалистическое плановое хозяйство,

выпадающее из общего хода экономического развития, где была апробирована общенародная форма собственности. В качестве господствующей, доминирующей она выявила повсеместно, то есть во всех социалистических странах, включая КНР, свою полную экономическую несостоятельность обеспечивать рост эффективности производства вследствие присущей ей несовместимости с НТП. Это нашло выражение в технико-технологической отсталости стран мировой социалистической системы относительно развитых стран.

Как отмечалось, формы собственности можно рассматривать с точки зрения исторической, временной, то есть в соответствии с их сменяемостью по мере качественных изменений в развитии производительных сил. Но возможен и другой подход — логический, пространственный, когда акцент ставится на выявлении особенностей исторически определенной формы собственности в процессе ее эволюции от зарождения до гибели. Полнота анализа достигается сочетанием того и другого аспектов, то есть и в рамках одной системы, и в экономической истории в целом.

5.3. Разгосударствление экономики при различных моделях реформирования. Приватизация государственной собственности, ее основные этапы и соответствующие им способы

Как известно, социалистическая экономика выступает как тотально огосударствленная. Как таковая она и подлежит разгосударствлению теми или иными способами. Государственная собственность в становящейся системе сохраняется в пределах экономической целесообразности, но при этом деятельность государственных предприятий подлежит коммерциализации в связи с их превращением в товаропроизводителей.

Становление новой системы экономических отношений осуществляется в процессе разгосударствления национальной экономики. Такое разгосударствление может быть осуществлено и при сохранении незыблемой государственной собственности. Но при этом официальным снятием запрета на частнопредприниматель-

скую деятельность создаются юридические предпосылки для становления негосударственных форм собственности, обладающих большим динамизмом развития. В конечном счете это ведет к изменению соотношения форм собственности не в пользу государственной. Более радикальным способом разгосударствления экономики является приватизация государственной собственности, в ходе которой осуществляется раздел ранее созданных объектов присвоения, сопровождающийся, как правило, последующим их постприватизационным переделом.

По мере утверждения новых форм собственности вступают в силу экономические законы, регулирующие развитие и функционирование новой системы экономических отношений, создается соответствующая им институциональная база, формируется новый механизм хозяйствования, происходит спецификация прав собственности. Все эти институциональные преобразования, будучи чрезвычайно сложными и многогранными, имеют свои особенности в каждой стране в отдельности.

При градуалистской модели разгосударствление экономики достигается весьма продуманными, многообразными и последовательно реализуемыми способами, среди которых наиболее значимы следующие:

- деколлективизация аграрного сектора путем роспуска народных коммун и превращения крестьянского двора в первичную производственную ячейку;

- привлечение прямых иностранных инвестиций в процессе проведения политики экономического зонирования, что, по существу, тождественно импорту рыночных отношений в страну, и при этом в самом развитом их виде, обладающих огромным демонстрационным эффектом, убеждающим лучше всяких слов в их мощном экономическом потенциале;

- коммерциализация деятельности самих государственных предприятий на основе разграничения права собственности, которое остается за государством, и прав хозяйствования (пользование, владение, распоряжение), которыми наделяются государственные предприятия, постепенно превращающиеся в подлинных товаропроизводителей. Исключена была лишь приватизация государственной собственности, неприемлемая как «мера буржуазной либерализации», что, однако, не воспрепятствовало разрушению монопольного положения государственной собственности, положи-

тельному по своему экономическому эффекту уже в силу того, что подорвана монополия;

- с первых лет реформирования снят запрет с частнопредпринимательской деятельности, что способствовало ее бурному развитию.

По-иному решается эта проблема при либеральной модели. Во всех постсоциалистических странах была осуществлена приватизация, начавшаяся в первые же годы, не завершенная и поныне. Исходной явилась спонтанная приватизация, проведенная практически во всех постсоциалистических странах еще в предреформенный период, правовой основой которой в России, например, явилось законодательство конца 80-х годов, когда был снят запрет с индивидуальной частнопредпринимательской деятельности, разрешено создание подлинных кооперативов, допускалась аренда государственного имущества. После официального провозглашения рыночных преобразований либерализация экономических отношений осуществлялась путем проведения бесплатной (ваучерной) и денежной приватизации. В странах ЦВЕ и Балтии была узаконена и реституция: бывшим собственникам были возвращены принадлежавшие им объекты собственности, незаконно конфискованные в ходе социалистических преобразований. Совершенно особое место в реформировании отношений собственности занимала ГДР. Воссоединение германских государств позволило осуществить в ней исключительно денежную приватизацию, так как не было проблемы с денежным капиталом.

Бесплатная приватизация была порождена двумя основными обстоятельствами. Во-первых, сугубо идеологическими соображениями. Таким образом была отдана дань социалистическому менталитету — созданы равные для всех членов общества стартовые условия для вхождения в рыночную экономику, коль скоро национальное богатство было создано совместным трудом нескольких поколений советских людей. Вместе с тем ей не было альтернативы и с точки зрения экономической: бесплатная приватизация носила вынужденный характер вследствие того, что денежный капитал, необходимый для участия в денежной приватизации, по определению не мог быть накоплен в социалистическом обществе. Таковым не обладала даже номенклатура. К тому же ваучерная приватизация открывала прежде всего ей (вкупе

с трудовым коллективом) наиболее перспективный доступ к присвоению управляемых ею объектов. Инсайдерская модель акционирования как способа приватизации наиболее крупных объектов позволяла им сформировать контрольный пакет акций и без денежного капитала.

И все же вслед за ваучерной приватизацией предстояла денежная. В ряде стран проблема денежного капитала решалась широким допуском к участию в приватизации иностранного капитала, как, например, в Венгрии. В России этого не случилось. Денежный капитал был накоплен отечественными предпринимателями собственными усилиями и в кратчайшие сроки путем развертывания бурной торгово-посреднической и финансово-спекулятивной деятельности, в обоих случаях приносившей огромные доходы. Уже в середине 90-х годов участники денежной приватизации вкладывали сотни миллионов долларов, а в начале века — уже миллиарды.

Так случилось, что почти в эти же годы приватизация, естественно, исключительно денежная, была проведена едва ли не во всех развитых странах, начиная с Англии. Однако причина здесь была принципиально иной. Речь шла об оптимизации соотношения форм собственности для повышения эффективности функционирования национальной экономики в целом, что достигалось путем сокращения непомерно разросшегося государственного сектора. И цель была достигнута. О масштабах приватизации можно судить по следующим данным: в Англии за 13 лет было продано две трети государственных предприятий, совокупный доход от продажи составил 33 млрд фунтов стерлингов, число занятых на государственных предприятиях сократилось вдвое; во Франции за пять лет было приватизировано 15 крупных компаний, контролировавших более 1000 предприятий, выручка составила 125 млрд. франков.

Как уже говорилось, в постсоциалистических странах приватизация вполне успешно решала принципиально иную социально-экономическую проблему. Имеются существенные различия в этих странах по соотношению ваучерной и денежной приватизации, масштабов той и другой, способов и сроков их проведения. Остановимся более подробно на российском опыте. На основе соответствующих законодательных актов ваучерная приватизация началась в середине

1992 г. и завершилась к июлю 1994 г. Было выпущено и роздано населению 146 млн. безымянных ваучеров, каждый номиналом в 10000 рублей. Приватизация проводилась следующим образом:

- продажа акций АООТ,
- продажа предприятий на аукционах,
- продажа предприятий по коммерческому конкурсу,
- продажа предприятий по некоммерческому конкурсу,
- продажа имущества (активов) ликвидируемых и ликвидированных предприятий,
- выкуп арендованного имущества.

По способу приватизации предприятия были разбиты на три группы:

- предприятия со среднегодовой численностью занятых до 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов на 1.1.1992 г. не более 1 млн руб. подлежали продаже на аукционах;
- предприятия со среднесписочной численностью занятых свыше 1000 человек и балансовой стоимостью основных фондов более 50 млн.руб. на ту же дату подлежали акционированию;
- предприятия со среднесписочной численностью занятых от 200 до 1000 человек и балансовой стоимостью основных фондов от 1 до 50 млн руб. на ту же дату подлежали приватизации любым из указанных способов.

Приватизации подлежали объекты государственной и муниципальной собственности, к числу которых были отнесены следующие:

- предприятия, цеха и производственные участки, выделенные в самостоятельные предприятия;
- оборудование, здания, сооружения, лицензии, патенты и др. материальные и нематериальные ценности;
- доли (паи, акции) государственных и местных органов власти в капитале АО, ТОО, СП, банков и пр.

Обязательной приватизации подлежали объекты и предприятия, в наибольшей мере влияющие на формирование и функционирование рыночной инфраструктуры, а также объекты и предприятия с недостаточной эффективностью, сдерживавшие темпы экономического развития страны и формирование рынка. К числу таковых относились следующие:

- объекты и предприятия оптовой и розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания;

- государственные сельскохозяйственные объекты и предприятия;
  - предприятия, осуществляющие переработку сельскохозяйственной продукции, обслуживающие сельскохозяйственное производство;
  - предприятия пищевой и легкой промышленности;
  - убыточные предприятия всех отраслей народного хозяйства, кроме специально оговоренных;
  - законсервированные объекты и объекты незавершенного строительства с истекшими нормативными сроками строительства;
  - имущество предприятий, ликвидированных без установления правопреемника;
  - предприятия автотранспорта, кроме специально оговоренных.
- Главные цели приватизации были определены следующим образом:
- формирование широкого слоя частных собственников,
  - повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации,
  - социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств от приватизации,
  - содействие стабилизации российской экономики,
  - создание конкурентной среды и содействие демополизации народного хозяйства,
  - привлечение иностранных инвестиций,
  - создание условий и организационных структур для расширения масштабов приватизации.

Класс новых собственников в процессе ваучерной приватизации формировался за счет региональной и отраслевой номенклатуры, директоров государственных предприятий, трудовых коллективов, новых предпринимателей — выходцев из различных слоев населения, сумевших в короткое время накопить денежный капитал, так называемых бюджетников. Участие последних, однако, было существенно ограничено отсутствием синхронности в выпуске ваучеров и акций под них, что чрезвычайно усугублялось гиперинфляцией начала 90-х годов и обесценением вследствие этого ваучеров. К тому же в свободную продажу поступало акций значительно меньше 29%, предусмотренных соответствующим указом Президента 1993 г.

При акционировании предприятий предусматривалось три варианта предоставляемых трудовому коллективу льгот. В рамках первого варианта предусматривались следующие льготы:

- всем членам трудового коллектива единовременно и безвозмездно передаются именные привилегированные акции, составляющие не более 25% уставного капитала, но не более 20 минимальных месячных оплат в расчете на 1 работника;

- обыкновенные акции до 10% уставного капитала, но в общей сумме не превышающие 6 минимальных месячных оплат труда в расчете на 1 работника, продаются членам трудового коллектива по подписке со скидкой до 30% их номинальной стоимости и предоставлением рассрочки платежа до 3 лет. Величина первоначального взноса должна быть не менее 15% номинальной стоимости акций;

- должностным лицам администрации предприятий (директор, заместители, главный инженер, главный бухгалтер) предоставлялось право приобретения обыкновенных акций по номинальной стоимости, составляющей на всех лиц в сумме до 5% уставного капитала, но не более 2000 минимальных месячных оплат труда.

Этим вариантом была заложена возможность приобретения инсайдерами, то есть фабрично-заводской администрацией и трудовыми коллективами, до 40% акций АООТ.

В соответствии со вторым вариантом трудовому коллективу предоставлялось право приобретения обыкновенных акций до 51% уставного капитала. При этом не предусматривалась безвозмездная передача акций и их продажа на льготных условиях. Право участия в закрытой подписке предоставлялось также работникам предприятий, входящих в единую технологическую цепочку. Этот вариант предоставления льгот был избран 70% подлежавших акционированию государственных предприятий.

Третий вариант предоставления льгот трудовому коллективу давал возможность приобретения до 20% обыкновенных акций по номинальной стоимости, но в сумме не более 20 минимальных месячных оплат труда в расчете на каждого члена. При этом варианте создавалась инициативная группа, с которой Госкомимущества заключал договор сроком на один год, по истечению которого и предоставлялось право приобретения акций, если были выполнены предусмотренные им условия. В противном случае акционирование проводилось по первому варианту.

Решение о выборе второго и третьего вариантов принималось общим собранием трудового коллектива или удостоверялось

подписными листами его членов. Число поданных голосов должно было быть не менее двух третей, в противном случае льготы автоматически предоставлялись по первому варианту.

При всех вариантах льгот 10% выручки от продажи акций зачислялось на личные лицевые приватизационные счета работников предприятий. Приобретенные акции свободно обращались.

На аукционах государственные предприятия продавались физическим и юридическим лицам, предложившим наибольшую сумму. При этом 30% от продажной цены перечислялось работникам, уволенным с предприятия после 1.1.1992 г. и зарегистрированным в качестве безработных.

Коммерческий конкурс проводился в виде открытых и закрытых торгов. От потенциального покупателя требовалось соблюдение ряда условий:

- сохранение профиля предприятия,
- сохранение назначения объекта,
- сохранение численности рабочих мест,
- финансирование социальной сферы.

При проведении некоммерческих конкурсов (инвестиционных торгов) отбор победителя осуществлялся по лучшей инвестиционной программе.

Выкуп арендованного имущества составил 30% от сданного в аренду. Инвестиционные торги и продажа ликвидированных и ликвидируемых предприятий оказались наименее привлекательными: было приватизировано такими способами всего около 2% от выставленных объектов.

Итак, полученные населением ваучеры использовались следующим образом: при закрытой подписке на акции своих предприятий, при участии в чековых аукционах, при покупке акций у чековых инвестиционных фондов (ЧИФы), около 25% ваучеров поступило в свободную продажу.

В результате ваучерной приватизации право собственности и хозяйствования сосредоточилось в российской экономике в руках трудовых коллективов и директоратов. Так, на начало июля 1994 г. пакет акций приватизированных предприятий распределился следующим образом: трудовой коллектив — 52%, фабрично-заводская администрация — 14,2%, крупные внешние инвесторы — 11,5%, мелкие акционеры — 8,2%, государство — 14,1%. Стартовая струк-

тура акционерного капитала в итоге выглядела так: инсайдеры — около 66%, аутсайдеры — 20%, государство — 14,1%. Как и ожидалось, возобладала инсайдерская модель акционирования. Она оказалась крайне неэффективной, так как инсайдеры не располагали собственным инвестиционным потенциалом, что ставило под сомнение устойчивость обретенного ими статуса собственника. Ситуация была усугублена для них прекращением государственного финансирования и недоступностью кредита в условиях гиперинфляции. Вследствие всех этих обстоятельств последующий передел акций в пользу аутсайдеров оказался неизбежным.

К завершению ваучерного этапа было приватизировано 40% общего числа государственных предприятий, появилось около 40 млн акционеров.

С 1 июля 1994 г. начался денежный этап приватизации. В первые годы она была направлена на достижение следующих целей:

- дальнейшее разгосударствление экономики,
- привлечение инвесторов в реальный сектор экономики,
- реструктуризация макроэкономической структуры,
- пополнение доходов федерального бюджета за счет средств от приватизации.

Денежная приватизация осуществлялась путем проведения инвестиционных конкурсов и специальных денежных аукционов. Так, в 1995—1996 гг. по инициативе представителей крупного денежного капитала, сформированного буквально за несколько лет преимущественно, хотя и не исключительно путем развертывания активной и весьма прибыльной торгово-посреднической и финансово-спекулятивной деятельности, было проведено 12 залоговых аукционов, представлявших собой сочетание инвестиционного конкурса и аукциона. Их проведение носило вынужденный характер и было обусловлено крайне тяжелым финансовым положением государства, обремененного непомерными долгами, составлявшими на тот период порядка 70% годового ВВП. Суть залоговых аукционов состояла в том, что Правительство РФ получало кредит под свой пакет акций сроком до трех лет и под минимальную процентную ставку в 6% годовых. Кредиторы, в свою очередь, брали обязательство погасить задолженность предприятий в бюджет и по заработной плате. По истечении срока залога государство либо возвращало кредит, либо выставляло пакет акций на продажу.

Фактически ни один кредит не был возвращен, большая часть акций перешла в частные руки. Произошел своеобразный обмен акций на кредиты. Все 12 выставленных на аукционы объектов обрели реальных собственников, получивших название олигархов. Важным фактором их победы в чрезвычайно острой и драматичной конкурентной борьбе с потенциальными претендентами, обладавшими не меньшими капиталами, явилась их близость к властным структурам.

Так называемые олигархи не только обеспечили эффективное функционирование этих предприятий, но и погасили их задолженность по налогам и заработной плате. К числу этих объектов относятся наиболее прибыльные: это НК «Лукойл», НК «Сургутнефтегаз», НК «ЮКОС», НК «Сибнефть», НК «Сиданко», металлургический гигант «Норильский никель», Челябинский металлургический завод (АО «Мечел»), ОАО НЛМК, а также АО «НАФТА-Москва», Новороссийское и Мурманское морские пароходства, Северо-Западное речное пароходство.

В ходе денежной приватизации глубокие изменения претерпели итоги первого этапа. Так, доля трудового коллектива в акциях упала уже к 1997 г. с 52% до 15–20%. Аутсайдеры, накопившие в течение 90-х годов значительный денежный капитал, не только потеснили инсайдеров, но и оказались главными действующими лицами этапа денежной приватизации.

На исходе 90-х годов принципы приватизации вновь подверглись корректировке, что нашло выражение в следующем:

- отказ от подхода к приватизации преимущественно как средству пополнения доходов государства,
- переход к приватизации по «точечным проектам» с использованием индивидуальных стандартных способов продаж,
- развитие процесса приватизации недвижимости, в том числе — земельных участков под приватизированными предприятиями, что было особенно важно для привлечения инвестиций, осуществления диверсификации производства, роста эффективности.

Государственной программой приватизации этого периода преследовались следующие цели:

- привлечение инвестиций в производство,
- сокращение бюджетных расходов на управление,
- создание условий для развития рынка недвижимости,

- защита прав собственников и акционеров,
- содействие реализации мероприятий по социальной защите населения.

Для реализации этих целей предполагался отказ от количественных показателей приватизации, от предоставления льгот трудовому коллективу, осуществлялось расширение прав субъектов РФ и муниципальных органов власти. В области управления объектами государственной собственности предусматривалось:

- обеспечение общегосударственных приоритетов на приватизированных предприятиях с государственной долей, запрещение представлять интересы государства в органах управления АО фабрично-заводской администрации;
- более широкое использование доверительного управления государственным пакетом акций, но исключительно на конкурсной основе;
- ограничение передачи государственного имущества в хозяйственное ведение;
- совершенствование правовых отношений по поводу аренды государственного имущества;
- развитие нормативно-правовой базы в целях ужесточения ответственности за правонарушения в области приватизации земельных участков под приватизированными предприятиями.

К началу нового века в основном завершено формирование портфеля акций, постоянно находящихся в федеральной собственности. Он включает контрольный и блокирующий пакеты акций АО, производящих товары и услуги стратегического значения для национальной безопасности. Остальные акции продаются по индивидуальной схеме, которая предусматривает:

- предпродажную подготовку АО, включая завершение консолидации пакета акций в уставном капитале для упрочения вертикальной интеграции и усовершенствования структуры предприятия;
- продажу акций по конкурсу с привлечением финансовых консультантов в целях обеспечения наилучших условий продажи;
- размещение акций на конкурсной основе среди юридических лиц, имеющих право ведения деятельности в качестве инвестиционного института.

Денежный капитал и по сей день устремляется в наиболее перспективные отрасли: отрасли ТЭК и первого передела, на предпри-

ятия, имеющие гарантированные заказы, а также высокотехнологичные, находящиеся на уровне мировых стандартов. При этом по-прежнему невелика роль кредита ввиду слабости как коммерческих банков, не вполне оправившихся после финансового кризиса 1998 г., так и фондового рынка. Незначительна и роль финансового рынка в аккумуляции свободного денежного капитала в целях последующего превращения в промышленный, в межотраслевом переливе капитала, столь важном в условиях реструктуризации народного хозяйства, вследствие низкой ликвидности большинства приватизированных предприятий, отсутствия достоверной и исчерпывающей информации об их состоянии. Главными действующими лицами на российском фондовом рынке являются крупные инвесторы, формирующие контрольный пакет акций, и биржевые спекулянты, формирующие денежный капитал. Слабость институциональной базы сдерживает экономический рост.

5.4. Постприватизационный передел собственности и становление корпоративного управления

В настоящее время все еще продолжается процесс передела объектов собственности. Российской практикой наработано множество способов его осуществления. К числу наиболее широко используемых относятся такие, как агрессивная или согласованная скупка пакетов акций на вторичном рынке, добровольное или принудительное вовлечение в корпоративные структуры, лоббирование конкретных сделок с пакетами акций, оставшихся у федеральных и региональных властей. В ходе передела и поныне не преодолено грубое попрание корпоративного законодательства, что проявляется в нарушении процедуры голосования на общих собраниях акционеров, в вычеркивании неугодных акционеров из реестра, в выпуске особых акций с особым дивидендом, а также конвертируемых облигаций, в утаивании и задержке информации о проведении общего собрания акционеров, во введении пороговых величин пакетов акций для участия в управлении, в принудительной скупке акций у мелких акционеров по заниженной цене и нарушении их прав при рас-

пределении дивидендов и т.д. Все еще продолжается жесткая конкурентная борьба между инсайдерами и аутсайдерами за обладание контрольным пакетом акций и функциями корпоративного управления.

Обе стороны накопили немалый опыт в борьбе друг с другом за сохранение и приумножение пакета акций. Инсайдеры, например, широко используют такие методы, как

- контроль за реестром акционеров и манипулирование им,
- не избрание членов совета директоров, а их назначение и недопущение в него аутсайдеров,
- общая стратегия распыления акций,
- переход на единую акцию,
- изменение размера уставного капитала АО и уменьшение доли посторонних акционеров через дополнительную эмиссию акций,
- бесконтрольная перекачка активов в собственные компании,
- санкции по отношению к работникам-акционерам за продажу акций на сторону,
- широкое привлечение местных властей для ограничения деятельности чужих фирм, скупивших акции у работников,
- установление запредельных окладов,
- фиктивные банкротства с последующей скупкой продаваемых активов и т.д. и т.п.

Отработаны методы борьбы и аутсайдерами: это установление контроля за АО путем ведения корреспондентских счетов и регулирования финансовых потоков, получения пакета акций в качестве компенсации за долги АО, скупка акций в пользу институциональных инвесторов, в качестве каковых выступают страховые компании, НПФ, ЧИФы, действующие как портфельные инвесторы спекулятивной ориентации и выполняющие брокерские функции, ПИФы, ориентированные на привлечение средств мелких инвесторов, и пр.

Приведем примеры. Так, НК «ЮКОС» шла по пути дружеского поглощения коммерческих банков и легального размывания государственной доли с использованием схем реструктуризации задолженности государственному бюджету, НК «Лукойл» осуществила максимальное распыление выпускаемых акций с последующей их скупкой через дочерние и дружеские компании.

Финансовый кризис 1998 г. привнес новые моменты в передел собственности, среди которых отметим наиболее распространенные:

- переход от тактики захвата к тактике выживания путем сброса неработающих и неликвидных активов;

- ослабление прежних лидеров и нарастание агрессии со стороны конкурентов и региональных властей в связи с вынужденным расчетом акциями по долгам, арестом пакетов акций за долги и их последующей продажей в рамках официальной процедуры банкротства;

- агрессивное рыночное позиционирование путем установления контроля над поставщиками и потребителями, поглощение методом «мелких шагов»;

- реструктуризация долгов путем изменения прав собственности внутри АО;

- объединение на основе вертикальной производственной интеграции (например, развернувшаяся конкурентная борьба между металлургами и энергетиками за раздел и передел угольных шахт как поставщиков сырья);

- слияния и поглощения на добровольной и принудительной основе все еще преимущественно в экспортно-ориентированных отраслях, сопровождающиеся укрупнением и образованием новых вертикально интегрированных бизнес-структур под имеющуюся рыночную нишу в облике преимущественно холдингов вместо аморфных конгломератов 90-х годов. Так, на долю сделок с нефтедобывающими предприятиями в 2003 г. пришлось 63% стоимости сделок даже при несостоявшемся слиянии НК «ЮКОС» и «Сибнефть», в то время как в мировой экономике на них пришлось всего 3% (Известия, 23 декабря 2003).

Слияния и поглощения заняли особое место в формировании корпоративного сектора в российской экономике во второй половине 90-х годов. С точки зрения российского законодательства слияние выступает как реорганизация юридических лиц, при которой права и обязанности каждого из них переходят к вновь возникающему юридическому лицу. Иная картина при поглощении. Оно трактуется как приобретение поглощающей фирмой контрольного пакета акций поглощаемой. При этом фирмы остаются самостоятельными юридическими лицами. Как уже отмечалось, слияния и поглощения могут быть осуществлены агрессивно, жестко, на при-

нудительной основе, тем паче что методы защиты от агрессора не отработаны в России ни законодательно, ни на практике.

Побудительные мотивы слияний и поглощений могут быть самыми разными: это и конкурентная борьба за привлекательный объект, и соображения вертикальной интеграции, как, например, создание замкнутой технологической цепочки в рамках единой корпорации, и повышение эффективности функционирования, и усиление монопольного положения, и вывод капитала из отраслей, оказавшихся в состоянии спада на отраслевых рынках, и проведение диверсификации производства, и отделение собственности от управления и пр. Наиболее интенсивно слияния и поглощения протекали после финансового кризиса 1998 г., явившись, по существу, способами передела собственности по итогам кризиса. Однако на этом процесс не закончился. Начавшаяся вслед за тем реструктуризация и реорганизация корпораций в ходе консолидации акционерного капитала отнюдь не воспрепятствовала сохранению и даже нарастанию высоких темпов слияний и поглощений. Более того, по их числу Россия оказалась лидером среди стран Центральной и Восточной Европы: «она продемонстрировала потрясающий рост как по стоимости сделок с капиталом, так и по их количеству. Оценочная рыночная стоимость сделок по слияниям и поглощениям возросла с 7,5 млрд долл. в 2002 г. до 23,7 — в 2003... Большая часть инвестиций (86%) российских компаний пришлась на отечественные предприятия» (Известия, 31 марта 2004).

К настоящему времени четко выявились основные тенденции в формировании акционерного капитала: сокращение доли акций работников предприятий и мелких акционеров, значительное увеличение доли аутсайдеров, постепенное превращение менеджеров в собственников и собственников — в менеджеров. Реанимируются государственные холдинги в стратегически значимых отраслях путем перераспределения акций в крупных корпорациях, формируются региональные холдинги под эгидой региональных властей, более тесными становятся взаимоотношения между региональной властью и региональными компаниями, еще более окрепли естественные монополии, в связи с чем актуализировался вопрос об их реорганизации в целях подрыва — в пределах экономической целесообразности — их монопольного положения и формирования конкурентной среды пу-

тем, например, выделения генерирующего сектора в РАО ЕЭС или создания ОАО «Российские железные дороги» на базе МПС.

На фоне раздела и передела объектов государственной собственности протекает процесс становления корпоративного управления. Оно представляет собой систему экономических отношений, складывающихся между различными группами акционеров и менеджерами корпораций, суть которых состоит в защите финансовых интересов акционеров от оппортунистического поведения менеджеров. Данная проблема является актуальной и для развитых стран, о чем свидетельствует подписание Принципов корпоративного управления ОЭСР, явившихся потенциальным модельным сводом стандартов и руководств, в том числе и для стран с переходной экономикой, коль скоро одним из способов приватизации государственной собственности явилось акционирование и возникновение в связи с этим акционерной собственности. Последняя, будучи одной из форм ассоциированной собственности, характеризуется отделением собственности от управления. На исходе 1995 г. был принят Закон «Об акционерных обществах», положивший начало правовому оформлению отношений акционерной собственности. Однако российская практика 90-х годов характеризовалась грубым нарушением прав акционеров, что неизбежно в условиях становления рыночных отношений, когда процесс отделения собственности от управления едва начался. Такому отделению препятствуют незавершенность раздела и передела объектов собственности, а следовательно, не вполне сложившийся слой акционеров-собственников и менеджеров, продолжающаяся консолидация пакета акций в целях формирования их контрольного пакета, сохранение значительной доли государственного пакета акций федерального и регионального уровня, создающее особые трудности в управлении корпорацией, малочисленный слой высокопрофессиональных менеджеров, слабая правовая защита даже крупных собственников и пр. Тем не менее все эти процессы в начале нового века приобретают все более цивилизованные формы. Крупные корпорации приняли кодексы корпоративного управления, в связи с чем создаются отделы по работе с акционерами, вводят в совет директоров независимых директоров и пр. Между тем реальная ситуация меняется к лучшему чрезвычайно медленно в силу отмеченных преимущественно объективных причин.

5.5. Особенности формирования предпринимательского слоя в России

По существу, впервые в экономической науке специальный анализ предпринимательской деятельности и фигуры предпринимателя в социальной структуре общества был проведен Й.Шумпетером. В предшествующий период предприниматели в качестве особых субъектов экономических отношений так четко не вычленились уже в силу своей малочисленности и слитности предпринимательской деятельности с иными функциями. Так, в эпоху классического капитализма капиталист в одном лице представлял и в качестве собственника, и в качестве менеджера, и в качестве предпринимателя. В интерпретации Й.Шумпетера, предприниматель занимает совершенно особое место в жизни общества: он выступает носителем экономической динамики. Последняя предполагает переход от привычно повторяющегося кругооборота к новой комбинации факторов производства. Внедрение новых комбинаций посредством деятельности предпринимателя, в интерпретации Й.Шумпетера, включает следующие моменты:

- изготовление нового блага или достижение нового качества того же блага;

- внедрение нового, в данной отрасли промышленности ранее неизвестного метода (способа) производства (научное открытие, новый способ коммерческого использования соответствующего товара и пр.);

- освоение нового рынка сбыта, на котором данная отрасль не была представлена;

- получение нового источника сырья или полуфабриката (независимо от того, существовал ли он ранее, принимался или не принимался во внимание, считался или не считался доступным, имелся или предстояло его создать);

- проведение соответствующей реорганизации (создание монопольного положения, например, треста или, напротив, подрыв монопольного положения других предприятий) (см.:Й.Шумпетер. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982, с.159).

Предприниматель отнюдь не обязательно должен быть собственником, а потому нет оснований говорить об особом классе предпринимателей в традиционном понимании класса. Это и

не профессия, пожизненно им быть невозможно. Слой этот крайне неустойчивый, постоянно меняющийся по составу. Ему присущ особый стиль жизни и особая система моральных и эстетических ценностей. Представители этого слоя обладают такими личностными качествами, как острота видения, умение идти вперед в одиночку, идти непроторенной дорогой, умение вести за собой и влиять на других, дар предвидения. Предпринимательская деятельность — не труд, но самореализация предпринимательской одаренности. Предприниматель — революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции. Его деятельностью разрешаются противоречия экономической системы между неизменными экономическими процессами и стихийными изменениями в экономике, между статикой и динамикой, между традиционными и нетрадиционными экономическими нововведениями. Мотивы предпринимательской деятельности Й.Шумпетер усматривает в следующем:

- равнодушие и неприязнь к праздным удовольствиям: предприниматель трудится, потому что не может иначе, его цель — не в получении наслаждения от достигнутого, его девиз — еще больше. В этой связи — стремление к основанию частной империи, династии;

- воля к победе, успех ради успеха, прибыль — лишь показатель успеха, символ победы. Экономическая деятельность как вид спорта: финансовая гонка, боксерский поединок, мотивы принципиально не экономические;

- радость творчества как определяющий момент поведения. Блага приобретаются не ради их самих.

В эпоху постиндустриального развития предприниматель из экзотической фигуры превращается в массовую, центральную в силу непрерывных технологических прорывов во всех областях жизнедеятельности, автоматизации рутинной работы в сфере бизнеса. Наиболее благоприятные условия для предпринимательской деятельности — малый бизнес, предоставляющий полную самостоятельность, свободу действий, ответственность и пр. И хотя половина малых предприятий разоряется в первый же год своего существования, в них сосредоточена основная масса занятых в развитых странах, и более половины американских миллиардеров, например, обязаны своим состоянием малому бизнесу.

По принципу малого бизнеса формируется ныне предпринимательская деятельность и на крупных фирмах: работа малыми группами, благоприятный психологический климат, особая система заинтересованности. Важно и то, что в развитых странах создаются благоприятные условия для развертывания малого бизнеса: экономическая и социальная поддержка, формирование позитивного общественного мнения вокруг предпринимательской деятельности, создание льготного налогового режима, развитие инфраструктуры поддержки в облике инновационных, внедренческих и консультационных центров, курсов и школ подготовки предпринимателей, эффективной защиты интеллектуальной собственности (изобретения, новые идеи, концепции, методы деловой активности и пр.), дебюрократизация процедуры регистрации предпринимательской деятельности. Предпринимательской деятельностью не только углубляется дифференциация доходов, но и обеспечивается рост последних, что становится материальной основой подрыва принципа равенства, составляющего одну из типичных черт психологии люмпенов. Принцип социального равенства, сложившийся за годы советской власти, и поныне весьма распространен и почитаем в России, чем и объясняется, в частности, крайнее неприятие социальной дифференциации, объясняемой исключительно воровством, мошенничеством и т.п. Это становится психологическим тормозом для развертывания предпринимательской деятельности, формирует неблагоприятную для нее среду.

Между тем частнопредпринимательская деятельность чрезвычайно значима в современной России в связи с тем, что идет коренное преобразование всех сторон жизнедеятельности общества, новаторство которому отнюдь не противопоказано. Такая деятельность в постсоциалистической экономике имеет весьма специфическую направленность. Ею преодолевается психология патернализма, социального иждивенчества и пассивности, сформированная в эпоху социализма и совершенно неприемлемая для рыночной экономики. Переходным периодом актуализируется проблема поиска нетрадиционных способов выживания в экстремальных условиях, собственного места в новой системе экономических отношений путем активного участия в приватизации, в процессе первоначального накопления капитала, в созда-

нии собственных фирм. Российская практика реформирования выявила огромный предпринимательский потенциал широких слоев населения, обладающих даром предпринимательской инициативы и способностью ее реализации, что особенно отчетливо проявилось в изобретательности способов и приемов ведения успешной конкурентной борьбы за объекты государственной собственности, в становлении различных форм индивидуальной трудовой деятельности. Вместе с тем предпринимательская деятельность оказалась крайне криминализированной. С одной стороны, такая криминализация неизбежна в экономике всякого переходного периода, с другой — ее питательной почвой является глубокое разрушение духовно-нравственной среды в предшествующий период, вследствие чего были сметены нравственные барьеры на пути достижения поставленной цели, одной из которых было обретение статуса собственника.

Вопросы для повторения:

1. Каково содержание собственности как экономической категории?
2. Чем определяется эволюция форм собственности в историческом (временном) и логическом (пространственном) аспектах?
3. Почему необходимо разгосударствление постсоциалистической экономики и какими способами это достигается при различных моделях рыночной трансформации?
4. Каковы основные этапы, цели и социально-экономические последствия приватизации в российской экономике?
5. Чем обусловлена необходимость ваучерной приватизации и каковы последствия инсайдерской модели ее реализации?
6. Каковы способы и последствия денежной приватизации?
7. Чем порожден постприватизационный передел собственности и каковы способы и методы его осуществления?
8. В чем суть корпоративного управления и каковы особенности его становления в российской экономике?
9. Как осуществляется разгосударствление китайской экономики?
10. Что представляет собой предприниматель как субъект экономических отношений и какие функции он выполняет?
11. Каковы особенности становления и функционирования предпринимательской деятельности в России?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Экономическое содержание собственности и ее правовое оформление.
2. Формы собственности и факторы, определяющие их эволюцию.
3. Способы разгосударствления национальной экономики при различных моделях реформирования.
4. Основные этапы и способы приватизации российской экономики.
5. Постприватизационный передел объектов собственности: причины и способы осуществления.
6. Особенности становления корпоративного управления в российской экономике.
7. Преобразование отношений собственности в КНР.
8. Предприниматель как субъект экономических отношений в интерпретации Й.Шумпетера.
9. Особенности становления предпринимательского слоя в России.

Литература:

1. *Дерябина М.* Реструктуризация российской экономики через передел собственности и контроля//Вопросы экономики. — 2001, №10.
2. *Радыгин А., Энтов Р.* Инфрорсмент прав собственности и контрактных обязательств//Вопросы экономики. — 2003, №5.
3. Собственность и корпоративное управление. Рубрика//Вопросы экономики. — 2003, №5.
4. Теоретические проблемы переходной экономики: Учебно-методическое пособие/Под ред. В.В. Радаева. — М.: ТЕИС, 2003 (гл. 5.1).
5. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М.: Прогресс 1982, (гл.1, п.3).
6. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ), часть 2. — М.: 2003 (гл.11).

Тема VI. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ РЫНОЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

План:

1. Становление финансовой системы и ее институтов в постсоциалистической экономике.
2. Особенности взаимодействия реального и финансового секторов в переходной экономике России.

6.1. Становление финансовой системы и ее институтов в постсоциалистической экономике

В любой национальной экономике приоритет принадлежит реальному сектору. Он является исторически и логически исходным уже вследствие того, что именно в нем осуществляется производство материальных благ и услуг. Им же порождаются на определенном этапе развития денежные и финансовые потоки, во все большей мере образуются временно свободные денежные средства. Обслуживанием движения этих потоков и призвана заниматься финансовая система, которая в свою очередь становится фактором развития реального сектора. Определенность этого этапа состоит в зарождении и последующем всеобщем распространении товарного производства и соответственно — товарного обращения, знаменующих переход от натурального к товарному, рыночному хозяйству. По мере такого перехода и происходит окончательное распадение национальной экономики на реальный и финансовый сектор, на «физическую» и «бумажную» (Дж.Тобин) экономику.

Именно такой этап и переживает постсоциалистическая экономика. Разгосударствление социалистической экономики становится основой всеобщего распространения подлинных товарно-денежных отношений и появления соответствующей им институциональной базы во всем ее функциональном многообразии. От социализма наследуется реальный сектор, где доминирующими были непосредственно общественные, планомерные отношения.

Рыночные отношения, называемые товарно-денежными, допускались в ограниченном виде, в виде расширения экономической самостоятельности в области управления, планирования, материального стимулирования. Однако подлинными товаропроизводителями социалистические предприятия не могли стать в условиях общенародного присвоения. А потому и финансовая система была весьма специфичной, порожденной потребностями директивного народно-хозяйственного планирования, управления из единого экономического центра. Формирование финансовой системы как института сугубо рыночной экономики началось в переходный период и по существу заново. В период своего становления финансовая система сыграла огромную роль в преобразовании отношений социалистической собственности, в становлении рыночного механизма управления. Деятельностью ее институтов было обеспечено проведение кредитно-денежной и финансовой политики, под воздействием которой складывалась новая система взаимоотношений макро- и микроэкономических субъектов. При их активном участии осуществлялось накопление денежного капитала, без которого немыслимо проведение денежной приватизации, равно как и постприватизационный передел объектов собственности, суть которого состояла в корректировке итогов инсайдерской модели приватизации ее первого этапа. Институтами финансовой системы заполнялся институциональный вакуум, образовавшийся в связи с упразднением государственных институтов управления.

Истоки финансовой системы были заложены раздвоением товарного мира на товар и деньги. Такое раздвоение ведет к зарождению денежного обращения и законов, его регулирующих, на основе которых определяется денежная масса в обращении в соответствии с функциями, выполняемыми деньгами. Возникают исторически и логически первые институты финансовой системы, регулирующие денежное обращение. Всеобщее распространение они получают в связи с переходом от натурального хозяйства к рыночному. Появление денежного капитала в процессе превращения натурального хозяйства в рыночное капиталистическое усложняет финансовую систему, в недрах которой формируется кредитный рынок и соответствующие специализированные институты в облике коммерческих банков, осуществляющих трансформацию сбережений в инвестиции посредством движения кредита. В связи

с превращением рабочей силы в товар и формированием рынка труда появляется такой значимый институт финансовой системы, как биржа труда.

Дальнейшее развитие рынка капитала связано с усложнением отношений собственности, что нашло выражение в появлении и широком распространении со второй половины XIX в. такой разновидности ассоциированной собственности, как акционерная. Ею был порожден принципиально новый институт финансовой системы в облике фондовой биржи. Последняя выступает особой разновидностью финансового рынка, в качестве рынка капитала призванной обслуживать движение акционерного капитала. Особенностью последнего является его двойное бытие. Обособление потребительной стоимости от стоимости происходит теперь уже не на уровне простого товара, а на несравненно более сложном, на уровне капитала в форме акционерного. Потребительная стоимость представлена натурально-вещественной формой бытия капитала, пребывающего в ней в реальном секторе экономики, его денежная форма обособливается в облике ценных бумаг — акций и облигаций, сферой обитания которых оказывается финансовая система, фондовая биржа — прежде всего. Акционерный капитал в денежной форме приобретает самостоятельную форму движения на особом рынке — рынке ценных бумаг, первичном и вторичном. Соответственно и управление акционерным капиталом раздваивается: с одной стороны, оно осуществляется менеджерами акционерных компаний, с другой — фондовой биржей.

Институты финансовой системы отнюдь не исчерпываются названными. Они функционально чрезвычайно многообразны. Но важно подчеркнуть то обстоятельство, что финансовая система — детище именно рыночной экономики. Здесь она получает всестороннее развитие, хотя возникновение ее простейших институтов относится к эпохе натурального хозяйства и связано с зарождением в недрах последнего товарного производства и товарного обращения, формированием допотопных форм капитала — купеческого и ростовщического как исторических предшественников промышленного.

В российской экономике процесс становления капитализма оказался спрессованным во времени. В течение исторически кратчайшего времени практически одновременно происходит и образование торгового и банковского капитала как предшественников про-

мышленного, и наряду с этим осуществляется прямое превращение наиболее экономически привлекательных производственных фондов в промышленный капитал путем их присвоения тем или иным способом без всякого денежного капитала. Товарное производство возникает сразу в его высшей форме — в форме капиталистического, а рыночная экономика — в форме современной смешанной экономики. Но и это не все. Произошедшая в советский период монополизация экономики явилась основой возникновения акционерной формы собственности в ходе акционирования бывших ПО и НПО. Акционерный капитал в свою очередь породил фондовую биржу. И все это в течение практически одного десятилетия. При таких темпах все еще говорят о неудачах, постигших российскую экономику, и даже о провале рыночной реформы!

Иначе протекал этот процесс в развитых странах. В длительной истории рыночной экономики можно выделить два основных этапа развития, которым соответствуют две модели. Исторически и логически исходной является рыночная экономика эпохи свободной конкуренции, на определенном этапе развития эволюционирующая в более сложную — смешанную. По мере этой эволюции более сложной, совершенной и разветвленной становилась и финансовая система современной рыночной экономики, достигшая к настоящему времени апогея своего развития.

В социалистической плановой экономике не было места товарно-денежным, рыночным отношениям. Последние развивались либо в форме теневой экономики, либо вынужденно допускались сверху. Однако возможности их развития были чрезвычайно ограничены отношениями общенародной собственности. Такие категории, как деньги, товар, цена, прибыль и пр., не были насыщены соответствующим содержанием, экономика не регулировалась законами товарного производства, так как экономические отношения социалистического производства были не товарными, а планомерными, равно как и обращение материальных благ и услуг, регулируемое директивным планом, по существу не было товарным обращением.

Становление подлинно рыночных отношений началось по мере разгосударствления экономики, что и создало предпосылки для формирования в недрах национальной экономики товарного производства, следствием чего явилось появление наряду с реальным

сектором финансового, финансовой системы, призванной обслуживать движение денежных и финансовых потоков, порождаемых рыночными, товарно-денежными отношениями. Коренному преобразованию подверглись и государственные финансовые институты, обслуживавшие реальный сектор плановой экономики. Перестраивается банковская система. Наряду с Центральным банком, приобретающим независимость от исполнительных органов власти и перестраивающим свою деятельность в соответствии с законами денежного обращения, появляются коммерческие, призванные выполнять присущие им функции. В коммерческие банки превратились и бывшие специализированные государственные банки, адаптационные способности которых оказались, однако, чрезвычайно низкими, в силу чего все они рухнули в ходе финансового кризиса 1998 г. В связи с акционированием государственных предприятий появляется фондовая биржа, регулирующая движение акционерного капитала. Обращение превращающихся в товар материальных благ и услуг опосредуется товарной биржей, приходящей на смену государственной системе снабжения и сбыта готовой продукции. Биржа труда регулирует движение рабочей силы в региональном, отраслевом и прочих аспектах. Появляются страховые компании, негосударственные пенсионные, паевые инвестиционные и прочие фонды. Все они в совокупности и образуют тесно взаимодействующие институты финансовой системы, призванной обслуживать различные потребности реального сектора экономики, чем и определяется их функциональное многообразие. Каждый из них регулирует соответствующий рынок: товаров и услуг, капитала, рабочей силы, недвижимости.

Вполне естественно, что все эти институты находятся в состоянии становления, а потому профессиональный уровень выполняемых ими функций соответствует этому состоянию. И тем не менее за прошедшее десятилетие они проделали большой путь. Остановимся, например, на изменении роли фондовой биржи в российской экономике в процессе ее развития. Как известно, фондовый рынок в российской экономике возник в связи с акционированием наиболее крупных государственных предприятий, явившимся одним из способов ваучерной приватизации. На протяжении прошедшего десятилетия он не получил широкого развития ввиду тяжелого финансового положения большинства акционированных пред-

приятий. Его основная функция 90-х годов — консолидация акционерного капитала в процессе формирования контрольных пакетов акций. Но уже к началу нового века рынок ценных бумаг обрел внутреннюю устойчивость, что позволило в более полной мере выполнять соответствующие ему функции в качестве инвестиционного института. Если в 1996 г. объем инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на фондовом рынке, составлял всего 0,6 млрд долл., то в 2002-м — уже 5,6 млрд долл., из них 1,8 — на внутреннем рынке. По мере преодоления дефицита долгосрочных ресурсов основным инвестором становится отечественный, в том числе — мелкий частный. Так, доля зарубежных сделок с российскими акциями снизилась с 84% в 1998 г. до 44 — 52% в 2001—2003 гг. (Ю. Данилов. Новая роль фондового рынка в России. — Вопросы экономики, 2003, №7). Важно и то, что ослабла зависимость отечественного фондового рынка от мирового финансового и сырьевого рынков. Окрепили позиции фондового рынка на рынке капитала. Ныне именно он оказывается более доступным и выгодным для российских компаний относительно банковского кредитования. И это вопреки тому, что основная масса свободных денежных средств по-прежнему традиционно для постсоциалистического общества тяготеет к банковскому сектору — вследствие, с одной стороны, неразвитости небанковских институциональных инвесторов, с другой — неосвоенности широкими слоями населения вновь появившихся не менее прибыльных способов вложения денежных сбережений, позволяющих к тому же обрести, например, в качестве акционера статус собственника. Российская банковская система и поныне ориентирована на краткосрочное кредитование, хотя доля долгосрочных сбережений в последние годы увеличивается, успешно идет процесс капитализации. Предприятия же реального сектора в условиях глубокой структурной перестройки испытывают потребность именно в долгосрочных кредитах. Видимо, эта проблема будет решаться в процессе дальнейшего развития рынка капитала в ходе конкурентной борьбы между его сегментами, каковыми выступают рынок заемного капитала и рынок ценных бумаг.

Уже в настоящее время емкость внутреннего фондового рынка отнесется к числу крупнейших среди развивающихся рынков. Четко выявились основные факторы укрепления российского фондового рынка, к числу которых можно отнести следующие: возросла

капитализация операторов фондового рынка, сложилась устойчивая клиентская база, отработан механизм взаимодействия между брокерами и клиентами, брокерами и торговой системой, преодолена ограниченность финансовых ресурсов, поступающих на фондовый рынок, произошла переориентация кредитных компаний с управления финансовыми потоками на капитализацию фирмы, снижены барьеры для входа на фондовый рынок для реципиентов инвестиций, принят Кодекс корпоративного поведения, что уже привело к увеличению до 50% числа компаний, выполняющих его требования.

Наряду с этими факторами необходимо усиление роли государства в формировании фондового рынка: прямое участие в выводе на рынок эмитентов, в создании новых финансовых инструментов, в усилении стимулирующей роли государства путем установления налоговых приоритетов, способствующих притоку инвестиций в реальный сектор экономики через рынок ценных бумаг, превращение самого рынка — в рынок рублевых активов. Иными словами, перспективы развития российского фондового рынка, как и других институтов рыночной инфраструктуры, безграничны.

6.2. Особенности взаимодействия реального и финансового секторов в переходной экономике России

Среди этих особенностей отметим прежде всего то обстоятельство, что при либеральной модели рыночной трансформации доминирующей является денежно-кредитная и финансовая политика. Вашингтонской доктриной резонно предполагалось, что либерализация экономической деятельности явится достаточной предпосылкой для формирования рыночной экономики постсоциалистических стран. Как уже отмечалось, рыночные отношения прокладывали себе дорогу еще в недрах социализма. Однако совершенно особая ситуация сложилась на исходе 80-х годов, когда принятое в эти годы сугубо прорыночное законодательство создало юридические предпосылки для бурного развития рыночных отношений. С начала 90-х годов оно приобрело лавинообразный характер в связи с провозглашением официального курса на рыночные

преобразования и начавшейся либерализацией экономики, направленной на ее разгосударствление.

Данной, монетаристской по своему происхождению, моделью предусматривался по существу стихийный процесс преобразования плановой экономики в рыночную путем создания необходимой для этого правовой базы. Государственному регулированию подлежала главным образом финансовая система методами кредитно-денежной и финансовой политики, под проведение которой и создавались соответствующие институты. Разыгравшаяся в экономике стихия в содержательном плане предстала процессом первоначального накопления капитала, в ходе которого происходит отделение непосредственных производителей от средств производства, совместными собственниками которых они были. Ранее созданные объекты общенародной собственности в ходе жесткой конкурентной борьбы в первую очередь за наиболее прибыльные и перспективные из них, переходят в частную собственность в различных ее формах индивидуального и совместного присвоения.

Наряду с широким использованием криминальных методов в борьбе за присвоение объектов государственной собственности в ходе ваучерной приватизации и постваучерного передела собственности еще на исходе 90-х годов начался активный процесс накопления денежного капитала. Капитал именно в такой форме выступает историческим предшественником промышленного. В накоплении денежного капитала институты финансовой системы, и прежде всего коммерческие банки, сыграли выдающуюся роль. Они сумели в исторически кратчайшие сроки осуществить аккумуляцию свободных денежных средств предприятий реального сектора экономики и сбережений населения. На это была направлена вся многоаспектная финансово-спекулятивная деятельность коммерческих банков, где объектами спекуляций выступали ваучеры, скупавшиеся по бросовым ценам у обнищавшего населения, корпоративные и государственные ценные бумаги, валюта, недвижимость и пр. Наряду с этим коммерческие банки причастны к оттоку денежного капитала за рубеж, уходу предприятий в тень, к отмыванию грязных денег, что также чрезвычайно способствовало их быстрому обогащению. В этих же целях создавались всякого рода заведомо мошеннические по своему назначению структуры, как то: «Русский дом Селенга», «Властелина», «Тибет», финансовая пирамида МММ и пр. Огром-

ную роль в накоплении денежного капитала сыграла и торгово-посредническая деятельность, оказавшаяся в высшей степени прибыльной в изголодавшейся стране всеобщего хронического дефицита. Ее разворачиванию в немалой мере способствовали и коммерческие банки, широко кредитующий данный наименее рискованный вид деятельности, к тому же не требующий долгосрочных кредитов, не говоря уже о том, что и сами банкиры сплошь и рядом начинали свою предпринимательскую деятельность с торговли, позволившей им в кратчайшие сроки накопить капитал, необходимый для создания банков. Последние открывали еще большие перспективы для накопления денежного капитала, а тем самым и доступ к объектам реального сектора экономики.

Весьма специфичным оказалось и поведение государства как субъекта финансовой системы, в качестве такового по существу заново, то есть по законам рыночной экономики, формировавшего и проводившего в жизнь финансовую и кредитно-денежную политику. Такая специфика была порождена крайне тяжелым финансовым положением, в котором оказалось государство, обремененное огромным долгом и острым дефицитом своего бюджета. Эти обстоятельства вынудили его сформировать экономически не вполне обоснованную налоговую систему. Посредством такой системы государством изымалась едва ли не вся прибыль предприятий, что не только еще более ухудшало их и без того тяжелое финансовое положение, тем самым ставя их на грань разорения и вынуждая уходить в тень, но подрывало налогооблагаемую базу в долгосрочном периоде. И все-таки в 90-е годы возобладали текущие фискальные интересы государства, что позволило к началу века успешно разрешить остроактуальные на тот момент проблемы. В последующий период налоговая система претерпела существенные изменения в сторону ее усовершенствования, продолжающегося и поныне.

Весьма сложной оказалась в переходный период проблема регулирования кредитно-денежной сферы. Будучи таковой по своей природе, она была крайне осложнена финансовой дестабилизацией начала 90-х годов, порожденной либерализацией цен в стране хронического дефицита с высокомонополизированной экономикой. Гиперинфляция приняла угрожающие масштабы. В целях ее преодоления была разработана и проводилась в жизнь политика денежных рестрикций. Однако она оказалась недостаточно экономи-

чески обоснованной уже вследствие того, что не вполне адекватно была определена природа инфляции как инфляции спроса (хотя преобладала инфляция предложения), а следовательно, и методы ее преодоления. В сложившихся условиях ЦБ РФ фактически перестал быть единым эмиссионным центром в стране. Образовавшийся дефицит денежной массы в обращении стал стремительно замещаться всякого рода денежными суррогатами. Повсеместное распространение получили бартерные сделки между предприятиями. Кризис неплатежей принял всеобщий характер.

Не лучшим образом регулировалось и кредитное обращение. Введение высокой ставки рефинансирования сделало кредит практически недоступным для большинства российских предприятий, хотя потребность в нем была чрезвычайно велика в условиях, когда непомерными налогами изымались едва ли не полностью их собственные инвестиционные источники, а фондовый рынок находился в эмбриональном состоянии, прежде всего опять-таки в силу тяжелого финансового положения большинства акционированных предприятий, тем более что по итогам ваучерной приватизации они оказались в руках инсайдеров, не обладавших инвестициями.

Итак, в переходный период складывается весьма специфичное взаимодействие реального и финансового секторов национальной экономики в странах, избравших либеральную модель рыночной трансформации. Формы проявления этой специфики многогранны. Но, как представляется, суть этой специфики состоит в том, что деятельность финансового сектора в переходной экономике сосредоточилась прежде всего не на обслуживании потребностей реального сектора. Усилия институтов финансовой системы были направлены на накопление денежного капитала, что не только не укрепляло позиции реального сектора, но, напротив, во многом способствовало разрушению последнего. И в этой связи напомним, что частичное разрушение унаследованной макроэкономической структуры было неизбежно ввиду ее несоответствия критериям становящейся рыночной экономики. Реструктуризация последней может быть осуществлена лишь промышленным капиталом. Но образованию последнего предшествует накопление денежного капитала. Деятельность институтов финансовой системы, коммерческих банков прежде всего, и была сосредоточена на формировании денежного капитала. Последний предназначался для участия

в денежном этапе приватизации и в постприватизационном переделе объектов собственности, в ходе чего и происходило его превращение в промышленный. А уже деятельность последнего прямо и непосредственно направлена на возрождение реального сектора экономики, на преодоление унаследованных структурных и технологических диспропорций. С этой точки зрения правомерно говорить о том, что разрушение реального сектора, особенно интенсивно протекавшее в российской экономике вплоть до конца 90-х годов, носило все же созидательный характер: таким разрушением высвобождалось экономическое пространство для деятельности нового класса собственников, преобразующих структуру народного хозяйства в соответствии с критериями рыночной экономики.

Финансовый кризис 1998 г. засвидетельствовал исчерпание финансовой системой своего потенциала в качестве механизма формирования денежного капитала, что и явилось одной из причин ее краха, хотя были и другие, не менее важные, как, например, крупномасштабная несбалансированность государственных доходов и расходов в условиях высокого государственного долга и дефицита федерального бюджета, крайне усугубленная резким падением мировых цен на энергоресурсы. Вместе с тем всякий кризис насильственным путем снимает накопленные в предшествующий период противоречия, чем и создаются предпосылки для экономического возрождения. Примечательно, что начавшийся буквально на следующий год экономический рост в немалой мере оказался следствием превращения денежного капитала в промышленный, хотя имели значение и другие факторы, как то: протекционистский эффект девальвации рубля, начавшийся рост мировых цен на энергоресурсы и пр. Вместе с тем экономический рост сдерживался тем, что накопленный в стране денежный капитал превращался в промышленный далеко не в полной мере. Значительная его часть была вывезена за рубеж. Нелегальный вывоз капитала не преодолен и поныне, одной из главных причин чего является в современных условиях неопределенность во взаимоотношениях государства и бизнеса.

В посткризисный период взаимодействие между реальным и финансовым секторами российской экономики стало складываться уже в традиционном для рыночной экономики виде. Вновь формирующаяся теперь уже по мере возрождения реального сектора финансовая система выполняет свою прямую функцию —

обслуживает соответствующие потребности последнего в меру своих все еще весьма скромных возможностей, что соответствует этапу становления рыночной экономики.

Вопросы для повторения:

1. Чем определяется функциональное многообразие институтов рыночной инфраструктуры?
2. Каковы факторы становления и функционирования институтов рыночной инфраструктуры в переходной экономике?
3. С чем связаны перспективы дальнейшего развития институтов рыночной инфраструктуры в российской экономике?
4. В чем причины и каковы последствия финансового кризиса 1998 г. в России?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Особенности становления финансовой системы в российской экономике.
2. Институты финансовой системы и их функции.
3. Особенности взаимодействия финансового и реального секторов в переходной экономике.
4. Причины и последствия финансового кризиса 1998 г.

Литература:

1. Глазьев С. Бюджет-2003: очередной выбор социально-экономической политики//РЭЖ. — 2003, №2.
2. Головин М. Банковская система в переходных экономиках//МЭиМО. — 2003, №2.
3. Ершов М. О финансовом механизме экономического роста//Вопросы экономики, 2002, №12.
4. Инвестиционный потенциал отечественного фондового рынка. Рубрик//Вопросы экономики. — 2003, №7.
5. Саркисянц А. О роли банков в экономике//Вопросы экономики. — 2002, №12.
6. Теоретические проблемы переходной экономики: Учебно-методическое пособие/Под ред. В.В. Радаева. — М.: ТЕИС, 2003 (гл.6.2).
7. Теория переходной экономики: Учебное пособие/Под ред. В.В. Герасименко. — М.: ТЕИС, 1997 (гл. 2.1., 5.1., 5.2).

Тема VII. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Иногда накапливается столько мусора, что выбрасывать его кажется расточительством.

Станислав Ежи Лец

План:

1. Макровоспроизводство как экономическое понятие. Концепция больших циклов конъюнктуры.
2. Макроэкономическая несбалансированность постсоциалистической экономики: причины и основные формы ее проявления.
3. Структурная диверсификация народного хозяйства — основа экономического роста.

7.1. Макровоспроизводство как экономическое понятие. Концепция больших циклов конъюнктуры

Воспроизводство есть непрерывное возобновление процесса производства, в ходе которого создается ВВП, обеспечивается прирост национального богатства, воспроизводится система экономических отношений. Воспроизводство предстает единством процесса производства и процесса обращения. Посредством последнего осуществляется реализация произведенной товарной массы, ее доведение до конечного потребителя. Воспроизводство можно рассматривать на макро- и микроуровнях или на уровне общественного и индивидуального воспроизводства, где общественное предстает совокупностью индивидуальных воспроизводств, внутренне взаимосвязанных кругооборотом и оборотом капитала. В рыночной экономике, имеющей атомизированное строение с точки зрения форм собственности, придающих экономической обособленность

самостоятельно хозяйствующим субъектам, воспроизводство выступает прежде всего как индивидуальное, в противоположность социалистической экономике с ее общенародной собственностью, такую обособленность полностью снимающей. Вследствие этого воспроизводство выступает здесь прежде всего как общественное, где все народное хозяйство функционирует как единая фабрика.

С точки зрения количественной воспроизводство выступает простым и расширенным, причем простое образует исходный пункт и важнейшую составную часть расширенного. Общей закономерностью экономического развития является расширенное воспроизводство. Источником простого воспроизводства служит амортизационный фонд, расширенного — капитализируемая часть полученного в той или иной исторически определенной форме прибавочного продукта.

Экономический рост имеет две формы: экстенсивную и интенсивную. Экстенсивный рост достигается за счет вовлечения в процесс производства не претерпевших принципиальных изменений добавочных факторов производства, интенсивный — за счет качественного совершенствования последних. Единство типов экономического роста складывается в пределах промышленного цикла, составляющего всеобщую форму движения воспроизводственного процесса в условиях механизации производительных сил. В процессе воспроизводства элементы основного капитала подвергаются физическому и моральному износу: физическому — вследствие употребления и неупотребления, моральному — вследствие непрерывности НТП, обесценивающего старую и порождающего принципиально новую технику и технологию. В экономическом развитии отдается предпочтение ориентации на моральный износ, чем обеспечивается своевременное технико-технологическое обновление производства. Потери от досрочного по меркам физического износа выбытия морально устаревших техники и технологии компенсируются ростом производительности труда, что обеспечивается технико-технологическим обновлением производства, а также широко и давно практикуемой в развитых странах системой ускоренной амортизации.

В процессе воспроизводства экономика находится в состоянии непрерывного движения, которое можно рассматривать в статике и динамике. Первое осуществляется вне изменений во времени,

второе предполагает такое изменение в следующих формах: эволюции, то есть как необратимого, неповторимого процесса, либо волнообразного, циклического, повторяющегося всякий раз на более высоком уровне, при разной продолжительности промышленного цикла. В этой связи выделяют циклы краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные с тенденцией к сокращению их продолжительности под воздействием ускоряющегося НТП. Краткосрочный кризис связан с сезонностью сельскохозяйственного производства, среднесрочный — со средней продолжительностью службы основного производственного оборудования, долгосрочный — со сроком службы «основных капитальных благ» (Н.Кондратьев). Среднесрочный цикл имеет четыре функционально определенные фазы, которые взаимополагают, взаимоисключают, а также взаимопереходят одна в другую в определенной последовательности, взаимодействуя таким образом между собой.

Фаза кризиса является завершающей предшествующий цикл и начинающей новый, то есть является циклообразующей. Она характеризуется абсолютным падением масштабов производства, ростом безработицы, инфляцией, социальными конфликтами. Функциональное назначение кризиса — снятие накопленных в течение предшествующего цикла противоречий, достигаемое технико-технологическим обновлением производства и корректировкой в соответствии с этим ранее сложившейся макроэкономической структуры. Такая корректировка сопровождается вымыванием морально устаревшего производства и его последующим массовым технико-технологическим обновлением. Все это сопровождается массовым банкротством безнадежно морально устаревших предприятий, перепрофилированием, слиянием, поглощением, реорганизацией, разукрупнением действующих предприятий в целях их оздоровления. Все это неизбежно порождает экономический спад. Кризисный спад оказывается особенно глубоким в том случае, если осуществляется переход к принципиально новому технологическому укладу. Последний предстает комплексом взаимосвязанных и взаимодополняющих производств, объединенных в единый воспроизводственный процесс, соответствующий реализации определенного этапа НТП. Конкретизация этапов механизации производительных сил позволила выявить шесть таких укладов в истории машинной стадии их развития на основе следующих клю-

чевых признаков: производство и распространение текстильных машин, с чего и началась история индустриализации ныне развитых стран; изобретение и распространение парового двигателя; изобретение и распространение электродвигателя, выплавка стали; изобретение и распространение двигателя внутреннего сгорания, нефтехимия; микроэлектроника, авиакосмическая промышленность; биотехнология.

Вслед за кризисом следует фаза депрессии, характеризующаяся энергичной реструктуризацией, заменой устаревшего оборудования новым, соответствующей переподготовкой рабочей силы. Тем самым создаются необходимые предпосылки для оживления воспроизводственного процесса, всей экономической жизни общества, что и завершается бумом, когда достигается максимальный выход готовой продукции, исчерпывается потенциал роста производительности общественного труда и снижения трансформационных и транзакционных издержек на базе данного поколения техники и технологии. Преодоление этой ограниченности достигается переходом к новому поколению, в котором материализуются очередные достижения в развитии фундаментальных естественных наук. Эти достижения становятся основой дальнейшего роста эффективности общественного производства, но в пределах уже следующего делового цикла.

В эпоху свободной рыночной экономики циклическое развитие протекало стихийно. Однако по мере накопления научно-производственного, трудового, интеллектуального и пр. потенциалов разрушительные последствия кризисного спада принимали все более катастрофические масштабы. Самым глубоким и продолжительным в истории развитых стран был, как известно, кризис 1929—1933 гг. Он явился переломным в истории капитализма. Впервые в его преодолении огромную роль сыграла антикризисная политика государства, что и положило начало превращению последнего в один из экономических субъектов, исторически исходной функцией которого явилось антикризисное регулирование, направленное прежде всего не только на преодоление данного кризиса, но и на предотвращение в будущем подобного масштаба бедствий путем сглаживания циклических колебаний. Новая реальность получила отражение и в науке. Впервые в мировой экономической науке было дано теоретическое обоснование активной антикризисной позиции государства. Тем са-

мым отнюдь не принижалась значимость рыночного механизма регулирования. Но вместе с тем теоретическое осмысление накопленного за прошедшее столетие опыта циклического движения воспроизводственного процесса позволило перейти к практике сглаживания циклических колебаний самыми различными способами и методами — экономическими и административными, прямыми и косвенными — государственной экономической политики, вплоть до программирования и прогнозирования долгосрочного развития, в основе которого лежит теория промышленных циклов. Наиболее преуспел на этом поприще выдающийся американский ученый В. Леонтьев, участвовавший в разработке стратегических программ экономического развития целого ряда стран.

Наряду со среднесрочными действуют долгосрочные циклы, порождаемые наличием в основном капитале объектов длительного пользования, — производственных зданий, сооружений, производственной, транспортной, коммунальной и пр. инфраструктуры. Это так называемые «основные капитальные блага». Особенности воспроизводства этих благ и порождают большие циклы конъюнктуры, концепция которых разработана русским ученым Н.Д. Кондратьевым в середине 20-х гг. XX в. Будучи директором Института конъюнктуры, он определял ее следующим образом: это «направление и степень изменения совокупности элементов народно-хозяйственной жизни по сравнению с предшествующим периодом» (Н.Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989, с.70).

Основные положения концепции больших циклов конъюнктуры состоят в следующем:

- наряду с краткосрочными и среднесрочными циклами в экономике действуют долгосрочные — продолжительностью в 48—55 лет;
- долгосрочные циклы были установлены на основе изучения статистических данных о динамике цен, банковского процента, заработной платы рабочих ведущих отраслей, данных о производстве чугуна и угля, о посевных площадях под пшеницу и хлопок, о внешней торговле и пр. по следующим странам: Англия, Франция, Германия, САСШ;
- данные, собранные за период с конца XVIII века до 1920 года и обработанные методами математической статистики, показали

наличие циклической волны в 48–50 лет, расхождения — в пределах 5 лет;

- периоды больших циклов включают две волны: повышательную и понижательную. В пределах первого цикла повышательная волна длилась с конца 1780-х — начала 1790-х годов до 1810–1817 гг., понижательная — с 1810–1817 до 1844–1851 годов; в пределах второго цикла повышательная волна длилась с 1844–1851 до 1870–1875 гг., понижательная — с 1870–1875 до 1890–1896 годов; в пределах третьего цикла соответственно с 1890–1896 до 1914–1920 годов, с которых и началась очередная понижательная волна. Проф. Якобом ван Дейном (Амстердамский университет) не только были уточнены даты предшествовавших циклов, но и выявлены последующие вплоть до конца XX века: первый цикл охватывает период с 1782 по 1845 гг., его продолжительность составила 63 года, второй цикл — 1845–1892 гг. продолжительностью в 47 лет, третий — с 1892 по 1948 гг. продолжительностью в 56 лет, четвертый — с 1948 по 1992 гг. продолжительностью в 44 года. С 1992 г. началась повышательная волна пятого цикла.

На основе полученных данных Н.Д. Кондратьевым установлены четыре эмпирические правильности большого цикла конъюнктуры, т. е. присущие ему закономерности:

— перед началом повышательной волны наблюдаются глубокие экономические изменения, как то: базовые технологические изобретения и их воплощение в новой технике, появление новых отраслей хозяйства, вовлечение в мировую экономику новых стран, изменения в добыче золота и денежного обращения;

— на период повышательной волны приходится наибольшее число социальных потрясений (войны, революции);

— на период понижательной волны приходится наиболее длительная депрессия сельскохозяйственного производства;

— в период повышательной волны среднесрочные циклы характеризуются краткостью фазы депрессии, в период понижательной — наибольшей ее продолжительностью.

Был изучен период в 140 лет, что и позволило сделать вывод о том, что «большие циклы конъюнктуры весьма вероятны».

Финансовый механизм этого процесса — образование гигантского капитала и его концентрация в мощных предпринимательских центрах, малая степень связанности этого капитала. Есть и

внеэкономические факторы больших циклов, к числу которых были отнесены такие, как насыщенность сложившегося стереотипа потребностей, необходимость перехода к иному качеству жизни, с иным набором потребительских благ и услуг. Смена поколений с иным типом экономической культуры порождает понижательную волну, в недрах которой происходят крупные базовые изменения (открытия, изобретения, формируются источники их финансирования). Дается обоснование и причин, порождающих большие циклы конъюнктуры: «Основная причина их лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания новых производительных сил. Однако действие этой основной причины усиливается действием вторичных факторов» (Н.Д. Кондратьев. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989, с. 226).

Концепция больших циклов конъюнктуры не получила всеобщего признания, что, однако, не принижает ее практической значимости в качестве теоретической основы макроэкономического программирования. Важно и то, что в рамках данной концепции разрабатывалось учение об экономической генетике и экономической эволюции, был определен тренд макроэкономического развития мировой экономики. Все эти вопросы заслуживают дальнейшего углубления.

7.2. Макроэкономическая несбалансированность постсоциалистической экономики: причины и основные формы проявления

Унаследованная от социализма структура народного хозяйства формировалась под воздействием специфических внутренних и внешних факторов. Она оказалась не соответствующей ни природе социализма, если, конечно, верить официально провозглашенной направленности социалистического развития на неуклонный рост жизненного уровня всего населения, ни общей экономической закономерности, проявляющейся в повышении жизненного уровня по мере внедрения НТП. Вместе с тем такая структура формировалась в течение целых десятилетий соответствующими государственными институтами совершенно сознательно и по крите-

риям существующей системы воспринималась вполне сбалансированной.

Смена экономических систем сопровождалась и сменой критериев макроэкономической сбалансированности. С позиции принципиально иного критерия унаследованная макроструктура оказалась глубоко деформированной. Формы проявления несбалансированности данной макроструктуры оказались весьма многообразными. В наиболее общем виде их можно свести к структурным и технологическим дисбалансам. Структурный дисбаланс выразился в приоритетном развитии первого подразделения общественного производства, то есть отраслей тяжелой промышленности, продукция которых доминировала в валовом общественном продукте, в отставании отраслей второго подразделения и особенно сельского хозяйства, в неразвитости сферы услуг. Технологический дисбаланс материализовался в четко выраженном технологическом лидерстве ВПК и технологической отсталости гражданского комплекса. Советская экономика с этой точки зрения страдала крайней технико-технологической неоднородностью: на уровне современных технологических укладов находились лишь отрасли ВПК, а в целом по народному хозяйству преобладал ручной труд, особенно в сельском хозяйстве, где не была завершена даже первичная механизация. Но и своим технологическим лидерством ВПК обязан не природе общенародной собственности, отторгающей НТП. Как уже отмечалось, оно было обусловлено тем, что этот комплекс фактически оказался поставленным в условия внешней конкуренции и проигрыш в ней был смертю подобен.

Наличие таких структурных и технологических дисбалансов выдвинуло в число наиболее актуальных проблему их устранения, что требует немалого времени, средств и усилий, тем более что в переходный период был еще более углублен инвестиционный кризис предшествовавшего периода, не говоря уже о том, что экономические агенты инвестиционного процесса находятся в стадии формирования.

Процесс реструктуризации народного хозяйства протекал в российской экономике в течение 90-х годов преимущественно стихийно. Это было обусловлено прежде всего сменой хозяйственного механизма и его институтов. Плановый механизм, механизм дирек-

тивного централизованного народно-хозяйственного планирования, рухнул еще до официального провозглашения рыночных преобразований, а рыночный как механизм конкурентной борьбы в исходном пункте по определению является стихийным. К тому же институты рыночной инфраструктуры, регулирующие те или иные экономические процессы, как то: функционально различные виды бирж, коммерческие банки, страховые и инвестиционные компании, негосударственные пенсионные фонды и пр. — складываются лишь по мере преобразования отношений собственности как основополагающего институционального преобразования. Да и само государство в рыночной экономике в немалой мере способствует поддержанию конкурентной среды, на что направлено, в частности, его антимонопольное регулирование, равно как и государственный сектор функционирует по законам рыночной экономики. В переходной постсоциалистической экономике усилия государства направлены на глубокие институциональные преобразования. Под его полным контролем, по существу, оставался лишь ВПК. В общественном воспроизводстве, в области структурных преобразований возобладали стихийные процессы, протекавшие под воздействием преимущественно законов конкурентной борьбы, в ходе которой наибольшие потери понесли технологически отсталые отрасли гражданского комплекса. И это вполне естественно, коль скоро только 20% сосредоточенного в нем производственного оборудования оказалось на уровне мировых стандартов. При таких обстоятельствах неудивительно, что спрос на потребительские товары и поныне в значительной мере удовлетворяется за счет импорта.

Преодоление унаследованных диспропорций носило на первых порах преимущественно разрушительный характер, так как речь шла прежде всего о ликвидации избыточных производственных мощностей. Таковые сосредоточились в отраслях тяжелой промышленности и ВПК. Но так как именно здесь сконцентрировалось высокотехнологичное наукоемкое производство, сохранить которое в полной мере не представлялось возможным вследствие избыточности производственных мощностей, сосредоточенных в этом комплексе, то реструктуризация начала 90-х годов неизбежно сопровождалась деиндустриализацией унаследованного научно-производственного потенциала. Еще более драматично по своим

последствиям протекала реструктуризация в гражданском комплексе, в отраслях второго подразделения, который вследствие своей технологической отсталости пал жертвой сокрушительной для него конкуренции извне, хотя сосредоточенные здесь производственные мощности были недостаточными даже по меркам социализма, что находило выражение в наращивании вынужденных сбережений, составлявших к исходу социализма порядка 20–30% розничного товарооборота.

На фоне массового разорения предприятий обрабатывающей промышленности резко возрос удельный вес отраслей ТЭК, что означало деградацию структуры народного хозяйства в целом. Это произошло вследствие того, что именно этот комплекс оказался наиболее конкурентоспособным в условиях внешней открытости благодаря высоким ценам на мировом рынке на энергоресурсы, равно как и на продукцию отраслей первого передела. Тем не менее производственное оборудование устарело и в экспортно-ориентированных отраслях. И это при том, что нефтедобыча в России в 10 раз дороже, чем в странах Ближнего Востока. Между тем данный комплекс все еще не утратил своей особой значимости в российской экономике, оставаясь донором для ее обрабатывающей промышленности, технико-технологическое обновление которой сдерживается дефицитом инвестиционных средств.

Высокий удельный вес даже физически устаревшего оборудования является естественным следствием завышенного в советский период среднего срока службы основного производственного оборудования, установленного на уровне 25 лет, при том что в развитых странах он не превышает 10 лет. Степень износа оборудования в российской промышленности оказалась на уровне 50%, а в отдельных отраслях — свыше 70%.

По мере вымывания неперспективных предприятий и едва ли не целых отраслей народного хозяйства реструктуризация российской экономики приобретает все более созидательный характер. Ее главным действующим лицом все в большей мере становится промышленный капитал, организованный в виде крупного, среднего и малого бизнеса. Особенно велика роль крупных корпоративных структур, ориентированных на создание современного высокотехнологичного производства, без которого не выжить в условиях жесткой межстрановой конкурентной борьбы. По мере сокраще-

ния государственного долга активизируется инвестиционная деятельность и самого государства как макроэкономического субъекта. Последнее обстоятельство порождает особые направления данного вида его деятельности, придает ей особую значимость.

Фактором, весьма затрудняющим процесс реструктуризации народного хозяйства, по-прежнему остается дефицит инвестиционных средств, обусловленный следующими обстоятельствами:

- тяжелым финансовым положением большинства предприятий, сложившимся к началу рыночной трансформации и усугубленным обесценением основных фондов и оборотных средств под воздействием гиперинфляции начала 90-х годов;
- слабостью институтов рыночной инфраструктуры, и прежде всего фондовой биржи и банковской системы, не вполне оправившихся после финансового кризиса 1998 г.;
- все еще незначительным относительно потребностей притоком прямых иностранных инвестиций;
- невозможностью введения системы ускоренной амортизации ввиду низкого платежеспособного спроса населения;
- нецелевым использованием амортизационного фонда в условиях дефицита оборотных средств;
- резким сокращением инвестиционной деятельности самого государства вследствие огромного долга, образовавшегося к началу и в первые годы рыночных преобразований.

Все еще велико число убыточных предприятий, составивших к началу нового века порядка 40%. Они не только не обладают инвестиционным потенциалом, но и сама судьба их весьма неоднозначна с точки зрения их способности вписаться в новую структуру народного хозяйства.

Не вполне преодолены объективные факторы, сдерживающие инвестиционную активность новых собственников, среди которых можно отметить следующие:

- во многом преодоленный неблагоприятный инвестиционный климат тем не менее сохраняет свою неустойчивость, порождая, например, не всегда глубоко продуманными действиями государства, вызывающими негативную реакцию со стороны бизнеса;
- отвлечение значительной доли свободного денежного капитала на участие во все еще не завершенном разделе и переделе объектов собственности.

Между тем потребность отечественной экономики в инвестициях огромна. Коренная реструктуризация предполагает не только преодоление структурных дисбалансов и технико-технологической неоднородности, но выход всем массивом экономики на уровень современных технологических укладов, соответствующих постиндустриальному развитию, а следовательно, создание принципиально новых видов производств, сбалансированных по критериям развитой рыночной экономики. По существу речь идет о диверсификации российской экономики, направленной прежде всего на преодоление сырьевой зависимости, на ее модернизацию в целях преодоления технологических дисбалансов. При накопленном инвестиционном потенциале, имеющихся возможностях его наращивания и неоднозначных перспективах его ориентации на отечественную экономику — напомним, что нелегальный экспорт отечественного капитала и по сей день исчисляется миллиардами долларов в год, — массе весьма актуальных, но все еще не решенных проблем трудно строить прогнозы относительно сроков завершения реструктуризации народного хозяйства. Однако вполне естественно, что она, по своей природе будучи долгосрочной проблемой, может оказаться еще более длительной во времени. Между тем реализация амбициозных планов относительно темпов экономического роста прямо и непосредственно связана с преобразованием сложившейся структуры народного хозяйства.

7.3. Структурная диверсификация народного хозяйства — основа экономического роста

Глобальная реструктуризация российской экономики направлена прежде всего на необходимость преодоления сформировавшихся в предшествующий период дисбалансов. Уже в силу своих масштабов такая проблема не может быть осуществлена без активного участия государства, так как только оно выступает в качестве макроэкономического субъекта, способного воздействовать на формирование структуры народного хозяйства в целом, руководствуясь при этом общенациональными интересами. Но для этого необходима долгосрочная программа преобразований, разработка которой немыслима без широкого привлечения ученых — специа-

листов в данной области. В свою очередь ее реализация предполагает проведение не только денежно-кредитной и финансовой, но прежде всего активной промышленной, структурной политики, которая должна стать доминирующей среди других направлений политики с выделением соответствующих приоритетов в бюджетных расходах.

Это отнюдь не означает, что именно государство должно монополизировать инвестиционную деятельность, как это было при социализме. Оно выступает одним из экономических субъектов рыночной экономики, функции которого в диверсификации народного хозяйства предопределены особым положением данного института. Однако основная инвестиционная нагрузка в воспроизводственном процессе падает на промышленный капитал в облике разномасштабного бизнеса, выступающего в соответствующих организационных формах крупного, среднего и малого бизнеса, каждый из которых занимает соответствующую масштабам капитала нишу. Функция государства состоит в том, чтобы задать направление инвестиционному потоку в соответствии с общенациональными интересами. Но еще ранее должен быть сформирован устойчивый, благоприятный инвестиционный климат, образующий исходную предпосылку для развертывания частнопредпринимательской инвестиционной деятельности усилиями отечественного и иностранного капитала, равно как и для активизации деятельности институтов рыночной инфраструктуры во всем их функциональном многообразии, порожденном потребностями реального сектора экономики. Состояние такого климата во многом определяется самим государством. На современном этапе рыночной трансформации российской экономики укрепление инвестиционного климата предполагает прежде всего уверенность крупного капитала в том, что действительно не будет пересмотра итогов приватизации. Этот вопрос приобрел особую актуальность в свете непростых и не вполне однозначных взаимоотношений власти и бизнеса. Неясность, непрозрачность этих отношений, а следовательно, и судьбы так называемых олигархов сдерживает инвестиционную активность крупного капитала, препятствует переходу от восстановительного роста к инвестиционному, стимулирует отток капитала за рубеж, препятствует притоку прямых иностранных инвестиций вследствие неопределенности перспектив. Нена-

дежной воспринимается и сама законодательная система. Эти сомнения имеют основания в условиях устойчивости социалистического менталитета, проявляющегося во все чаще раздающихся призывах «отнять и поделить». И это при том, что приватизация осуществлялась в стране самим государством в соответствии с им самим разработанным и принятым к исполнению законодательством.

Как известно, исходной базой экономического роста на приватизированных объектах явились оказавшиеся незагруженными в условиях спада производственные мощности. Но если прирост ВВП они действительно способны обеспечить, то возможности их использования в процессе глобальной реструктуризации крайне ограничены тем, что их потенциал в значительной мере был исчерпан еще в советский период едва ли не повсеместным физическим износом безнадежно морально устаревшего основного производственного оборудования практически во всех отраслях народного хозяйства. Но неизбежность их скорого выбытия, с одной стороны, подрывает базу роста в текущем периоде, с другой — порождает необходимость их возмещения на качественно новой технико-технологической основе, что оказывается моментом модернизации научно-производственного потенциала, крайне осложненной дефицитом инвестиционных средств. Но без мощных инвестиционных вливаний не перейти к устойчивому экономическому росту.

Начавшийся с 1999 г. в российской экономике рост в значительной мере обеспечен донорством отраслей ТЭК, в силу объективно сложившейся на мировых рынках энергоносителей ситуации оказавшегося источником крупных экспортных поступлений. Альтернативы ему в качестве такового не нашлось. Однако высокая зависимость доходов государства от ТЭК и доходов его самого от состояния внешней конъюнктуры формирует крайне неустойчивую и неоднозначную ситуацию для проведения реструктуризации, которая сама по себе предполагает снижение удельного веса продукции добывающих отраслей уже вследствие присущей им низкой добавленной стоимости в структуре ВВП. Вынужденное донорство ТЭК воспрепятствовало формированию более сбалансированного соотношения отраслей обрабатывающей и добывающей промышленности в структуре народного хозяйства. Доля добывающей промышленности в переходный период еще более возросла, хотя

такое увеличение в немалой мере произошло на фоне большого спада в отраслях обрабатывающей промышленности, ни одна из которых на 2003 г. не достигла исходного уровня 1990 г. И поныне основные инвестиции и финансовые накопления сосредоточены в экспортно-ориентированных отраслях, прежде всего в отраслях ТЭК и первого передела, доля которых в совокупном объеме экспорта составляет порядка 50%.

Восстановительный экономический рост, основой которого является использование незагруженных производственных мощностей, имеет весьма ограниченный потенциал. К тому же таким ростом консервируется высокая зависимость российской экономики от импорта потребительских товаров, а это, в свою очередь, препятствует переключению экспортной выручки на инвестиционные цели. Сдерживающим фактором является все еще высокий государственный долг и необходимость его обслуживания, что ограничивает инвестиционные возможности самого государства для осуществления традиционных для макроэкономического субъекта видов деятельности в рыночной экономике.

Реструктуризация осуществляется на фоне крайне неблагоприятных демографических процессов, что проявляется в сокращении численности населения страны, в более быстром уменьшении в ней доли трудоспособного населения, а в нем — наиболее активного мужского, в общем ухудшении генофонда страны.

Мировой практикой накоплен богатый опыт структурной диверсификации национальной экономики, что позволяет отобрать наиболее приемлемые способы и методы ее осуществления для собственной страны. Прежде всего необходимо создать условия, способствующие разворачиванию активной частнопредпринимательской деятельности в равной мере для всех экономических субъектов. И в этой связи по-прежнему актуальной остается не только проблема устойчивости благоприятного инвестиционного климата, но и поиска оптимальных границ и форм вмешательства государства в экономику, формирования конкурентной среды, без которой немыслимо становление конкурентоспособной на мировом уровне экономики, проблема укрепления институтов рыночной инфраструктуры, совершенствования нормативно-правовой базы, направленной прежде всего на укрепление прав собственности и

соблюдение контрактных обязательств, условий ее успешного использования на практике.

Вместе с тем в условиях необходимости коренного изменения структуры народного хозяйства неизбежным оказывается дифференцированный подход государства к созданию более благоприятных условий для ускоренного развития наиболее перспективных отраслей и предприятий. В свою очередь это актуализирует решение государством чрезвычайно сложной и ответственной проблемы всестороннего экономического обоснования таковых в качестве приоритетных не только в теории, но и на практике. А здесь перед макроэкономическим субъектом возникают такие сложности, как ограниченность финансовых ресурсов, давление лоббистских группировок, равно как и государств-импортеров. Преодоление сырьевой ориентации российской экономики невозможно без изменения сложившегося соотношения в присвоении природной ренты. Так, во всех странах сверхприбыль у нефтяных компаний изымается в соотношении 20:80 в пользу государства, в России и поныне — 50:50 (Известия, 19 декабря 2003). При всей очевидной несостоятельности такого дележа изменить ситуацию в силу мощного давления лоббистских группировок так и не удалось.

Отметим еще один важный аспект проблемы приоритетов в ходе диверсификации экономики. С одной стороны, государство не может не ориентироваться на более полное удовлетворение конечных потребностей в рамках индустриального развития и в этой связи на наращивание масштабов производства и удешевление продукции. Однако ориентация в долгосрочном периоде на современное постиндустриальное развитие превращает в приоритетный объект государственного воздействия высокотехнологичное наукоемкое производство.

В среднесрочном периоде механизмом стимулирующего воздействия на развитие несырьевого производства является совершенствование налоговой и таможенной системы изъятия природной ренты, создание эффективной системы поддержки экспорта, малого и среднего бизнеса, сельскохозяйственного производства. Так, обеспечению стабильности доходов от экспорта способствуют такие меры, как введение системы страхования экспортных контрактов на поставку продукции перерабатывающей промышленности, формирование системы гарантирования экспортных

кредитов под долгосрочные экспортные контракты, расширение практики предоставления связанных кредитов прежде всего странам СНГ.

Особую роль в диверсификации народного хозяйства может сыграть малый и средний бизнес в силу присущих ему таких специфических свойств, как обладание предпринимательской инициативой, инновационным потенциалом, готовность к риску, мобильность в принятии и реализации решений, непосредственный контакт с потребителем и пр. Повышению эффекта частнопредпринимательской деятельности способствует решение государством таких острых проблем, как упрощение налогового учета и отчетности, внедрение упрощенной системы налогообложения среднего бизнеса по типу малого, обеспечение доступа малых предприятий к информации о наличии государственных и муниципальных объектов недвижимого имущества, их предназначенных для продажи и передачи в аренду, статуса, состояния, цен, равно как и упрощение процедуры оформления прав арендных отношений в государственных и муниципальных органах власти, а также операций с собственностью, используемой в предпринимательских целях.

Диверсификация народного хозяйства предполагает оздоровление сельскохозяйственного производства, находящегося в чрезвычайно сложной ситуации. Это тем более важно, что именно данной отраслью обеспечивается национальная продовольственная безопасность страны. Ее возрождение осуществляется путем создания благоприятных условий для развития рыночных отношений на селе, повышения на этой основе конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, вытеснения ею импорта и наращивания собственного экспортного потенциала. Развитие таких отношений связано с разработкой и реализацией земельного законодательства, с завершением приватизации в АПК в целях сокращения количества государственных предприятий и организаций в нем, со снятием ограничений на вертикальную интеграцию в аграрном секторе при одновременном усилении антимонопольного контроля в целях предотвращения чрезмерной концентрации на рынке и подавления малого и среднего бизнеса, преобладающего в сельской местности. Преобразование аграрных отношений в рыночные предполагает формирование рыночных институтов и инф-

раструктуры, как то: биржа, система складских расписок, страхование рисков в сельскохозяйственном производстве и пр. Совершенствование единого сельскохозяйственного налога (использование чистого дохода в качестве базы налогообложения) способствует снижению налоговой нагрузки на сельскохозяйственных производителей. Становление рыночных отношений способствует наращиванию экспортного потенциала, что в свою очередь требует устранения административных и рыночных барьеров в торговле, разработки системы сертификации сельскохозяйственной продукции на уровне международных требований, завершения аккредитации сертификационных организаций за рубежом, усовершенствования нормативно-правового механизма контроля безопасности и регулирования качества продукции. Все это позволит снижать транзакционные издержки, связанные с экспортом сельскохозяйственной продукции.

Становление в процессе реструктуризации народного хозяйства постиндустриальной экономики, то есть экономики, основанной на знаниях, может быть достигнуто лишь в долгосрочном периоде путем обеспечения высокого уровня образования, создания эффективной инновационной системы, включающей крупные научно-исследовательские центры и университеты, путем приоритетного развития информационного сектора и пр. Основы такой экономики закладываются уже сейчас, в краткосрочном периоде. И здесь первостепенное значение имеет деятельность государства по стимулированию венчурного финансирования. Это тем более необходимо ввиду слабого присутствия российского капитала в венчурной индустрии, низкой ликвидности венчурных инвестиций в силу неразвитости фондового рынка, слабости стимулов для притока прямых иностранных инвестиций, несовершенства нормативно-правового регулирования венчурного инвестирования. И в этой связи весьма настоятельно принятие закона о создании особых экономических зон, вовлечение таких институциональных инвесторов, как страховые компании и пенсионные фонды, в инвестирование венчурных проектов, укрепление нормативной базы, регулирующей деятельность институтов венчурного инвестирования.

Весьма важным фактором становления постиндустриальной экономики является всеобщее распространение новейшей техники и технологии, в советский период в силу ранее рассмотренных причин

традиционно сосредоточенной в отраслях ВПК. Однако механизм взаимного обмена передовой технологией между приходящим на смену ВПК ОПК (оборонно-промышленный комплекс) и гражданским комплексом не сложился и поныне. Наиболее удачной в этом плане является частичная интеграция государственных оборонных предприятий и негосударственных предприятий, производящих продукцию гражданского назначения, сложившаяся в авиа- и кораблестроении. Объединение интеллектуальных и финансовых ресурсов для разработки совместных проектов дает возможность получать наибольший эффект при наименьших затратах, выравнивая при этом уровень технико-технологической оснащенности оборонных и гражданских предприятий. Однако расширение такого совместного сотрудничества требует более совершенного законодательства о защите прав интеллектуальной собственности, носителями которой выступают оборонные предприятия и научные организации.

Реструктуризация российской экономики предполагает создание развитой производственной инфраструктуры рыночного сектора как важнейшей составной части народнохозяйственной структуры тем более, что ее отрасли были крайне слабо развиты в советский период. Между тем инфраструктура позволяет снижать трансакционные издержки, повышать инвестиционную привлекательность экономики, преодолевать ее преимущественно сырьевую ориентацию. Для превращения инфраструктуры в привлекательную сферу приложения частных инвестиций необходимо содействие макроэкономического субъекта, по крайней мере в следующих направлениях: укрепление законодательства в области продажи, аренды, залога земли, что будет способствовать активизации рынка жилищного и коммерческого строительства, расширение сектора коммуникаций и информационных технологий, либерализация допуска на рынок телекоммуникационных услуг, ускорение реформирования естественных монополий, что приведет к снижению тарифов на их продукцию, обеспечит свободный доступ к продукции и услугам монополистов, расширение возможностей получения концессий на земельные участки для дорожного строительства, для возведения объектов инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства.

Диверсификация экономики как крупномасштабная проблема, требующая огромных долгосрочных инвестиций, может быть

осуществлена в течение длительного периода времени. Успешная инвестиционная деятельность экономических субъектов, направленная на формирование принципиально иной структуры народного хозяйства, возможна при наличии ряда благоприятных макроэкономических условий, к числу которых можно отнести по крайней мере следующие: стабильность и сбалансированность государственного бюджета, что возможно при ослаблении зависимости от мировых цен на энергоресурсы, невысокий уровень инфляции, стабильный курс рубля, что является фактором ослабления валютного риска для иностранных институциональных инвесторов, прозрачная и долгосрочная тарифная политика в сфере естественных монополий в процессе их реформирования, постепенное неинфляционное повышение коэффициента монетизации ВВП, и поныне остающегося низким по меркам стран с рыночной экономикой.

Итак, на современном этапе рыночной трансформации российской экономики наиболее актуальной и сложной проблемой выступает ускоренная диверсификация народного хозяйства, направленная на формирование сбалансированной по рыночным критериям национальной экономики, ориентированной на постиндустриальное развитие. В свою очередь это предполагает преодоление структурно-технологической несбалансированности, увеличение удельного веса отраслей, производящих конечную продукцию в облике инвестиционных и потребительских товаров, опережающий рост сферы услуг и отраслей новой экономики, массовый переход к новейшим технологическим укладам, а тем самым — и преодоление унаследованной от прошлого технологической многоукладности, увеличение доли инвестиций в ВВП, а в них — инновационной составляющей, активное развитие малого и среднего предпринимательства, венчурного производства. Ориентиром может стать структура промышленного производства развитых стран, в которой обрабатывающая промышленность составляет ныне почти 90%, а в ней доля машиностроения — более 45%. Для обеспечения устойчивого экономического роста социальной направленности альтернативы такой реструктуризации не существует, без нее невозможно возрождение национальной экономики, восстановление статуса великой не только по масштабам военной мощи державы, как это было в советский период.

Вопросы для повторения:

1. Каковы основные характеристики воспроизводства как экономического процесса?
2. Как сформулированы основные положения концепции больших циклов конъюнктуры?
3. В чем состоит практическая значимость теории циклического развития?
4. В чем состоит структурно-технологическая несбалансированность унаследованной от социализма макроэкономической структуры?
5. Чем предопределяются основные направления реструктуризации народного хозяйства?
6. Какие факторы препятствуют переходу от восстановительного к инвестиционному росту?
7. Какие обстоятельства осложняют реструктуризацию российской экономики?
8. В каком смысле глобальная реструктуризация постсоциалистической экономики является основой экономического роста?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Воспроизводство как экономический процесс.
2. Циклическая форма движения воспроизводственного процесса и ее особенности на различных этапах механизации производительных сил.
3. Концепция больших циклов конъюнктуры: ее основные положения и практическая значимость.
4. Факторы экономического роста российской экономики и перспективы ее развития.
5. Основные направления глобальной реструктуризации постсоциалистической экономики.
6. Функции макро- и микроэкономических субъектов в процессе структурной диверсификации российской экономики.

Литература:

1. Воспроизводство и экономический рост/Под ред. В.Н. Черковца. — М.: ТЕИС, 2001 (гл.1).
2. Гранберг А., Зайцев Ю. Темпы роста в национальном экономическом пространстве//Вопросы экономики. — 2002, №9.

3. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. Большие циклы конъюнктуры. — М.: Экономика, 1989.
4. *Леонтьев В.* Экономические эссе. — М.: 1990.
5. *Пыжиков А.* Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие в СССР в 1945—1953 гг.// Вопросы экономики. — 2001, №5.
6. *Стародубровский В.* Кривая дорога прямых инвестиций//Вопросы экономики. — 2003, №1.
7. Теоретические проблемы переходной экономики: Учебно-методическое пособие/Под ред. В.В. Радаева. — М.: ТЕИС, 2003 (гл. 6.1).

Тема VIII. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Свобода индивида не может быть безграничной, но те же самые силы, действие которых делает необходимым некоторые ограничения, могут, если их не контролировать, сузить человеческую свободу значительно сильнее, чем это допустимо.

Дж. Бьюкенен

План:

1. Функции государства в плановой экономике.
2. Государство в постсоциалистической экономике.
3. Экономическая политика государства в переходный период.

8.1. Функции государства в плановой экономике

Роль государства в социалистической экономике уникальна. Как и в современной модели рыночной экономики, государство выступает здесь не только политическим институтом, но и макроэкономическим субъектом. Но только в социалистическом обществе государство в качестве макроэкономического субъекта обладает абсолютной властью, практически полностью определяя все аспекты деятельности микроэкономических субъектов. Это объясняется тем, что общенародная собственность в юридическом оформлении имела статус государственной. Вследствие этого государство выступало от имени общества единственным субъектом данной формы собственности и выполняло в качестве такового соответствующие функции.

Прямо и непосредственно эти функции возлагались на номенклатуру, происхождение которой связано с природой общенародной

собственности как одной из форм ассоциированной. По мере возрастания масштабов совместного присвоения в процессе обобществления производства, по мере усложнения в связи с этим управленческого труда происходит отделение собственности от управления. Такое отделение тем более присуще общенародной собственности, коль скоро она предстает крайней, высшей формой совместного присвоения средств производства. Однако порождаемое общенародной собственностью обособление управленческого труда от прочих видов трудовой деятельности, а соответственно — появление особого управленческого слоя имеет ту специфику, что представители этого слоя не лишаются в условиях общенародного присвоения всеобщего, то есть присущего каждому члену общества, социального статуса сособственника средств производства. В социалистической экономике этот слой получил особое название номенклатуры. Последняя фактически полностью монополизировала функции управления на всех уровнях хозяйствования. Именно в номенклатуре персонифицировалась монополия социалистического государства на управление всеми сферами жизнедеятельности общества. Этот слой был чрезвычайно иерархичным по месту в системе партийно-государственного управления, начиная от низового уровня до высшего, и соответственно — по масштабам вознаграждения за труд. Господствующее положение коммунистической партии как правящей обеспечивало соответствующее положение партийной номенклатуры.

Совершенно особое место в системе государственных институтов заняли карательные органы, на которые была возложена важнейшая функция гаранта внутренней стабильности системы.

Функционирование системы социализма регулировалось экономической политикой, теоретическим обоснованием которой являлась марксистско-ленинская экономическая наука. Усилиями этой науки было обосновано учение об общих и специфических экономических законах как законах общенародного присвоения. С ориентацией на эти законы и разрабатывались правящей партией директивы, неукоснительное проведение которых в жизнь обеспечивалось жесткой дифференциацией не только меры денежного вознаграждения управленческого труда, но и набора привилегий, предоставляемых в натуральной форме. Тем самым деятельностью номенклатуры как управленческого слоя достигалось воспроизвод-

ство господствующего положения правящей партии, сохранение и укрепление социализма как господствующей системы экономических отношений.

Государственное око было всевидящим. Была создана функционально многообразная система государственных институтов, посредством которых государство регулировало все стороны жизнедеятельности общества, включая важнейшую — экономическую. Социалистическая экономика развивалась на основе централизованных народно-хозяйственных директивных планов, разрабатывавшихся выстроенными по вертикали государственными плановыми институтами в соответствии с директивами партийных съездов. Их беспрекословным выполнением сохранялась незыблемой социалистическая природа национальной экономики, обеспечивалось расширенное воспроизводство отношений государственной собственности, достигаемое преимущественным ростом средств производства как материального субстрата этих отношений, формировался единый народно-хозяйственный комплекс. В процессе их выполнения осуществлялся всесторонний контроль за деятельностью хозяйствующих субъектов, не оставлявший места для принятия самостоятельных решений, выходящих за пределы партийных директив.

Важнейшей функцией государства являлось наращивание посредством народно-хозяйственного планирования военной и экономической мощи социализма, что обеспечивалось формированием макроэкономической структуры, в основу которой закладывались принципы укрепления позиций социализма не только внутри страны, внутри мировой социалистической системы, но и в мировом экономическом и политическом пространстве в целом, вследствие чего советская экономика оказалась глубоко милитаризованной.

Значимость внешних факторов, воздействовавших на структуру народного хозяйства, определялась прежде всего тем, что социализм первоначально возник в одной стране, а потому оказался в качестве «инородного тела» в мировом экономическом и политическом пространстве, уже вследствие этого подлежавшего отторжению, чем и порождалась опасность нападения извне. Это обстоятельство требовало огромных усилий по укреплению обороноспособности страны на протяжении всей истории страны. Необходимость наращивания военной мощи усугублялась и тем, что советские лидеры на протяжении всей истории социализма пытались пе-

реломить столь неблагоприятную ситуацию реализацией идеи мировой революции отнюдь не только политическими и идеологическими методами борьбы. Под воздействием обоих этих факторов доминирующее место в макроструктуре прочно занял ВПК. К тому же этот комплекс, фактически поставленный в условия внешней конкуренции, сосредоточил в себе едва ли не полностью высокотехнологичное наукоемкое производство. В нем была задействована большая часть производственных ресурсов, сконцентрирована большая часть высококвалифицированной рабочей силы. Его обслуживали девять отраслевых министерств, практически вся фундаментальная и прикладная наука так или иначе работала на этот комплекс. Социалистическая индустриализация с первых и до последних лет советской власти была направлена на милитаризацию советской экономики, что крайне истощало последнюю.

Весьма специфичными были и внутренние факторы, под воздействием которых правящая номенклатура формировала структуру народного хозяйства. Назовем основные из них. Укрепление экономического фундамента социализма связывалось, во-первых, с необходимостью подведения адекватной материально-технической базы под «самые прогрессивные производственные отношения», каковой рассматривалась индустриализация, во-вторых — с необходимостью наращивания в процессе её осуществления средств производства как материальной основы отношений государственной собственности, как объектов общенародного присвоения. Чрезвычайно важным фактором, предопределявшим приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности, являлась необходимость обеспечивать всеобщую гарантированную занятость. Наконец, объективным фактором, обуславливавшим приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности, было преобладание экстенсивного экономического роста как наиболее зримой формы проявления несовместимости социализма с НТП.

Под воздействием всех этих объективных обстоятельств осуществлялся процесс социалистической индустриализации. Посредством механизма народно-хозяйственного планирования номенклатурой была сформирована единственно возможная модель макрoэкономической структуры с доминированием в ней отраслей тяжелой промышленности, с приоритетным развитием ВПК.

Вместе с тем такой макроэкономической структурой ставилась под сомнение возможность выполнения важнейшей функции социалистического государства, вытекающей из природы данной системы: реализации так называемой «высшей цели социализма», предполагавшей неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся. При таких предпосылках она могла быть реализованной в масштабах, ограниченных приоритетом производительного потребления на протяжении всех лет социализма, что находило выражение в крайне высокой норме производственного накопления. Сознательное ограничение личного потребления аргументировалось необходимостью скорейшего построения «светлого будущего», которое, увы, так и не наступило. К тому же дешевая рабочая сила сама по себе становилась еще одним тормозом на пути внедрения НТП.

Итак, государством как макроэкономическим субъектом в лице правящей номенклатуры за годы советской власти была сформирована единственно возможная для данной системы структура народного хозяйства исходя из необходимости обеспечения национальной безопасности страны в условиях глобального противостояния антагонистических систем и решения важнейшей экономической проблемы — обеспечения всеобщей гарантированной занятости. Вместе с тем в ней воплотились присущие данной системе противоречия, осознание неразрешимости которых и вынудило наиболее прогрессивно мыслящую прослойку управленческого слоя предпринять радикальные преобразования сугубо рыночного характера, тем более что дорога была накатана предшествовавшими хозяйственными реформами послевоенного времени, каждая из которых предполагала расширение сферы действия товарно-денежных, рыночных отношений. Отступление от общей закономерности общественного развития, предопределяющей движение от феодального общества к капиталистическому, неизбежно вело к драматической развязке. Все усилия правящей партии, всех государственных институтов, направленные на укрепление социализма как системы, оказались тщетными перед лицом объективной необходимости.

Историей выявлено, что адекватной социально-экономической формой индустриального этапа развития производительных сил являются отношения индивидуальной частнокапиталистической формы собственности. Тем не менее в России индустриальный этап

был осуществлен иной экономической системой, однако крайне неравномерно, что и выразилось в технологических дисбалансах. Даже на исходе социализма удельный вес ручного труда в народном хозяйстве был очень велик. Но и переход от ручного труда к машинному не позволил социалистическому государству направить экономическое развитие в русло реализации всеобщего закона возвышающихся потребностей, содержание которого в интерпретации Дж.М. Кейнса сформулировано следующим образом: «Давно известно, что потребление представляет единственную цель всякой экономической деятельности» (Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Экономика, 1978, с. 167). К.Маркс назвал его всеобщим законом возвышающихся потребностей. Государство сумело всем членам общества обеспечить рабочее место, но ценой утраты мотивации к эффективному труду.

Трагедия социалистического государства состояла в том, что, будучи призванным выполнять важнейшую функцию по обеспечению всеобщей гарантированной занятости, оно тем самым не могло последовательно и неуклонно обеспечивать внедрение достижений НТП в рамках всей национальной экономики. Вследствие этого не только не удалось превзойти капитализм по уровню производительности общественного труда, но даже предотвратить нарастающие разрывы, хотя именно данному показателю даже в марксистской литературе отводится роль критерия при определении прогрессивности той или иной социально-экономической системы. Но тем самым были обречены на провал попытки, направленные на повышение жизненного уровня трудящихся. Ситуация оказалась безысходной, не имеющей положительного решения вопреки титаническим усилиям правящей партии.

Хозяйственным механизмом огосударствленной экономики являлось директивное централизованное народно-хозяйственное планирование и соответствующая ему система институтов. Государством в централизованном порядке устанавливались оптовые и розничные цены на производимую продукцию, определялась их динамика, осуществлялось фондируемое распределение производственных ресурсов и рабочей силы, равно как и распределение материальных благ и услуг через систему денежной оплаты труда в зависимости от количества и качества последнего, а распределение общественно значимых благ — через общественные фонды потреб-

ления. Государством устанавливалось оптимальное относительно данной системы соотношение фондов накопления и потребления в произведенном национальном доходе, позволявшее не только обеспечивать высокие темпы экстенсивного экономического роста, но вместе с тем и всеобщую гарантированную занятость. Свои функции государство осуществляло через систему функционально многообразных институтов: Госплан, Госкомцен, Госкомстат, Госснаб, систему отраслевых и функциональных министерств и ведомств.

Под полным и всесторонним контролем государства находился и кооперативно-колхозный сектор, что, по существу, упраздняло отношения кооперативно-колхозной формы собственности как таковые. Экономической самостоятельностью колхозники в качестве членов кооператива (колхоза) не располагали. Более того, даже паспортизация сельского населения была введена лишь в 60-е годы. Вплоть до 70-х годов сельское хозяйство использовалось государством в условиях ограниченности инвестиционных средств под индустриализацию в качестве своеобразного донора для развития тяжелой промышленности. А когда его потенциал в качестве такового был полностью исчерпан, эта функция перешла к отраслям ТЭК, чему в немалой мере способствовал разразившийся в этот период на Западе энергетический кризис.

Уже отмечалась особая роль в деятельности социалистического государства его карательных органов, имевшая и четко выраженный экономический аспект. Он состоял в принудительном привлечении дешевой рабочей силы для выполнения общественно значимых, но весьма трудоемких и крайне непривлекательных работ на территории, в силу природно-климатических условий попросту не пригодной для проживания человека. В этих целях и был создан соответствующий государственный институт в облике ГУЛАГа, бесперебойно обеспечивавший рабочей силой возведение соответствующих объектов трудом незаконно репрессированных граждан. На протяжении нескольких десятилетий в плановом порядке определялось число лиц, подлежащих репрессиям. На принудительных работах в нечеловеческих условиях системы ГУЛАГа погибли миллионы советских граждан. Так, например, трудом репрессированных в зоне вечной мерзлоты в 1935 г. был построен и начал функционировать комбинат «Норильский никель», первыми директорами

которого были генералы КГБ. Таково же происхождение и Беломорканала, в связи с юбилеем которого сообщалось о гибели на его строительстве не менее 80 тысяч человек — при официальных данных об одном погибшем. Таких примеров бесконечное множество.

Важнейшим направлением деятельности карательных органов являлась охрана объектов государственной собственности. Последняя, в силу крайних масштабов совместного присвоения, воспринималась широкими слоями населения как бесхозная и в качестве таковой подверженная расхищению, действительно принявшему массовый характер по мере ослабления деятельности карательных органов в постсталинский период. Такому расхищению способствовало и внедрявшееся в массовое общественное сознание представление о том, что «все вокруг народное, все вокруг мое». Почему бы это «мое» и не унести домой. Клептомания приобрела социальный характер, а будучи унаследованной, чрезвычайно способствовала массовому расхищению объектов государственной и кооперативно-колхозной собственности в переходный период всеобщей криминализации экономической деятельности.

Наконец отметим и такую по существу экономическую и весьма значимую функцию карательных органов, как наказание за нарушение трудовой дисциплины, порожденную введением всеобщей гарантированной занятости. Последняя неизбежно вела к обесцениванию рабочего места, труда как такового, что в конечном счете и вылилось в низкую трудовую дисциплину, в последние десятилетия социализма ставшую массовым явлением. Именно поэтому, как представляется, В.Ленин, вполне осознавая такую опасность, требовал рассматривать нарушение трудовой дисциплины как уголовное преступление, наказуемое вплоть до тюремного заключения. С этой точки зрения свою деятельность на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.Андропов резонно начал с наведения порядка в области дисциплины труда. Здесь действительно таились огромные резервы экономического роста, задействовать которые, однако, было возможно лишь путем активизации деятельности все тех же карательных органов, чего не мог не осознавать бывший глава КГБ. Но использовать потенциал этого глубоко дискредитировавшего себя в глазах общества института в 80-е годы уже не представлялось возможным.

И все же всеисилие социалистического государства не способно было преодолеть объективных закономерностей экономического развития. Заданная последними траектория экономического развития в сторону рыночной экономики прокладывала себе дорогу в недрах социализма вопреки воле государства, деятельности его карательных органов. Рыночные отношения в облике теневой экономики развивались на протяжении всей истории социализма, а на его исходе в ее орбиту оказались втянутыми даже высшие партийные круги. Напомним хотя бы о получивших в свое время широкую огласку так называемых хлопковом и Краснодарском делах, в которых были задействованы высшие партийные должностные лица. А сколько таких дел было в действительности, неизвестно и по сей день. Но еще более примечательно то, что и само государство вынуждено было смириться с необходимостью использования отдельных элементов чуждого данной системе рыночного хозяйственного механизма. С середины 1950-х годов вплоть до конца 1980-х началось все более широкое допущение в практику директивного планирования товарно-денежных отношений при проведении государством крупных хозяйственных реформ в целях повышения эффективности социалистического производства, хотя такие отношения отнюдь не свойственны отношениям общественного присвоения, а потому и внедрялись с вполне уместной осторожностью. Их внедрение находило выражение в расширении экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов. Во времена Н.Хрущева это были совнархозы как территориальные органы власти, затем отраслевые министерства и ведомства и наконец ПО и НПО и даже входящие в их состав отдельные предприятия. Властные полномочия в области управления, планирования и материального стимулирования, как видим, передавались на все более низкий уровень, что в конечном счете и привело к краху государственных институтов управления. Начался стихийный процесс массового растаскивания объектов государственного имущества, получивший название спонтанной приватизации 1987–1991 гг. В конечном счете рыночные отношения, как теневые, так и официально допущенные, действительно привели к полному перерождению отношений плановости, вытеснению последних. Не случайно Госплан СССР как институт отношений плановости рухнул еще до официального провоз-

глашения рыночных преобразований. Предстоявшая 13-я пятилетка так и не была сверстана, но и из 12 предыдущих ни одна не была выполнена в полном объеме.

Из сказанного становится очевидным, что отнюдь не по вине государства и его политических лидеров, не вследствие некомпетентного выполнения ими своих функций погиб социализм как социально-экономическая система. Каждый из них был по-своему неординарной личностью, вполне успешно выполнявшей соответствующие этапу развития социализма функции. Такова, например, властная и зловещая фигура Сталина на старте, безжалостно уничтожавшего миллионы сограждан во имя реализации утопической идеи, равно как и умиравшие один за другим Брежнев, Андропов, Черненко на финише, как бы символизировавшие агонию социализма. Не в меньшей мере адекватен был завершающейся социалистической эпохе и Горбачев — молодой, энергичный и, что особенно важно, крайне противоречивый, способный вследствие этого, подобно китайским реформаторам, едва ли не одновременно ратовать и за сохранение социализма путем его очеловечивания, и принимать один за другим законы, широко распахнувшие двери для становления капиталистической рыночной экономики. Так, узаконена была индивидуальная трудовая деятельность, допускалась аренда государственного имущества, разрешалось создание производственных кооперативов, благодаря чему буквально за пару лет в СССР только на территории России появилось около полутора тысяч коммерческих банков, началась спонтанная приватизация государственного имущества.

Иными словами, не социалистические лидеры повинны в гибели социализма. Решающее значение имело иное обстоятельство, а именно то, что отношения общенародного присвоения, будучи несовместимыми с НТП, вследствие этого оказались лишенными встроенного механизма разрешения присущих им противоречий. А потому накопление последних до критической массы и привело к гибели системы. Рыночные отношения оказались безальтернативными. Их становление осуществляется стремительно не только во всех постсоциалистических странах, но и в КНР при активном участии и под руководством государства, весьма успешно справляющегося со своими функциями, порожденными переходным состоянием национальной экономики. Во всех этих странах под эгидой бывшей номенклатуры идет активный процесс формирования рыночной экономики.

Итак, социалистическое государство своей функционально многообразной и титанической по усилиям деятельностью, направленной на становление, развитие и укрепление данной экономической системы, сумело обеспечить последней десятилетия существования, в течение которых в полной мере выявилась ее несостоятельность с точки зрения возможностей повышения производительности общественного труда, экономической эффективности функционирования национальной экономики, а следовательно, и роста благосостояния трудящихся масс. Государство в качестве макроэкономического субъекта, по существу, полностью лишило экономической самостоятельности государственные и кооперативно-колхозные предприятия. Но, монополизировав экономические функции по мере свертывания разработанной Лениным новой экономической политики, ведшей, по существу, к реставрации капитализма, по мере завершения переходного периода к середине 30-х годов, оно оказалось неспособным обеспечивать эффективное функционирование экономики в целом, не прибегая к широкому использованию насильственных методов. Напомним, что последними не только обеспечивалась идеологическая чистота (путем уничтожения инакомыслия и его носителей), но и решались сугубо экономические проблемы. А когда такая возможность была исчерпана, началось стремительное разрушение отношений общенародного присвоения, противостоять которому государство было неспособно в силу объективных причин. Такова природа социализма, а не ошибки и/или просчеты государства, социалистических лидеров. Таковые действительно были, но не следует преувеличивать их значимость в данном аспекте. Есть внутренняя логика истории, предпосланная общими закономерностями мирового экономического развития. И всякий крупный политический лидер оказывается на авансцене лишь постольку, поскольку сознательно или интуитивно действует в соответствии с этими закономерностями.

В качестве носителя общенациональных интересов социалистическое государство свело эти интересы к выживанию социализма как системы. Но история данной системы оказалась краткосрочной вопреки его усилиям. Она была обречена от рождения. Эта обреченность была обусловлена внутренне противоречивой природой общенародной собственности, состоящей в ее несовместимости с НТП.

И в этом смысле уроки социалистического эксперимента, социалистической практики государственного регулирования оказались весьма актуальными для современной смешанной рыночной экономики в силу того, что развитие последней сопровождается существенным возрастанием экономической роли государства. Социалистический опыт убедительно показал, что есть объективно заданный предел вмешательству государства в экономическую жизнь общества, форсирование которого чревато угрозой экономического спада, примером чего, в частности, может служить и опыт Швеции 90-х годов. Поиски оптимального соотношения государственного и рыночного механизмов регулирования чрезвычайно важны. Тем более не следует ставить знак равенства между государственным регулированием и масштабами государственного сектора. Так, возрастание регулирующей роли государства в развитых странах Запада конца XX века осуществлялось на фоне крупномасштабной приватизации объектов государственной собственности. Весьма показателен в этом отношении и пример США: будучи самой развитой страной, они имеют среди развитых стран самый низкий удельный вес государственных расходов в ВВП, у них самая низкая доля государственного сектора. Эта страна выступает своего рода классическим эталоном смешанной рыночной экономики, демонстрирующим оптимальное соотношение форм собственности, равно как и оптимального соотношения рыночного и государственного механизмов хозяйствования. Такие государственные институты, как Федеральная резервная система, Федеральная контрактная система, Федеральная налоговая система, оказались способными обеспечивать наиболее эффективную деятельность государства как макроэкономического субъекта, стоящего на страже общенациональных интересов. Вместе с тем всякая национальная модель смешанной рыночной экономики имеет свои неповторимые особенности, корректирующие функции государства как носителя общенациональных интересов.

8.2. Государство в постсоциалистической экономике

Определяя экономическую роль государства в переходный период, следует исходить прежде всего из того, что в постсоциалистических странах в течение десятилетий предшествующего разви-

тия эта роль была исключительной. И уже в силу этого обстоятельства логичным представляется сохранение за государством в полной мере бремени управления национальной экономикой вплоть до появления подлинных собственников, способных и готовых взять на себя эти функции. Напомним еще раз, что формирование таковых — длительный исторический процесс в любой переходной экономике, в постсоциалистической индустриальной — тем более. Разделу и переделу подлежит огромное национальное богатство, созданное за десятилетия индустриального развития. И это при условии, что в этих странах в предшествовавший период по определению исключалось накопление денежного капитала, без которого в денежной приватизации делать попросту нечего. Такой процесс развернулся лишь в переходный период. Важно и то, что не мгновенно возникают и институты рыночной инфраструктуры, олицетворяющие рыночный механизм регулирования. Уже вследствие только этих обстоятельств сохраняется значимость государственного механизма управления на протяжении всего переходного периода. При этом рыночная трансформация в равной мере распространяется и на экономическую деятельность самого государства. Государственное регулирование наполняется новым содержанием, меняются способы и методы его воздействия на национальную экономику и процессы, в ней протекающие, появляется принципиально новая система государственных институтов.

Напомним также, что в постсоциалистических странах именно государство в лице наиболее радикально настроенной прослойки внутри правящей номенклатуры инициировало и возглавило рыночные преобразования. И с этой точки зрения было бы логичным ему же и довести начатое дело до конца, в чем бывшая номенклатура была весьма заинтересована. Осуществление ею функций государственного управления предоставляет благоприятную возможность для реализации и собственных экономических интересов, среди которых важнейший — обретение социального статуса собственника подлежащих разделу объектов. По крайней мере, бывший управленческий слой именно в качестве такового представлялся и признавал себя наиболее подготовленным для деятельности в качестве собственника, хотя последующее развитие внесло соответствующие коррективы в эти представления. Далеко не все

представители советской номенклатуры превратились в собственников бывшего государственного имущества.

Для России значимость государства определяется еще и многовековой традицией сильной государственности деспотического характера, коль скоро государство на протяжении веков формировалось как империя. При такой исторической предпосылке наличие дееспособного государства важно и поныне.

Роль государства в постсоциалистических странах определяется и тем, что в них формируется современная модель рыночной экономики. Но такая модель характеризуется тем, что государство, оставаясь политическим институтом, превращается в макроэкономический субъект, в качестве такового выступающий носителем общенациональных интересов. На реализацию последних и направлены усилия государственных институтов, сосредотачивающих свою деятельность в традиционных для макроэкономического субъекта сферах. Но не менее важно направить в русло общенациональных интересов и инвестиционную деятельность микроэкономических субъектов, используя в этих целях наработанные мировой практикой многообразные методы экономического и административного, косвенного и прямого воздействия на их поведение. Исходя из интересов класса собственников, государство призвано создавать благоприятные экономические, правовые, политические и пр. условия для развертывания частнопредпринимательской деятельности в целях повышения эффективности функционирования национальной экономики.

В постсоциалистических странах перед государством как макроэкономическим субъектом стоит грандиозная по своим масштабам и значимости проблема коренного преобразования унаследованной структуры народного хозяйства во всех ее аспектах: секториальном, региональном, отраслевом. Успешное решение такой проблемы предполагает разработку теоретически обоснованной стратегической программы социально-экономического развития общества и политики по ее реализации, способной направлять инвестиционную деятельность всех экономических субъектов на формирование равновесной макроэкономической структуры в соответствии с современным технико-технологическим уровнем, политики, имеющей четко выраженную социальную направленность.

Вполне естественно, что в рыночной экономике неизбежен разрыв в уровне доходов различных социальных слоев и классов. Иначе собственность как экономический феномен утрачивала бы свой экономический смысл, что в полной мере и выявил социализм, доведя до абсурда масштабы совместного присвоения средств производства, когда вследствие этих масштабов уже никто не осознавал себя реальным собственником, хотя в реальной действительности именно каждый член общества обладал статусом сособственника. Такое заблуждение проникло даже в экономическую отечественную науку: несостоятельность социализма нередко усматривается в фактическом отчуждении работников, а таковыми при социализме является все трудоспособное население, от средств производства. Неосознанность этого статуса гасила мотивацию к эффективному труду, что и явилось немаловажной причиной низкого жизненного уровня большинства населения. При фактическом уравнивании доходов всех членов общества тем более неизбежно утрачивались стимулы к эффективному труду.

Вместе с тем присущий рыночной экономике чрезмерный разрыв в уровне доходов, питаемый ныне бурным развитием частно-предпринимательской деятельности, оказывается социально опасным, чем и порождается одна из важнейших функций современного государства по установлению общественно допустимой для страны дифференциации в уровнях личных доходов. Еще более социально опасен такой разрыв в постсоциалистических странах, где присущий социализму принцип социального равенства формировался десятилетиями, чем и питается в переходной экономике крайняя нетерпимость к богатству отдельных членов общества, независимо от его происхождения. Это вполне осознавала советская номенклатура, которая вообще в качестве особого социального слоя в социальной структуре социалистического общества никогда и нигде не фигурировала. И уж тем более утаивались данные об уровне ее доходов. А потому и говорить о социальной дифференциации при социализме было беспредметно.

Между тем такая дифференциация совершенно неизбежна при упразднении в ходе приватизации общенародной собственности и становлении различных форм частной, а потому и государство в новых условиях не имеет экономических оснований для всеобщего уравнивания. Тем не менее объективно складывающийся разрыв в

уровнях доходов порождает крайне негативное отношение большинства населения к «новым русским», а потому совершенно неуместна демонстрация личного богатства. Но важен и другой аспект проблемы. Как известно, повышение фонда заработной платы в ВВП уже само по себе становится фактором экономического роста. Еще А. Маршалл писал, что нищий рабочий является плохим работником. Но такова и общая направленность экономического развития, таким путем реализуется действие закона возвышающихся потребностей. Отметим, что уровень оплаты труда на в полной мере приватизированных российских предприятиях, обретших подлинных собственников, уже сейчас выше, чем на государственных.

Величайшей заслугой постсоциалистического, постсоветского государства в особенности явилось то обстоятельство, что переход от социализма удалось совершить без крупных социальных потрясений, столь естественных в условиях, когда все население утрачивало статус сособственника, а собственниками становились немногие. Глубоко укоренившийся за три четверти века в массовом общественном сознании социализм как «самый прогрессивный экономический строй», вполне устраивал трудящихся. Хотя и в бедности (а в условиях общенародного присвоения иного не дано), но он принес социальное равенство, действительно обеспечивал гарантированную всеобщую занятость, равно как и свободный доступ к общественно, а главное — жизненно значимым благам и услугам через механизм общественных фондов потребления, а в постсталинский период проявлял большую терпимость к неэффективному труду, к низкой производственной дисциплине, к хищению государственной собственности, да и репрессии утратили массовый характер. Имело значение и то, что за десятилетия социализма сформировалась социальная пассивность, психология патернализма и иждивенчества, порожденная исключительной ролью государства, к тому же густо замешанная на страхе перед деятельностью карательных органов, на всеобщей слежке и доносах. Дамоклов меч висел над головой каждого. Сыграла свою роль и пропаганда прошлых лет, десятилетиями внушавшая неприязнь к капитализму как экономическому строю, основанному на «нещадной эксплуатации трудящихся». И хотя альтернативы ему не просматривалось, российские реформаторы благоразумно ставили акцент на преобразовании плановой экономики в рыночную, а не в капиталистичес-

кую, хотя оторвать одно от другого совершенно невозможно. К тому же на сей раз никакой разъяснительной работы среди населения по существу не проводилось, о характере и последствиях предпринятых преобразований умалчивалось.

Социальная пассивность явилась тем благоприятным фоном, на котором государство стремительно развернуло рыночные преобразования, под вывеской которых на первых порах был надежно укрыт капитализм. О последнем в полный голос заговорили лишь на исходе первого десятилетия преобразований, когда процесс принял характер необратимого. Тождественность рыночных преобразований капиталистическим ныне столь очевидна, что не вызывает сомнений. Закономерности общественного развития абсолютно непреодолимы. Отступления от них возможны, но они носят временный характер. Возврат в их русло неизбежен. Так, по истечении нескольких десятилетий социалистических экспериментов Россия вновь вступила на путь капиталистического развития.

Наконец, при определении места государства в переходный период следует не забывать о том, что, как учит мировой опыт, роль государства в экстремальных условиях, как правило, повсеместно возрастает. А именно таковыми они являются в любую переходную эпоху. Переход к иной социально-экономической системе, сложный сам по себе, во всех постсоциалистических странах сопровождался к тому же и глубоким трансформационным спадом. Избежать его удалось лишь КНР, но китайские реформаторы и не относят свою страну к числу постсоциалистических. И хотя доля ВВП, производимого на государственных предприятиях, неуклонно падает на протяжении всех лет преобразований, происходит это вследствие становления рыночного сектора, в качестве негосударственного обладающего несравненно более высоким потенциалом эффективного экономического развития. Правда, на исходе 90-х годов начался активный процесс акционирования государственных предприятий и даже продажа наименее перспективных из них, не имеющих стратегически важного значения.

Но и разыгравшийся вследствие объективных причин в постсоциалистических странах по полной программе трансформационный спад без вмешательства государства успешно преодолен быть не может. Дело в том, что условием такого преодоления выступает глобальная реструктуризация народного хозяйства, направленная

на преодоление унаследованных и углубленных в переходный период структурных и технологических дисбалансов, всесторонняя модернизация народного хозяйства в соответствии с современным постиндустриальным этапом развития производительных сил. Макроструктура по определению не может быть преобразована без активного участия макроэкономического субъекта, каковым только государство и является, субъекта, способного воспринимать национальную экономику в целом, могущего соответствующим путем воздействовать практически на каждый микроэкономический субъект, прогнозировать развитие исходя из всей совокупности факторов, обеспечивающих повышение эффективности функционирования национальной экономики в процессе преобразований.

Итак, в силу отмеченных обстоятельств роль государства остается весьма значимой и в переходной экономике. В содержательном плане эта значимость корректируется в соответствии с содержанием переходного периода. Его конечная цель — становление не просто рыночной, но капиталистической экономики. И с этой точки зрения переходный период оказывается эпохой первоначального накопления капитала (ПНК), что во многом и предопределяет функции государства, изменяющиеся по мере завершения этого процесса, наиболее бурно протекавшего в 90-е годы. С точки зрения их соответствия эпохе ПНК и следует анализировать его деятельность.

Едва ли не первой проблемой, с которой столкнулось государство на пороге рыночных преобразований, стала проблема модели реформирования. В большинстве стран приемлемой для всех партий и общественных течений программы преобразований в готовом виде не оказалось, а потребность в ней была весьма настоятельной, не терпящей отлагательства. В силу этого была позаимствована готовая к употреблению либеральная модель реформирования, разработанная экономической элитой США и апробированная к тому времени в странах Латинской Америки с подачи МВФ. Именно она и была предложена постсоциалистическим странам. Отвергнута она была только в КНР, где не ставилась задача устранения социализма как системы отношений государственной, то есть общенародной, собственности.

Либеральная модель была принята и российскими реформаторами, коль скоро она создавала благоприятные предпосылки для

стремительного становления рыночной экономики на огромном постсоветском пространстве, что имело немаловажное значение в стране, где народ не был готов к разрыву с социализмом как системой экономических отношений, хотя казалось, что социалистические идеалы в его глазах исчерпали едва ли не полностью свою притягательную силу. Сделано это было и потому, что данная модель вполне соответствовала интересам не только лидеров мировой экономики, которых представлял МВФ, но и той прослойки домогращенной советской номенклатуры, которая представляла ТЭК, укрепившей свои позиции в связи с превращением данного комплекса в донора отечественной промышленности, начиная с 70-х годов, когда на Западе разразился энергетический кризис. Именно эта прослойка номенклатуры к исходу 80-х годов заняла лидирующие позиции на советском номенклатурном Олимпе. Такая перегруппировка произошла в связи с окончанием «холодной войны» в годы перестройки и начавшейся демилитаризацией экономики, продолженной в 90-е годы, в целях преобразования ВПК в ОПК. Важно и то, что ВПК и в рыночной экономике остается по существу под безраздельным контролем государства. И уж тем более утратила свои позиции партийная номенклатура в связи с упразднением КПСС.

Итак, в немалой мере в связи с доминирующим в структуре народного хозяйства к началу рыночной трансформации положением такого монстра монополизированной отечественной промышленности, как ТЭК, дорога для продукции которого на мировой рынок была проторена еще в 70-е годы, к либерализации экономической деятельности в первую очередь стремилась номенклатура, управлявшая именно этим комплексом. Вкус к большим деньгам она почувствовала еще в советский период. Приватизация отраслей ТЭК сулила несметные богатства, а потому номенклатура «ухватилась» за данную модель реформирования с ее либерализацией цен и, что не менее важно, внешнеторговой экономической деятельности. Это создавало по существу безграничные возможности для накопления денежного капитала, не говоря уже о личном обогащении.

При внедрении либеральной модели черновую работу выполнили «завлабы в коротких штанишках», решительность, честолубие, самонадеянность и безоглядность в поступках которых вполне соответствовали их возрасту. А затем за дело взялись «тяжеловесы», то

есть многоопытная советская номенклатура, ТЭКовская — прежде всего. Последняя и выдвинула вскоре своего лидера, так и оставшегося чемпионом 90-х годов по длительности пребывания в высокой должности и не терявшего зря отведенного ему историей времени. Уже к 1998 г. негосударственные предприятия в топливной промышленности давали 96,4% объема производства, в черной металлургии — 99,9%, в цветной — 96,1% (Российский статистический ежегодник. М.: 1999, с. 308–309). Именно в газовой промышленности еще в 1989 г. была создана суперрыночная структура «Государственный газовый концерн» на базе соответствующего министерства и во главе, естественно, с бывшим министром отрасли, мгновенно вошедшим в список самых богатых людей мира.

Принятая модель реформирования вполне соответствовала интересам и наиболее предприимчивых представителей других социальных слоев, включая и легализовавшихся теневиков — представителей теневой экономики советских времен. Все они обладали мощным предпринимательским духом, неумейной энергией, умением принимать адекватные решения в экстремальных условиях, способностью к жесткой и бескомпромиссной борьбе за овладение наиболее привлекательными объектами государственной собственности.

Для широких слоев населения либерализация экономики повсеместно сопровождалась тяжелыми последствиями: снижением жизненного уровня, безработицей, несвоевременной выплатой заработной платы и социальных трансфертов, не говоря уже об их индексации, столь уместной в условиях высокой инфляции. Однако иной ситуации и быть не могло в стране, где социализм рухнул в мгновение ока. В связи с этим начавшееся разрушение отношений общенародной собственности автоматически означало утрату всем населением социального статуса сособственника средств производства, а вместе с тем и экономических форм реализации данного статуса. Именно в этом смысле реформа действительно была проведена «за счет народа», но вовсе не по вине государства: просто других собственников в стране на сей раз не оказалось. «Экспроприатор» 1917 г. на исходе века сам оказался в положении «экспроприруемого». Начался процесс формирования новой социальной структуры общества с дифференциацией на собственников и несобственников, а следовательно, и в уровне доходов. В этой связи

лишь напомним, что правящая номенклатура и в советский период не очень-то преуспела на ниве обеспечения неуклонного роста жизненного уровня населения. Душевой ВВП в тот период хотя и был значительно выше, но при этом весьма слабо насыщен потребительскими благами и услугами, а потому его понижение не вполне адекватно отражает снижение жизненного уровня населения. Тем более в переходный период ситуация объективно не могла сразу и резко измениться к лучшему.

Для начального этапа переходного периода цель построения «социальной рыночной экономики», провозглашенная в связи с началом рыночных преобразований, остается во многом лишь декларируемой. В условиях столь естественного для данного периода трансформационного спада, в условиях разорения реального сектора экономики, где создается ВВП, материальные предпосылки для социальной ориентации еще только формировались. Возведение такой модели рыночной экономики — а иной в современных условиях и быть не может — возможно лишь по мере преодоления трансформационного спада, перехода к устойчивому экономическому росту усилиями хозяйствующих субъектов разного уровня. Экономический рост и становится материальной основой повышения уровня доходов широких слоев населения, что и подтверждается статистическими данными за последние годы, начиная с 1999 г. Необходимость придания такому росту социальной направленности вполне осознается российскими политическими лидерами. Отсюда и концентрация усилий государства на удвоении ВВП в течение ближайших 10 лет.

Приватизация государственного имущества явилась, по существу, исходной функцией государства в связи с началом рыночной трансформации. Под ее осуществление была создана соответствующая система государственных институтов (ГКИ, РФФИ, ЧИФы), благодаря деятельности которых была проведена ваучерная и начата денежная приватизация.

Вместе с тем природа государства как макроэкономического субъекта внутренне глубоко противоречива. С одной стороны, этот субъект выступает носителем общенациональных интересов, которыми и руководствуется в своей экономической и пр. деятельности, успешность которой измеряется повышением эффективности функционирования национальной экономики. Вместе с тем каж-

дый государственный чиновник является носителем индивидуальных интересов, которые не всегда совпадают с общенациональными. Тем более это касается переходной экономики, когда каждый из них решает поистине гамлетовскую проблему «быть или не быть» собственником объектов государственного имущества, не говоря уже о стремлении к личному обогащению. Именно в постсоциалистической экономике государственные чиновники оказались в беспрецедентной для эпохи первоначального накопления капитала роли «раздатчиков» и «продавцов» объектов государственной собственности. Это открывало для них по существу безграничные возможности для участия в присвоении экономически перспективных и привлекательных ее объектов, равно как и для накопления денежного капитала.

Наиболее наглядно внутренне противоречивая природа государства проявляется в беспрецедентной по масштабам коррупции, приобретшей в постсоциалистических странах массовый характер. Взятками не брезгали даже высшие должностные лица. Так, обвинение во взяточничестве и мошенничестве, в результате чего было незаконно присвоено 114 млн долл., предъявлено бывшему премьер-министру Украины П.Лазаренко, эмигрировавшему в США. В огромных масштабах происходило и расхищение государственных средств самыми различными способами, пресекать которое в условиях правового вакуума было не просто да и некому. «Незамаранных» среди власть имущих оказалось немного, хотя виновными оказались признаны единицы.

Напомним, что происходящий в переходный период процесс первоначального накопления капитала, осуществляемый путем раздела и передела ранее созданного богатства, по своей природе не поддается жесткому государственному регулированию. Собственниками в рыночной экономике, как известно, не назначают. Ими становятся самостоятельно на основе соответствующего законодательства, создающего юридические предпосылки для этого в облике государственных программ приватизации объектов государственной и муниципальной собственности и институтов под реализацию этих программ. Важнейшая функция государства в этот период в том и состоит, чтобы такое законодательство разработать. В рамках этого законодательства, равно как и в нарушение его, протекает процесс разгосударствления экономики, принимающий

форму жесткой и беспощадной конкурентной борьбы за обладание наиболее привлекательными объектами. В ходе нее и происходит социальный отбор лиц, способных на деле выполнять функции собственника, из числа которых и складывается, в конечном счете, этот новый класс. Стихийные процессы в формировании отношений собственности (а именно это образует основное содержание эпохи первоначального накопления капитала), не поддаются государственному регулированию. Так, например, абсолютно все граждане РФ получили ваучеры, но лишь немногие из них стали собственниками бывших государственных предприятий. При этом стали именно самостоятельно, в ходе жесткой конкурентной борьбы, в том числе и путем подкупа чиновников. Но не государство как институт сделало их таковыми. В России первоначальное накопление капитала наиболее бурно протекало в 90-е годы как стихийный, не управляемый государством процесс, участники которого широко использовали все доступные им средства — законные и насильственные — ради достижения столь жизненно важной и желанной цели. К тому же и нормативно-правовая база формируется государственными деятелями, весьма экономически заинтересованными в ее несовершенстве. Тем самым допускается неоднозначность ее толкования, что значительно расширяет возможности для личного обогащения должностных лиц, выступающих активными участниками этого процесса.

Потому столь актуальна проводимая ныне административная реформа, тесно взаимосвязанная с совершенствованием законодательной базы в целях исключения влияния чиновников на принятие решений. Реформированию подлежит и судебная система, что в немалой мере способствует совершенствованию и административной системы. Оно направлено на преодоление бездеятельности и беспомощности судебных органов в обеспечении защиты прав собственности физических и юридических лиц, на недопустимость принятия незаконных решений, на придание им независимого характера. Деятельность судебной системы должна быть прозрачной и находиться под эффективным контролем общества. Но время для проведения таких реформ пришло лишь по истечении без малого целого десятилетия, в течение которого государственными чиновниками разного уровня и ранга в полной мере были использованы

по существу безграничные способы обогащения. Назовем наиболее распространенные из них в российской практике:

- участие в финансовых спекуляциях государственными ценными бумагами;
- получение взяток за доступ к участию в аукционах и конкурсах по продаже наиболее привлекательных объектов государственной собственности;
- торговля информацией (напомним, например, о так называемом «деле статистиков»);
- незаконный отвод лучших земель под видом неубой (фактически распродажа государственной земли за взятки местным чиновникам);
- восстановление приверженцами советского менталитета столь привычных, прежних привилегий, но в еще больших объемах;
- взятки при лоббировании интересов определенных групп;
- торговля местами в Государственной думе и многое другое.

Некоторые из легких способов обогащения используются и поныне. Даже по итогам приватизации 2003 г. отмечалась непрозрачность деятельности РФФИ. Все эти обстоятельства и породили необходимость положить конец чиновничьему произволу путем проведения административной реформы, направленной, по существу, прежде всего на преодоление (или, по крайней мере, на смягчение) противоречий, внутренне присущих государству как институту. Осознание особой значимости данной проблемы в России нашло выражение в создании в конце осени 2003 г. даже особого специального президентского Совета по борьбе с коррупцией в составе премьер-министра, председателей обеих палат парламента и председателей Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов. Его назначение состоит в выработке антикоррупционной стратегии, основные направления которой президентом определены следующим образом: проведение «постоянной и системной антикоррупционной экспертизы законодательства» в целях прежде всего исключения норм двойного толкования; анализ деятельности органов власти всех уровней, в том числе и на предмет недопущения создания ими внебюджетных фондов, не предусмотренных законом; оздоровление государственного аппарата, деятельность которого должна стать прозрачной.

Российские реформаторы при проведении рыночных преобразований не встретили ни малейшего сопротивления со стороны широких слоев населения и вследствие того, что исходным явился этап ваучерной, то есть бесплатной, приватизации, пусть не лучшей и не большей части государственного имущества, но тем не менее создавший действительно равные стартовые условия для вхождения в рынок для всех членов общества в условиях отсутствия денежного капитала. Однако далеко не все сумели наилучшим образом распорядиться своим ваучером и не упустить шанса стать собственником того или иного объекта государственной собственности.

При таких предпосылках не могло быть активного протеста против рыночных преобразований со стороны широких слоев населения, на равных условиях участвовавших в приватизации объектов государственной собственности на ее первом этапе, тем более что была реализована инсайдерская модель, позволившая сосредоточить блокирующий и даже контрольный пакет акций в руках трудового коллектива и бывших красных директоров. К тому же избранная модель реформирования не оставляла времени для размышлений. Она в полной мере способствовала мгновенному разрушению отношений государственной собственности и высвобождению экономического пространства для становления иной системы экономических отношений. И в этом смысле государство со своей функцией вполне справилось, если подходить к оценке его деятельности с точки зрения достижения поставленной цели, состоящей в преобразовании плановой экономики в рыночную. Начался стремительный и уже в силу этого воспринимавшийся массами необратимым переход от социалистической плановой к капиталистической рыночной экономике. В свою очередь это способствовало приобщению к активным действиям дееспособной части населения. Важно было не упустить время. Однако необратимость этого процесса имеет глубокие внутренние причины. Страна вернулась в русло общих закономерностей экономического развития после завершения провальных социалистических экспериментов. Опасаться можно лишь рецидивов, которые и в самом деле могут затормозить продвижение к рыночной экономике. И опасения эти не столь уж и безосновательны в условиях унаследованного широкими массами социалистического менталитета,

отторгающего рыночные отношения, препятствующего адаптации к рыночной среде.

Своевременно государством были приняты и законодательные акты, создавшие юридические предпосылки для преобразования отношений собственности. Напомним, что первое сугубо прорыночное законодательство было принято еще в конце 80-х годов. По существу, оно было достаточным основанием для так называемой спонтанной приватизации 1987–1991 гг., что и явилось важной, хотя и не единственной причиной того, что судебных преследований по ее поводу не было. Открывшейся возможностью в полной мере воспользовалась номенклатура и наиболее предприимчивые представители других слоев, осуществив прямое превращение основных производственных фондов в промышленный капитал, минуя предварительную, столь затяжную и непростую, стадию формирования денежного капитала, в результате чего бывшие советские менеджеры и иже с ними в мгновение ока превратились в крупных акционеров, а наиболее удачливые в исторически кратчайшие сроки вошли в число наиболее богатых людей мира.

Итак, на начальном этапе рыночного реформирования наиболее интенсивно протекал процесс первоначального накопления капитала — как путем активного участия в проводимой государством приватизации, так и путем присвоения, в интерпретации западных ученых, экономической ренты, то есть путем расхищения государственных средств, получения дотационных кредитов, коррупции, лоббирования, спекуляции государственными ценными бумагами, применения чисто криминальных способов. Именно в этот период и возобладали стихийные процессы в разделе и переделе объектов государственной собственности, регулируемые механизмом конкурентной борьбы между потенциальными собственниками, что отнюдь не исключало широкого и повсеместного привлечения последними государственных чиновников, далеко не бескорыстно помогавших овладевать самым щедрым из числа претендентов экономически привлекательными объектами государственной собственности.

Стихийные процессы уничтожили исходное социальное равенство, предусмотренное ваучерной приватизацией, иллюстрируя тем самым в очередной раз правомерность утверждения А. Маршалла относительно того, что равенство только и может быть «разовым».

В рыночной экономике все члены общества собственниками средств производства по определению быть не могут. В преобразовании отношений собственности решающую роль сыграл рыночный механизм в облике жесткой, бескомпромиссной конкурентной борьбы, в ходе которой и был произведен социальный отбор хозяйствующих субъектов, действительно способных выполнять функции собственников приватизированного имущества.

Вместе с тем неправомерно трактовать рыночную трансформацию постсоциалистической экономики как соответствующую интересам исключительно вновь нарождающегося класса собственников. Как показала практика, социализм именно как система, в которой все члены общества обладают статусом сособственника, оказался неспособным обеспечивать неуклонный рост жизненного уровня трудящихся. И напротив, на этом поприще весьма преуспели страны с развитой рыночной экономикой, создающей мощную мотивацию к эффективному труду, снимающей жесткие границы между классами. При высоком жизненном уровне акции, например, становятся доступными едва ли не для всех членов общества, что позволяет пополнять трудовой доход доходом от собственности. В широких масштабах во всех развитых странах процветает малый бизнес, позволяющий приобщиться к частнопредпринимательской деятельности.

Но, как уже отмечалось, и государство отнюдь не бездействовало. Оно вполне справлялось с присущими ему в этот период функциями, то есть формировало законодательную и институциональную базу под приватизацию объектов государственной собственности, определяло этапы, способы и методы ее проведения, принимало активное участие в формировании слоя крупных собственников, в том числе и номенклатурного происхождения, среди которых оказалось немало самих государственных чиновников. И уж во всяком случае проводимая государством политика не препятствовала становлению рыночных отношений, процессу первичного капиталообразования. И даже частичное разрушение реального сектора было объективно неизбежным, исходя из специфики сформированной в советский период макроэкономической структуры, а потому предотвратить его было невозможно. Финансовый кризис 1998 г. явился завершением периода активного накопления денежного капитала, последующее превращение которого в промышленный

оказалось самой прочной основой экономического роста, начавшегося сразу же вслед за финансовым кризисом и продолжающегося и поныне, хотя еще раз отметим значимость других факторов, как то: рост мировых цен на энергоресурсы, протекционистский эффект девальвации рубля и пр.

По мере овладения объектами реального сектора российской экономики новые собственники в силу объективной необходимости приступают на соответствующем масштабам их бизнеса уровне к решению проблемы реструктуризации народного хозяйства. Но такая проблема в силу ее масштабов и сложности не может быть ими успешно решена вне тесного контакта с макроэкономическим субъектом, то есть с государством. Только им может быть разработана долгосрочная программа преобразования структуры народного хозяйства в соответствии с общенациональными интересами, могущая явиться своеобразным компасом для частнопредпринимательской деятельности.

В связи с возрождением воспроизводственного процесса заявляется совершенно новый тип взаимоотношений власти и бизнеса, нежели в начальный период — период первичного капиталобразования, для которого столь значимой была близость к политической власти, на формирование и подкуп которой в тот период не скупились в условиях дефицита денежного капитала, коль скоро без него немыслимым было участие в денежной приватизации. Но этот этап миновал. Ныне представителей крупного отечественного бизнеса вполне устраивает равноудаленность от власти. К началу нового века они успели приобрести столь желанные объекты государственной собственности. Представители крупного бизнеса, по мере сосредоточения в своих руках блокирующих и контрольных пакетов акций, готовы приступить к выполнению важнейшей функции собственника — инвестиционной деятельности, которой и обеспечивается не только их дальнейшее личное обогащение, не только воспроизводство их социального статуса собственника, но, что еще более важно и экономический рост в интересах всех членов общества. Однако ситуация несколько изменилась в связи с неожиданно возникшей опасностью пересмотра итогов приватизации, вопреки всем словесным заверениям политических лидеров. Отметим, что этому в немалой мере способствовали сами олигархи. Шокирующие носителей социалистичес-

кого менталитета масштабы их личного обогащения не только актуализируют проблему совершенствования налоговой системы в целях недопущения чрезмерной дифференциации доходов, непереносимой даже в развитых странах, но, что гораздо опаснее не только для них, но и для страны, возрождают лозунги эпохи социалистической революции типа «грабь награбленное», могущие, однако, приобрести и юридическую силу.

В изменившихся на рубеже веков условиях перед государством как макроэкономическим субъектом в качестве первоочередной задачи ставится активная промышленная политика, направленная на формирование принципиально иной структуры народного хозяйства, на диверсификацию национальной экономики. Но глобальная реструктуризация немыслима без разработки и принятия теоретически обоснованной стратегической программы экономического развития, ориентированной на формирование структуры народного хозяйства в соответствии с современными технологическими укладами. И самая сложная проблема состоит в том, чтобы суметь наладить на принципиально новой основе взаимоотношения с бизнесом, что позволит активизировать в целях реализации общенациональных интересов их инвестиционную активность наработанными мировой практикой методами и способами административного и экономического, прямого и косвенного государственного регулирования. Важнейшим результатом предшествующего этапа реформирования явилось завершение трансформационного спада.

Ныне на первый план выдвинулась иная функция государства. Она состоит в том, чтобы по мере становления национальной модели рыночной экономики сформировать условия для устойчивого экономического роста социальной направленности, для обеспечения в этих целях амбициозных темпов роста ВВП. Это тем более важно, что четко просматривается становление современной, то есть смешанной, модели рыночной экономики. Особенность последней состоит в весьма значимой роли государства именно как макроэкономического субъекта в обеспечении диверсификации национальной экономики в условиях переходной экономики, направленной на завершение индустриального и становление постиндустриального этапа, чем и обеспечивается экономический рост. В развитых странах традиционно мощным фактором экономичес-

кого роста выступает государственный бюджет. Именно за счет него финансируются приоритетные направления экономического развития, дающие мультипликативный эффект для экономики в целом. В большинстве этих стран бюджетный дефицит рассматривается как средство стимулирования экономического роста. Так, накопленный бюджетный дефицит США за 1983–1997 гг. составил около 2 трлн. долл., а экономический рост за этот период – 5 трлн. в текущих ценах и 3,2 – в постоянных, то есть реальный ВВП увеличился на 65%. Бюджетный дефицит США продолжает расти и в 2003–2004 гг. составит не менее 4% ВВП (М.Ершов. Актуальные направления экономической политики. — Вопросы экономики. 2003, №12, с. 30). Особенно широко бюджетный дефицит используется в целях преодоления кризисных ситуаций. Важно воздействие государства и на регулирование кредитных отношений. В США, например, ставка рефинансирования установлена ныне на уровне 1%, что ниже уровня инфляции. Такая политика вполне объяснима: как известно, истоки финансовой стабилизации прямо и непосредственно связаны с состоянием реального сектора национальной экономики, на обслуживание потребностей которого и направлена деятельность финансовой системы. Между тем в российской экономике и поныне не преодолена политика, направленная на пополнение золотовалютных резервов, на бездефицитный бюджет. А потому экономический рост и поныне обеспечивается прежде всего экспортным потенциалом страны, к тому же ограниченным пропускной способностью трубопроводов и портов. В итоге инвестиционный потенциал ЦБР и Минфина все еще остается незадействованным, тем более что четкой политики государства в области высоких технологий все еще не выработано, не создано условий для приоритетного развития наукоемкого производства, что не менее важно и для частнопредпринимательской деятельности. К тому же нестабильная конъюнктура не стимулирует крупных предпринимателей к инвестированию в добывающую промышленность. Мировая практика убедительно показывает, что ныне наиболее выгодно вкладывать в высокие технологии, в сферу хай-тека. Однако отсутствие четкой и ясной стратегической программы диверсификации российской экономики порождает парадоксальную ситуацию, когда инвестиции накоплены, но экономическим субъектам макро- и микроуровней не вполне ясно,

какие направления их использования являются наиболее перспективными и прибыльными.

8.3. Экономическая политика государства в переходный период

Государство реализует себя в качестве носителя общенациональных интересов посредством проведения экономической политики во всем многообразии ее направлений. Политика государства в переходный период подчинена преобразованию социалистической плановой экономики в капиталистическую рыночную. Прежде всего этим определяется критерий ее адекватности переживаемому этапу развития во всех постсоциалистических странах. Однако расстановка акцентов на ее основных направлениях, значимость каждого из них, последовательность и темпы их проведения во многом определяются принятой моделью реформирования, а в пределах одинаковой модели — национальными особенностями каждой страны.

Как известно, в России была принята либеральная модель, предложенная для практического использования МВФ. Уже в силу того, что она была рекомендована финансовой международной организацией, во-первых, а ее теоретической основой явился монетаризм, во-вторых, при ее реализации приоритетными оказались кредитно-денежная и финансовая политика. В странах Латинской Америки такая политика была направлена на финансовое оздоровление их уже рыночной экономики. В постсоциалистических странах она была востребована либерализацией внешней и внутренней экономической деятельности хозяйствующих субъектов, включая высвобождение цен и приватизацию государственного имущества на основе принятого в этой связи законодательства. Государство приступило к регулированию денежного обращения в соответствии с присущими рыночной экономике законами. Финансовая политика была направлена на создание принципиально нового механизма формирования государственных доходов и их оптимального использования с точки зрения первоочередного решения наиболее актуальных проблем, среди которых самой острой оказалась проблема погашения государственного долга и его обслуживания.

Методами кредитно-денежной и финансовой политики государство стремилось преодолеть финансовую дестабилизацию. Оно даже преуспело на этом поприще — в той мере, в какой это возможно при разрушительных процессах в реальном секторе экономики. И хотя придать устойчивость финансовой стабилизации при таких объективных предпосылках невозможно, тем не менее удалось обуздать гиперинфляцию первой половины 90-х годов, порожденную либерализацией цен в январе 1992 г. Цены только за один 1992 год выросли более чем в 26 раз. Вполне естественно, что в этих условиях во внутренней политике возобладал курс на финансовую стабилизацию как предпосылку экономического роста методами кредитно-денежной и финансовой политики, вследствие этого действительно оказавшимися приоритетными направлениями. Вместе с тем кредитно-денежная и финансовая политика в немалой мере сами по себе способствовали разрушению реального сектора, и без того находившегося в крайне тяжелом состоянии. Однако частичное разрушение унаследованной от прошлого макроэкономической структуры, характеризующейся глубокими структурными и технологическими дисбалансами, совершенно неизбежно в постсоциалистической экономике. И уже в силу этого трудно провести грань между созиданием и разрушением. К тому же в эпоху первоначального накопления капитала весьма специфично взаимодействие финансового и реального секторов экономики. Эта специфика состоит в том, что финансовая система становится мощным механизмом накопления денежного капитала, последующее превращение которого в промышленный осуществляется в ходе денежной приватизации и постприватизационного передела собственности, то есть с немалым временным лагом.

В области кредитно-денежной политики в целях борьбы с гиперинфляцией начала 90-х годов был взят курс на сжатие денежной массы в обращении путем изъятия якобы излишней денежной массы, но при этом без жесткой увязки с резким повышением оптовых и розничных цен, многократно перекрывшим сокращение ВВП. Так, цены выросли в российской экономике за 1992—1996 годы в 8,5 тысяч раз, а денежный агрегат М2 — только в 230 раз. В конечном счете это привело к снижению до критического уровня коэффициента монетизации ВВП, составившего к исходу 90-х годов 12% вместо 70% в 1990 г. Отметим, что таково его значение и для

большинства развитых стран, исключая США, где он выше 100%, что объясняется особым положением американской валюты на мировом рынке.

Не вполне экономически грамотно обоснованная политика денежных рестрикций сопровождалась крайне негативными последствиями. Демонетизация экономики способствовала в немалой мере долларизации каналов денежного обращения. Чрезвычайно затруднены были денежные расчеты между хозяйствующими субъектами, в особенности в реальном секторе экономики, ввиду оттока денежной массы в финансовый сектор в целях осуществления финансово-спекулятивных сделок, доходность которых многократно превышала доходы в реальном. К тому же интенсивность оттока денежной массы в финансовый сектор объясняется стремительно протекавшим в 90-е годы процессом накопления денежного капитала под грядущий денежный этап приватизации.

Дефицит денежной массы в обращении явился одной из важных причин разразившегося в стране кризиса неплатежей, в результате чего реальный сектор экономики оказался отброшенным к доденежному обмену, осуществляемому по формуле Т-Т. Становление подлинных товарно-денежных отношений в стране и в самом деле началось с простейших их форм. Кризис неплатежей в свою очередь породил денежные суррогаты, расчеты которыми оказывались крайне ненадежными.

В условиях высокой инфляции чрезвычайно дорогим (а иным в условиях гиперинфляции он и не мог быть), и потому недоступным для предприятий реального сектора оказался кредит, процентная ставка по которому регулировалась ЦБР через ставку рефинансирования. Сжатие денежной массы в обращении еще более усугубляло ситуацию.

Иными словами, кредитно-денежная политика отражала уровень компетентности государственных чиновников, эту политику разрабатывавших и проводивших в жизнь. Их представления о рыночной экономике, равно как и о механизме ее регулирования на основе присущих ей законов, вполне соответствовали ее младенческому состоянию, что объективно исключало возможность глубокого и всестороннего обоснования регулирующей деятельности государства, а тем более предвидения всей совокупности социально-экономических последствий проводимой по-

литики. Не могли помочь и западные консультанты, мыслившие категориями развитой рыночной экономики, каковой российская экономика не являлась. Между тем одни и те же на первый взгляд проблемы в переходной экономике оказываются значительно более сложными, не поддающимися решению традиционными способами, наработанными в развитых странах за прошедшие столетия.

Вследствие этих же причин не лучшим образом обстояло дело и с финансовой политикой. В условиях острого дефицита государственного бюджета, огромной внешней и внутренней государственной задолженности, достигавшей уровня почти годового ВВП, фискальные интересы государства при ее проведении оказались приоритетными. Как известно, доходы государственного бюджета во всех странах формируются прежде всего за счет налоговых поступлений. Однако налоговая система, как и любой другой институт рыночной экономики, не могла сложиться сразу и в совершенном виде. К тому же при установлении налоговых ставок государство вынужденно исходило прежде всего из необходимости погашения своих долговых обязательств, а не из реальных возможностей налогоплательщиков, хотя тем самым подрывалась налогооблагаемая база в долгосрочной перспективе.

И без того шаткое финансовое положение предприятий, вынужденных платить непомерные по уровню их доходов налоги, еще больше ухудшалось. Они либо разорялись, либо уходили в тень, используя множество методов уклонения от уплаты налогов, проявляя при этом недюжинную изобретательность, как бы и в самом деле руководствуясь ироничным утверждением Дж.М. Кейнса относительно того, что «уклонение от уплаты налогов представляет единственный вид интеллектуальной деятельности, которая хоть как-то вознаграждается», либо вывозили накопленный в стране денежный капитал за рубеж, что подрывало и без того скудный инвестиционный потенциал страны.

Тем не менее методами кредитно-денежной и финансовой политики в конечном счете были подготовлены предпосылки экономического роста, отнюдь не случайно начавшегося сразу же после финансового кризиса 1998 г. Такой политикой был в значительной мере погашен государственный долг, ускорен процесс преодоления унаследованных дисбалансов, сформирован меха-

низм конкурентной борьбы, под воздействием которой вымывалось безнадежно морально и физически устаревшее производство. И уже совершенно особую роль институты финансовой системы сыграли в накоплении денежного капитала, без которого невозможны были денежная приватизация и формирование подлинных собственников, способных превратить денежный капитал в промышленный. Появление последних — решающее условие возрождения инвестиционного процесса, а следовательно, и экономического роста.

Вместе с тем и в условиях реализации либеральной модели государство отнюдь не ограничивалось проведением исключительно кредитно-денежной и финансовой экономической политики. В той или иной мере оно занималось и инвестиционной политикой. Однако ограниченность финансовых средств не позволяла успешно выполнять даже те скромные инвестиционные программы, которые им принимались. Уровень финансирования государственных инвестиционных проектов не превышал 35%. При крайне ограниченных финансовых возможностях государство в первую очередь вполне резонно направило свои усилия на устранение оказавшихся с завершением холодной войны излишними производственных мощностей, сосредоточенных в отраслях ВПК, что достигалось путем их перепрофилирования. Проведенная государством в несколько этапов конверсия ВПК была направлена на его преобразование в ОПК.

В меру финансовых возможностей обремененного долгами государства проводилась и социальная политика, основные направления которой предопределялись особенностями социальной сферы, сформированной в предшествующий период, а также обстоятельствами переходного периода, обусловившими резкое снижение жизненного уровня широких слоев населения. Важно и то, что был провозглашен законодательно закреплённый курс на построение социально ориентированной рыночной экономики. Как известно, таковой она является ныне в любой развитой стране в силу целого ряда вполне объективных причин, среди которых отметим следующие:

- коренное изменение соотношения материально-вещественного и личного факторов в процессе воспроизводства в сторону резкого возрастания значимости личного, то есть работника;

- вследствие этого классовые отношения с присущими им классовыми конфликтами уступили место отношениям социального партнерства, предполагающим иной подход к решению социальных проблем;

- современный этап развития производительных сил обеспечивает колоссальный рост производительности общественного труда, а тем самым и материальных предпосылок для роста благосостояния, для проведения эффективной и многогранной социальной политики;

- значимость последней резко возрастает в связи с необходимостью подготовки высококвалифицированной рабочей силы и создания условий для ее поддержания в работоспособном состоянии в течение всего трудоспособного возраста;

- развертывание предпринимательской деятельности, сопровождающейся углублением разрыва в уровнях дохода, порождает необходимость проведения политики регулирования доходов в целях недопущения чрезмерного и в силу этого социально опасного разрыва в их уровне.

По поводу возрастающей дифференциации в уровне доходов отметим то обстоятельство, что такой разрыв в высокоразвитых странах все в большей мере имеет своим основанием нарастающий разрыв в уровне квалификации работников. По мере все более широкого распространения знаний растет интеллектуализация труда, что находит выражение в резком возрастании уровня квалификации работников, носителей уникальных знаний и высочайшего профессионализма, а соответственно — и в оплате их труда. Возрастание значимости умственного труда, его все более широкое распространение наблюдается во всех развитых странах, но наиболее отчетливо начиная с 70-х годов в США и Великобритании. Однако сглаживание разрыва в уровнях личных доходов должно достигаться прежде всего созданием условий для выравнивания уровня квалификации лиц наемного труда путем неуклонного повышения уровня профессиональной подготовки, а отнюдь не методами налоговой и социальной политики.

Все эти проблемы со временем станут актуальными и для России. Но в переходную эпоху значимость социальной политики определяется другими обстоятельствами, а именно:

- необходимостью сохранения бесплатной, традиционно сложившейся в предшествующий период социальной сферы еще и

вследствие резкого снижения жизненного уровня широких слоев населения в условиях трансформационного спада;

- социальная защита необходима и в связи с тем, что в условиях раздела и передела собственности население оказалось жертвой как самого государства, обесценившего трудовые сбережения, так и мгновенно возникших коммерческих банков, а тем более всякого рода финансовых мошенников типа МММ, «Чара», «Тибет» и пр., что в немалой мере способствовало обнищанию неспособного ориентироваться в резко изменившихся условиях населения;

- слабой адаптацией членов постсоциалистического общества к рыночным условиям, пассивностью и беспомощностью большинства из них в силу объективно сложившегося за годы социализма стереотипа поведения, как то: иждивенчество, социальная пассивность, патернализм.

Эти обстоятельства и предопределяли основные направления в области социальной политики. Однако отсутствие навыков в решении проблем переходного периода, во-первых, ограниченность ресурсов государственной казны, обусловленная дефицитом федерального бюджета вплоть до конца 90-х годов — во-вторых, не позволяли осуществлять социальную политику в масштабах, достаточных для оказания ощутимой поддержки в виде всякого рода социальных трансфертов хотя бы наиболее уязвимым слоям населения. Ситуация усугублялась несвоевременной выплатой заработной платы даже самим государством, запаздыванием с индексацией доходов, столь актуальной в условиях высокой инфляции. Были допущены и элементарные просчеты в проведении социальной политики, обусловленные сложившимися ранее в данной сфере стереотипами, как то: принцип равенства в предоставлении благ и услуг всем членам общества через общественные фонды потребления, что воспрепятствовало на первых порах внедрению принципа адресности при оказании социальной помощи. Таковую в той или иной форме получало 70% населения, хотя за чертой бедности находилось около 30%, до которых вплоть до 2000 г. доходило всего 19% социальных трансфертов. Иными словами, социальная поддержка традиционно оказывалась государством почти всем, что резко снижало ее значимость для остро нуждающихся членов общества.

Как видим, социальная политика государства 90-х годов была весьма ограниченной и не вполне компетентной. Тем не менее она

наряду с прочими факторами все же оказалась достаточной для того, чтобы не допустить столь естественных для всякой переходной эпохи острых социальных конфликтов на почве раздела и передела ранее созданного общественного богатства, тем более что в пост-социалистических странах объекты собственности изымались у всего народа, а вместе с тем устранялись и присущие ей экономические формы реализации. Основные усилия государства направлялись на предотвращение массовой безработицы, столь свойственной экономическому спаду, и недопущение массового разрушения привычной для населения старой социальной системы. То и другое сдерживало рост нищеты в массовом масштабе.

Открытое недовольство выражалось главным образом по поводу несвоевременной выплаты заработной платы и социальных трансфертов. Что же касается собственно рыночных преобразований, то протест против них проявлялся в скрытой форме, а именно в неизменной и весьма широкой поддержке представителей КПРФ на всех выборах 90-х годов. Но такой протест во многом был погашен начавшейся на исходе века и успешно продолженной в последующие годы политикой, направленной не только на преодоление накопленной в предшествующий период задолженности по заработной плате и социальным трансфертам, не только на их индексацию, но и на постепенное и регулярное их повышение. Неуклонно рос размер минимальной заработной платы с 83 руб. в 90-е годы до 600 — в 2003 г. Немалые успехи достигнуты и за 2003 г. Так, число бедных с доходом меньше прожиточного уровня сократилось за этот год с 25% до 22%, реальные доходы населения выросли на 11% против 9% за 2002 год, благодаря чему существенно возрос внутренний платежеспособный спрос на потребительские товары и услуги (Известия. — 29 декабря 2003). Все эти процессы вполне соответствуют официально провозглашенному и в Конституции РФ зафиксированному курсу на построение социально ориентированной рыночной экономики. Повышение эффективности социальной политики стало возможным благодаря начавшемуся с 1999 г. экономическому росту, устойчиво положительному сальдо федерального бюджета. В свою очередь рост доходов населения становится фактором экономического роста. Вместе с тем создаются материальные предпосылки для решения в соответствии уже с природой рыночной экономики таких глобальных проблем, как жилищ-

но-коммунальная, пенсионная, состояние науки, здравоохранения, просвещения и пр. При проведении социальной политики важно найти оптимальное соотношение в распределении функций, выполняемых на уровне федеральных, региональных и муниципальных властей, и соответственно — бюджетных средств под эти функции.

В этой связи еще раз напомним, что социальная ориентация экономики развитых стран Запада оказалась возможной далеко не сразу, а лишь по мере повышения уровня экономического развития в процессе завершения индустриального и перехода в эпоху постиндустриального развития, чем и были созданы материальные предпосылки, а вместе с тем и объективная необходимость для такой ориентации. По мере преодоления технико-технологической отсталости постсоциалистической экономики такие предпосылки появятся и в ней.

Итак, государство в постсоциалистических странах действует в чрезвычайно сложных и специфических условиях, в условиях беспрецедентного в мировой истории перехода к капитализму от социализма. Его назначение состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить построение рыночной экономики на руинах плановой путем создания соответствующих юридических предпосылок для преобразования всей системы экономических отношений и последующего юридического оформления вновь возникающих отношений, создать законодательную базу, способную эффективно защищать права и наемных работников, и собственников, равно как и обеспечивать неукоснительное выполнение взаимных обязательств в пределах правового поля их деятельности. Совершенствование законодательной базы идет и по линии регулирования деятельности региональных и муниципальных органов власти, де бюрократизации управленческого аппарата разного уровня, укрепления нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность институтов рыночной инфраструктуры, банковской системы в том числе.

Однако государство является не только законодательным органом. В современной модели рыночной экономики оно выступает также в качестве макроэкономического субъекта, прерогативой которого является обеспечение методами экономической политики повышения эффективности функционирования наци-

ональной экономики. И в этом смысле государство призвано активизировать и направить инвестиционную активность микроэкономических субъектов в русло реализации общенациональных интересов. В переходной экономике такая активность должна быть сосредоточена на реструктуризации народного хозяйства по критериям рыночной экономики и в соответствии с современным этапом НТП. В процессе рыночной трансформации складывается национальная модель государственного регулирования с присущей ей спецификой способов и методов такого регулирования. При проведении экономической политики чрезвычайно важно определить оптимальные формы взаимодействия государственного регулирования с рыночным механизмом, корректируя при этом их соотношение в соответствии с национальными особенностями, одной из которых, например, является сверхвысокий уровень монополизации отечественной промышленности, сложившийся еще в советский период и не преодоленный и поныне.

Роль государства меняется по мере прохождения различных этапов переходного периода. Завершение первого этапа в лихие 90-е годы и переход ко второму этапу выдвигают в качестве главной проблему возрождения реального сектора национальной экономики в соответствии с новейшими технологическими укладами, присущими постиндустриальному развитию. В этих условиях приоритетной постепенно становится промышленная политика, в рамках которой структурными преобразованиями преодолевается сырьевая зависимость экономики. Но такая приоритетность предполагает подчинение ей стратегии бюджетной политики при сокращении общей бюджетной нагрузки на экономику, что в свою очередь требует соответствующей корректировки доминировавшей в 90-е годы денежно-кредитной и финансовой политики. Преодолению такой зависимости способствует начавшаяся реструктуризация естественных монополий. Так, реформирование МПС нашло выражение в создании ОАО «Российские железные дороги». Идет дальнейшее углубление законодательной базы реформирования РАО «ЕЭС России», предполагающее выделение генерирующего сектора в целях повышения эффективности функционирования электростанций. На очереди — начало реального реформирования Газпрома.

Как известно, даже в пределах одной модели существуют различия по многим аспектам рыночной трансформации. Есть они и в деятельности государства. Так, далеко не во всех странах, принявших либеральную модель, возобладали стихийные процессы. В странах ЦВЕ, например, государство сумело во многом обуздать их. Решающее значение имело то, что в этих странах внутривнутриполитическая борьба оказалась не столь острой и принципиальной, политическая культура — более высокой, противодействие рыночным преобразованиям — несравненно более слабым, криминализация экономической деятельности не приняла здесь всеобщего характера, как, например, в России. Такие различия совершенно неизбежны в силу национальных особенностей той или иной постсоциалистической страны, как то: ее масштабы, географическое положение, особенности предшествующего развития в рамках мировой социалистической системы, степень готовности населения к рыночным реформам, сложившиеся традиции в области государственного регулирования, место данного института в жизни общества и пр.

И уже совсем по-иному складывалась ситуация в КНР, где рыночными преобразованиями не предусматривалось разрушения государственной собственности и ее институтов, а следовательно, и присущего ей механизма хозяйствования. Государственная собственность оставалась экономической основой монополии КПК на власть. Формирование рыночных отношений находится и по сей день под ее контролем, что не препятствует коренным изменениям в области государственного регулирования. Так, неуклонно сокращается сфера директивного централизованного планирования, все уже становится круг товаров, цены на которые устанавливаются государством, все более широкими полномочиями наделяются трудовые коллективы и директора государственных предприятий, все более широко внедряется акционерная форма собственности. Иными словами, идет синхронный процесс преобразования государственного механизма хозяйствования и становления рыночного механизма. Это позволило сохранить правящей партии — КПК — не только авторитет, но и власть. Решениями очередных партийных съездов и по сей день корректируются способы и методы достижения поставленной цели, состоящей в построении социалистического планового рыночного хозяйства, конкретизированной XVI съездом на перспективу до 2020 г. как построение общества

«среднего достатка» в соответствии с концепцией «сяокан». Этой цели подчинены все принимаемые и успешно реализуемые КПК решения. Сочетанием механизмов государственного регулирования и рыночного обеспечиваются устойчиво высокие темпы экономического роста, достигается гармонизация экономических интересов всех слоев населения. Имеет значение и крайняя осмотрительность политических лидеров при проведении реформы, осуществляемой в соответствии с принципом «переходить реку, ошупывая каждый камень».

Вопросы для повторения:

1. В чем уникальность опыта государственного регулирования в советской экономике и чем определяется актуальность его изучения в условиях становления смешанной рыночной экономики?
2. Под воздействием каких обстоятельств формируются функции государства в переходный период?
3. В какой мере приложим опыт государственного регулирования в развитых странах к постсоциалистической экономике?
4. Каковы основные аспекты экономической политики российского государства и последствия ее проведения в 90-е годы?
5. Под воздействием каких факторов изменяются функции государства в переходной экономике в XXI веке?
6. Какова роль государства в осуществлении структурной диверсификации народного хозяйства?
7. В чем причины высокой коррумпированности государственных чиновников на современном этапе экономики переходного периода в России?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Государство в социалистической экономике: его функции и эффективность государственного регулирования.
2. Функции государства в современной смешанной рыночной экономике.
3. Основные направления деятельности государства в экономике переходного периода.
4. Особенности формирования взаимоотношений государства и крупного бизнеса на современном этапе.

5. Особенности экономической политики государства в постсоциалистических странах (на примере РФ, КНР, других стран).

Литература:

1. Государство в меняющемся мире// Вопросы экономики. — 1997, №7.
2. Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы// Мировая экономика и международные отношения. — 2001, №1.
3. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. — М.: 1995.
4. Обзор экономической политики в России за 2001 год. Бюро экономического анализа. — М.: ТЕИС, 2002.
5. *Пороховский А.А.* Вектор экономического развития. — М.: ТЕИС, 2002.
6. *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора. — М.: 1997.
7. Теоретические проблемы переходной экономики/Под ред. В.В. Радаева. — М.: ТЕИС (гл. 5.3).
8. Теория переходной экономики: Учеб. пособие/Под ред. Е.В.Красниковой. — М.: ТЕИС, 1998. — ч.2 «Макроэкономика» (гл.6).
9. *Фетисов Г.* Монетарная политика-2004: кредитование национальной экономики или наращивание валютных резервов?
10. Экономика: Учебник. М.: Проспект, 1998 (гл. 21).

Тема IX. ПРЕДПРИЯТИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Корпоративный мир должен стать более интересным. Он должен быть местом, где люди становятся креативными и отважными предпринимателями, местом, где идеи рождаются мгновенно, а восхитительные вещи появляются еще быстрее.

*Кьел А. Нордстрем,
Йонас Риддерстралле*

План:

1. Преобразование государственного предприятия в рыночную структуру. Типы предприятий в российской экономике.
2. Основные модели экономического поведения предприятий в переходной экономике.
3. Кризис неплатежей: причины, последствия, пути преодоления.
4. Особенности становления корпоративного управления.

9.1. Преобразование государственного предприятия в рыночную структуру. Типы предприятий в российской экономике

Советская экономика есть экономика безраздельного господства отношений государственной собственности. Деятельность государственных предприятий находилась под абсолютным контролем государственных органов, которыми разрабатывались и утверждались пятилетние планы развития народного хозяйства, определявшие вклад каждого предприятия в их выполнение. Ими регулировались все стадии общественного воспроизводства, все аспекты производственной деятельности предприятий. Полностью гасилось всякое проявление экономической самостоятельности, а тем более —

предпринимательской активности. Как уже отмечалось выше, отношения между макро- и микроэкономическими субъектами носили глубоко противоречивый характер. Смягчить, а тем более снять эти противоречия было невозможно. Их постепенное углубление вело к падению эффективности функционирования социалистической экономики, что нашло выражение в замедлении темпов экономического роста и привело к полному застою в 80-е годы.

В целях его преодоления была разработана концепция ускорения социально-экономического развития страны, реализовать которую не представлялось возможным, что и вынудило социалистических лидеров приступить к коренному реформированию системы социалистических экономических отношений. Важнейшим направлением реформирования явилось преобразование государственных предприятий в рыночные структуры, фактически начавшееся в российской экономике еще на исходе 80-х годов, когда была официально разрешена индивидуальная трудовая деятельность, ставшая основой формирования малого бизнеса в различных сферах экономической деятельности. В этот же период начали создаваться кооперативы в промышленности и в торговле, заложившие основу среднего бизнеса. Вместе с тем они широко использовались для перекачки государственной собственности в частные руки, прежде всего через механизм цен. В эти же годы на государственных предприятиях вводилась аренда государственного имущества в целях повышения эффективности их функционирования. Это явилось первым шагом на пути превращения государственного предприятия в частное путем выкупа арендованного имущества, начавшегося еще на этапе ваучерной приватизации. Законодательство этого периода позволило осуществить в течение 1987–1991 гг. так называемую спонтанную приватизацию государственной собственности, что достигалось путем создания всякого рода кооперативов, обслуживающих государственные предприятия. Кооперативы создавались в целях присвоения имущества этих предприятий, в наибольшей мере — через механизм цен. Так, готовая продукция скупалась у предприятий по государственным ценам, а продавалась по более высоким рыночным. Немаловажное значение имело и преобразование отраслевых министерств и ведомств в сугубо рыночные структуры, благодаря чему основные производственные фонды государственных предприятий прямо и непосредственно,

минуя предварительную стадию накопления денежного капитала, превращались в промышленный капитал, персонифицированный в представителях прежде всего отраслевой номенклатуры. Напомним, что Государственный газовый концерн был создан еще в 1989 г. на базе соответствующего отраслевого министерства во главе с бывшим министром.

Однако массовый характер преобразования государственных предприятий в рыночные структуры начался в 90-е годы в связи с провозглашением официального курса на рыночную трансформацию. Такое преобразование осуществлялось в процессе ваучерной и денежной приватизации государственного имущества. Как уже отмечалось, предусматривались различные способы ее проведения в зависимости от размеров предприятий, чем и предопределялись вновь складывавшиеся формы собственности, а соответственно и типы предприятий. Вновь возникшие формы совместной собственности были представлены акционерными обществами закрытого и открытого типа, кооперативами, товариществами. Мелкие предприятия, приобретенные на аукционах, оказались в индивидуальной собственности, основанной на собственном или наемном труде. Их разновидностью является также крестьянское (фермерское) хозяйство, появившееся в процессе деколлективизации сельского хозяйства. По желанию крестьян сохранились и колхозы как ставшая столь привычной форма хозяйствования на селе, хотя условия их деятельности, равно как и взаимоотношения внутри них, претерпевают принципиальные изменения, в связи с чем появились реальные возможности для превращения колхозов в подлинные кооперативы.

Вместе с тем процесс преобразования отношений государственной собственности в российской экономике все еще не завершен, вследствие чего наряду с частными предприятиями сохраняются государственные федерального, регионального и муниципального уровней. К настоящему времени в федеральной собственности остается более 9700 предприятий, а более чем на 4000 предприятий государство владеет пакетом акций. Это либо закрепленные пакеты акций стратегически важных объектов, либо остаточные пакеты, находящиеся в распоряжении Минимущества или РФФИ, а также золотая акция, дающая государственным институтам право вето при решении наиболее важных вопросов, как, например, измене-

ния в уставе компании, реорганизация или ликвидация последней, проведение крупных сделок с активами. Интересы государства на этих предприятиях представляют лица, отобранные соответствующими министерствами и ведомствами. По заявлению официальных лиц, государство эффективно управляет лишь на 29% предприятий с участием государства, в связи с чем предлагается остальные приватизировать полностью. Отмечается также, что более успешно функции управления осуществляются Министерством имущества, а не РФФИ. Практика показывает также, что эффективнее обладание золотой акцией, чем государственным пакетом акций. Сохранение государственной собственности в любом варианте чревато неопределенностью прав собственности и неполнотой контроля, асимметрией информации, сохранением ключевой роли менеджмента. Устранение этих недостатков возможно путем укрепления государственного контроля на государственных предприятиях, не подлежащих приватизации, и на предприятиях с закрепленным госпакетом акций. Судьба остальных — приватизация, в ходе которой государственные предприятия превращаются в рыночные структуры. Иными словами, продолжается процесс формирования оптимальной структуры собственности по соотношению частной и государственной, а соответственно и соотношения предприятий, представляющих малый, средний и крупный бизнес. Оптимизация такого соотношения в немалой мере обеспечивает эффективность функционирования национальной экономики.

Особое место среди российских предприятий занимают естественные монополии, к числу которых относятся РАО Газпром, РАО ЕЭС, МПС и близкие к ним Транснефть, Сбербанк, Минатом, водоканалы, аэропорты. Цены на их продукцию на внутреннем рынке остаются заниженными, что сдерживает рост эффективности предприятий, входящих в структуру этих монополий. Естественные монополии подлежат реструктуризации путем выделения из их состава конкурентного сектора или генерирующих компаний. Целью такой реструктуризации является повышение эффективности их деятельности, укрепление конкурентной среды, упорядочение цен на продукцию этих монополий.

Кроме того, государство выступает собственником 34 тысяч организаций и учреждений, как то: больницы, поликлиники, вузы, спортивные комплексы и т.д., большинство из которых предостав-

ляют услуги населению. Многие из этих предприятий все еще не реструктурированы, сохраняется неопределенность прав собственности, значительная часть их имущества сдается в аренду, ключевую роль играет менеджмент, государственный контроль слаб. Многие из них в перспективе подлежат преобразованию в частные и государственные, коммерческие и некоммерческие организации и учреждения. В любом случае они будут поставлены в условия конкурентной среды. Источниками их финансирования станут обязательное и добровольное страхование, государственные и частные заказы, платежи граждан. Реформирование этих предприятий едва началось. Важнейшая целевая установка такого реформирования состоит в предоставлении более качественных услуг населению в сфере ЖКХ, образования, медицинского обслуживания. Отметим также, что к числу бюджетных организаций относятся и органы государственного управления, эффективность деятельности которых остается невысокой при росте оплаты труда и увеличении численности занятых в них. На преодоление этих недостатков направлена проводимая ныне административная реформа, предусматривающая, в частности, переход на конкурсную основу при найме на государственную службу.

Подводя итоги, отметим, что к настоящему времени в российской экономике преобладают предприятия и организации, находящиеся в частной собственности. На 2002 год их удельный вес в общей численности составил 75,8% (Российский статистический ежегодник. — М.: 2002, с.311). Однако при этом в негосударственной собственности сосредоточено лишь 58% стоимости основных фондов (там же, с.303).

По мере преобразования социалистических предприятий в рыночные структуры коренным образом изменяется характер их взаимодействия. Их отношения строятся на принципах конкурентной борьбы, победителями в которой оказываются наиболее жизнестойкие, способные адаптироваться к рыночным условиям. Исходные предпосылки вхождения в рынок для большинства государственных предприятий были крайне неблагоприятными вследствие их тяжелого финансового положения, сложившегося в годы застоя при социализме и крайне усугубленного обстоятельствами переходного периода. Между тем конкурировать в условиях внешней открытости, прежде всего за сохранение своих позиций на внутрен-

нем рынке, пришлось сразу же с иностранными фирмами, что для отсталых отраслей гражданского комплекса обернулось наиболее глубокими разрушительными последствиями. Преодоление технологических дисбалансов осуществлялось прежде всего путем массового разорения безнадежно устаревших и неперспективных предприятий этого комплекса. Постепенное оживление на сохранившихся предприятиях началось в связи с девальвацией рубля после финансового кризиса 1998 г., имевшей весьма ошутимый протекционистский эффект. В течение всех 90-х годов шла отчаянная борьба за выживание в экстремальных условиях.

9.2. Основные модели экономического поведения предприятий в переходной экономике

Доминирующей моделью экономического поведения российских предприятий на протяжении всех 90-х годов, не преодоленной в полной мере и поныне, явилась ориентация на выживание. Такая модель поведения была порождена прежде всего тяжелым финансовым положением большинства акционированных предприятий. Напомним в этой связи, что около четверти советских предприятий были планово убыточными. Число их возросло до 40% в 90-е годы. Основными мотивами такого поведения, его целевой установкой оказалось стремление сохранить профиль и масштабы производства, соответственно — традиционных поставщиков и потребителей, а также управленческие функции в руках инсайдеров, то есть бывших директоров предприятий, путем сосредоточения в своих руках контрольного пакета акций. В разных сферах деятельности стратегия на выживание достигалась разными способами.

Так, в институциональной сфере такое выживание обеспечивалось стремлением не допустить аутсайдеров к управлению предприятием, войти в вертикально интегрированные структуры, складывавшиеся в процессе реорганизации отраслевых министерств и ведомств; во взаимоотношениях с властными структурами преобладала стратегия лоббирования в целях получения финансовой помощи, прямых и косвенных субсидий, нефинансовой поддержки и пр.

В области снабжения и сбыта выживанию способствовала ориентация на ранее сложившиеся хозяйственные связи, поиски новых рынков сбыта, реструктуризацию ассортимента выпуска и сдерживание цен на готовую продукцию, использование дилерской сети, налаживание собственной системы сбыта — создание фирменных магазинов, маркетинговых центров и т.д.

В сфере занятости в годы формирования контрольного пакета акций преобладало стремление к сохранению трудового коллектива, а по мере завершения данного процесса — постепенное выдавливание излишней рабочей силы, главным образом неквалифицированной и преимущественно на добровольной основе, в целях формирования оптимальных потребностей производства трудового коллектива.

Адаптация к финансовым ограничениям осуществляется путем более пристального внимания к анализу факторов, определяющих соотношение доходов и расходов; путем переориентации на производство рентабельной продукции и сохранения нерентабельной лишь при наличии гарантированного спроса; путем рентоориентированного поведения, то есть поиска субсидий, привилегий, регулирования местного рынка с помощью региональных и муниципальных властей; путем перехода контролируемого оборота к расчетам наличными, прежде всего по отношению к новым и разовым покупателям, а также широкого использования бартерных сделок в целях преодоления дефицита оборотных средств и ограниченности платежеспособного спроса.

Выживанию в инвестиционной сфере способствовала ориентация на реструктуризацию производства и активную инвестиционную политику, что достигалось составлением бизнес-планов и инвестиционных проектов, поиском потенциальных инвесторов под их реализацию, привлечением информационных и консалтинговых фирм, налаживанием контактов с отраслевыми и региональными властными структурами и т.д. Успешному разворачиванию инвестиционной деятельности препятствовали такие факторы, как низкое качество бизнес-планов и инвестиционных проектов, дефицит собственных инвестиционных средств, непривлекательность большинства предприятий для внешних инвесторов, установка на закрытость компании, инвестиционные риски. Последние весьма многообразны. Прежде всего это риски, связанные с самим объектом приватизации, на региональном уровне дополняе-

мые рисками, порождаемыми противодействием региональных властей рыночным преобразованиям в так называемых красных поясах, экологическими (степень загрязненности окружающей среды, удорожающей инвестиционные проекты), социальными (наличие беженцев, уровень безработицы, уровень реальных доходов и пр.), рисками, обусловленными слабой адаптацией местного населения к рыночным условиям.

Конец 90-х годов ознаменовался завершением трансформационного спада и началом экономического подъема. Для выживших предприятий актуальной становится проблема перехода от стратегии выживания к стратегии экономического роста, что особенно четко просматривается на предприятиях, где появился собственник, подлинность которого и удостоверяется возрождением воспроизводственного процесса путем развертывания инвестиционной деятельности, посредством которой этот социальный статус воспроизводится. Наибольшую активность при этом проявляют аутсайдеры, сумевшие в ходе жесткой конкурентной борьбы осуществить накопление денежного капитала, ныне все шире используемого в качестве инвестиций. Важными факторами экономического роста становятся также растущий профессионализм менеджмента российских компаний, агрессивность отечественного бизнеса в борьбе с импортом за внутренний рынок и успешное продвижение российских товаров на внешний при все большей ориентации на внутренний рынок, прежде всего потребительский.

Однако лидерами экономического роста все еще остаются экспортно-ориентированные отрасли, на долю которых приходится наибольший прирост инвестиций, составивший за 2003 г. рекордные за годы реформирования 12%, а также потребительский сектор, особенно пищевая промышленность. Главными препятствиями для экономического возрождения остаются не вполне преодоленный дефицит инвестиционных средств, низкий платежеспособный спрос населения — важнейший фактор экономического роста, что в значительной мере является следствием экспортной ориентации экономики, а также, что очень важно на данном этапе, отсутствие четкой долгосрочной программы социально-экономического развития. Так, доля фонда заработной платы в российском ВВП даже с учетом теневой экономики составляет в настоящее время не более

25%, в то время как в США этот же показатель равен 60–62%. Таков эталон современной социально ориентированной рыночной экономики постиндустриального развития.

9.3. Кризис неплатежей: причины, последствия, пути преодоления

Тяжелое финансовое положение большинства российских предприятий, породившее стратегию на выживание, явилось одной из причин кризиса неплатежей, разыгравшегося в 90-е годы и не в полной мере преодоленного к настоящему времени. Просроченная задолженность как массовое явление присуща и развитой рыночной экономике в период экономического кризиса. В переходной экономике промышленный цикл еще не сложился, ей присущ трансформационный спад. И кризис неплатежей явился одной из форм его проявления, оказавшейся столь же глубокой, продолжительной и труднопреодолимой, как и сам спад.

Неплатежи в этот период приобрели всеобщий характер. Они распространились на всех контрагентов предприятий, имевших задолженность по кредитам коммерческим банкам, поставщикам и подрядчикам — за поставленные товары, предоставленные услуги и выполненные работы, собственным работникам — по заработной плате, государству — по налоговым и прочим платежам. Если конкретизировать причины этого кризиса, то можно выделить следующие:

- либерализация цен в январе 1992 г., сопровождавшаяся обесцениением оборотных средств предприятий и резким снижением платежеспособного спроса, означавшим сжатие внутреннего рынка;
- кризис самофинансирования, усугубленный упразднением системы государственного финансирования;
- мощный отток свободных денежных средств из реального сектора в финансовый ввиду предпочтительности спекулятивной прокрутки денег в нем, что еще более усугубляло дефицит денег как таковых, порожденный политикой денежных рестрикций, проводимой государством в 90-е годы в антиинфляционных целях;
- длительная неоплата государством собственных заказов, несвоевременная выплата им заработной платы работникам бюд-

жетной сферы, занятость в которой составляет порядка половины трудоспособного населения страны, запаздывание с выплатой социальных трансфертов;

- не вполне экономически обоснованная относительно состояния налогооблагаемой базы, но обусловленная высокой государственной задолженностью налоговая политика государства, на начальных этапах проведения которой у предприятий изымалась большая часть полученной прибыли, что еще более углубляло кризис самофинансирования;

- опережающий рост цен на продукцию естественных монополий на протяжении всех 90-х годов, что питало инфляцию издержек;

- низкая конкурентоспособность российских предприятий гражданского комплекса, выявившаяся в связи с внешней открытостью экономики, следствием чего стало их массовое банкротство;

- отсутствие законодательства, препятствующего накоплению просроченной задолженности и регулирующего реструктуризацию долгов;

- нивелирование политики государства по отношению к эффективным и убыточным предприятиям;

- огромные масштабы коррупции, способствовавшие неплатежам, вывоз капитала за рубеж, воровство, личное обогащение директоров ценой разорения собственных предприятий.

Кризис неплатежей способствовал углублению инвестиционного кризиса, что в свою очередь питало единственно возможную в сложившихся условиях экономическую стратегию на выживание. Реструктуризация народного хозяйства происходила в этот период преимущественно путем выбытия производственных мощностей в депрессивных отраслях и регионах, массового банкротства убыточных предприятий.

Под воздействием этого кризиса сложилась так называемая долговая экономика, характеризующаяся кризисом самофинансирования и структурным дисбалансом между обрабатывающей промышленностью-должником и добывающей промышленностью-кредитором, для которой неплатежи явились единственно доступным средством преодоления низкого платежеспособного спроса. В долговой экономике неплатежи выступали способом выживания российских предприятий: таким путем предприятия-должники перекладывали на государство часть своих расходов и

неплатежей потребителей, превращая свою задолженность перед государством в своеобразный инвестиционный и социальный кредит. В свою очередь, государство пыталось таким путем решать проблему экономического роста за счет добывающей промышленности и тем самым не допустить столь нежелательной и социально опасной массовой безработицы. Государственной задолженностью по заработной плате не лучшим образом решалась проблема инфляции спроса.

Тем не менее кризис неплатежей имел весьма негативные последствия, к числу которых можно отнести по крайней мере следующие:

- переполнение каналов денежного обращения денежными суррогатами;
- долларизация национальной экономики;
- разбухание рынка государственных ценных бумаг вследствие недобора налогов;
- растущее недоверие к банковской системе и массовый уход сбережений в нелегальный оборот, за границу, в чулок;
- рост социальной напряженности из-за несвоевременной выплаты заработной платы и социальных трансфертов;
- обострение финансовых взаимоотношений между федеральным центром и регионами по поводу доли в налоговых платежах;
- превращение для частного бизнеса внешнеэкономической сферы в главное убежище от внутренних потрясений, вследствие чего приток прямых иностранных инвестиций в 90-е годы был в 5 раз меньше оттока за рубеж российского капитала, по существу финансировавшего мировую, а не собственную экономику.

И все же к началу века кризис неплатежей государство сумело в основном преодолеть, чему в немалой мере способствовали следующие факторы:

- политика выравнивания государственных доходов и расходов;
- повышение эффективности антимонопольного регулирования;
- более широкое использование процедуры банкротства в процессе реструктуризации задолженности;
- усиление государственной поддержки малого и среднего бизнеса;
- реструктуризация задолженности и стимулирование прямых иностранных инвестиций;

- погашение государственных обязательств по государственным заказам, заработной плате, социальным трансфертам;
- взаимозачет долговых требований и обязательств;
- восстановление и укрепление банковской системы после финансового кризиса 1998 г.;
- упорядочение налоговой системы;
- ориентация на рыночные цены при проведении денежной приватизации;
- в области внешнеэкономической деятельности снижение курса рубля, упорядочение таможенной политики, введение обязательного обмена экспортной выручки на рубли и т.д. и т.п.

Итак, на рубеже веков совместными усилиями макро- и микроэкономических субъектов удалось выйти из состояния трансформационного спада, преодолеть кризис неплатежей как одну из форм его проявления, что и явилось основой перехода большинства российских предприятий от стратегии выживания к стратегии экономического роста, темпы которого имеют тенденцию к повышению. Так, в 2002 г. они составили 4,3%, в 2003 г. вместо запланированных 5% роста ВВП ожидалось его увеличение на 6,6%, а промышленного производства и того выше — на 6,9%. В ближайшие десять лет предстоит запрограммированное государством удвоение ВВП, что станет основой роста жизненного уровня населения страны.

9.4. Особенности становления корпоративного управления

Советская экономика оказалась монополизированной в еще большей мере, чем западная. Процесс монополизации, порожденный масштабами обобществления производства в условиях индустриального развития, при социализме был усугублен потребностями управления из единого экономического центра. В ходе приватизации бывшие советские монополии в облике ПО и НПО подлежали преобразованию в акционерные общества открытого типа, превратившиеся ныне в крупные корпоративные бизнес-структуры, включающие промышленные предприятия, а нередко и коммерческие банки. Преобладает вертикальная интеграция в форме концернов, холдингов, консорциумов.

Процесс акционирования порождает множество проблем, одной из которых является проблема становления корпоративного управления, порожденная природой акционерной собственности как разновидности крупной ассоциированной, которой свойственно отделение собственности от управления. Такое отделение в российской экономике как переходной начало складываться в процессе преобразования государственной собственности в акционерную еще на этапе ваучерной приватизации. Этот процесс продолжается и поныне. Он характеризуется рядом особенностей, под воздействием которых постепенно складывается национальная модель корпоративного управления. Назовем некоторые из них:

- затяжной характер формирования контролирующего собственника, порожденный распылением акций в процессе ваучерной приватизации и их последующей концентрацией путем перераспределения внутри корпорации между различными группами инсайдеров, а также между инсайдерами и аутсайдерами по мере накопления последними денежного капитала в целях проникновения в реальный сектор экономики;

- специфическая мотивация инсайдеров, их стремление к сохранению контроля за финансовыми потоками и вывод активов корпорации;

- незрелость внешнего механизма корпоративного управления вследствие незрелости институтов рыночной инфраструктуры;

- слабость нормативно-правового оформления корпоративного управления, способов и методов его становления;

- неэффективный государственный инфорсмент (принудительное применение права (закона), или правоприменение) прав собственности и контрактных обязательств;

- незрелость способов и методов управления государственным пакетом акций в условиях незавершенности приватизации;

- активизация региональных властей в качестве субъекта корпоративных отношений, усложняющих становление эффективной системы корпоративного управления.

Все это свидетельствует о том, что в российской экономике далеко еще не завершен процесс отделения собственности от управления. Концентрация акционерного капитала в руках крупных собственников, с одной стороны, формирование слоя высококвалифи-

цированных менеджеров — с другой, в конечном счете и приведут к становлению национальной модели корпоративного управления.

Консолидация акционерного капитала удлинена в российской экономике сосредоточением акций на первом этапе приватизации в руках не самых эффективных собственников — инсайдеров, которые оказались не способными развернуть инвестиционную деятельность на приватизированных ими объектах по многим причинам, прежде всего вследствие дефицита инвестиционных средств, а также слабой адаптации бывших директоров советских предприятий к рыночным условиям хозяйствования, неизбежным следствием чего явился массированный передел акционерного капитала.

Стремительно накопившие в 90-е годы денежный капитал аутсайдеры активно включились в борьбу за передел пакетов акций и весьма преуспели на этом поприще, потеснив инсайдеров на большинстве перспективных предприятий. По данным выборочного обследования, крупные акционеры, сформировавшиеся из числа аутсайдеров, имеют контрольный пакет акций на каждом пятом предприятии, у половины предприятий уровень концентрации собственности превышает 20%, а средний размер максимального пакета составляет порядка 34%. Уровень концентрации акционерного капитала продолжает неуклонно нарастать. Так, на начало приватизации только на 15% предприятий один акционер имел блокирующий пакет акций, к началу века — на 33%. За этот период число предприятий, где контрольным пакетом акций владеют 2—3 человека, выросло в 4 раза, с одним владельцем — в 2 раза.

Слабая правовая защита собственности стимулирует формирование высококонцентрированной собственности с контрольным пакетом на уровне 70%, что, однако, делает компанию непрозрачной. Контролирующий собственник, а это, как правило, не более 2—4 партнеров, выступает одновременно и менеджером, осуществляя функции оперативного управления. Иными словами, продолжается активная конкурентная борьба между инсайдерами и аутсайдерами, между собственниками и менеджерами, что сдерживает отделение собственности от управления. Проблема корпоративного управления при таких предпосылках оказывается актуальной в плане слияний и поглощений, контроля за крупными сделками и аффилированными структурами, повышения ответственности соб-

ственников и т.п. Главной проблемой в области корпоративного управления остается защита и гарантия прав собственности и обеспечение баланса интересов различных групп акционеров, а также акционеров и менеджеров. Но не менее важное значение имеет становление этических норм корпоративного управления в сознании участников корпоративных отношений, без чего невозможно соблюдение норм Кодекса корпоративного поведения.

Вопросы для повторения:

1. Каким образом осуществляется преобразование государственных предприятий в экономике переходного периода?
2. Какие факторы определяют соотношение малого, среднего и крупного бизнеса в постсоциалистической экономике?
3. Какова доминирующая стратегия экономического поведения предприятий в переходный период?
4. Какими способами реализуется предприятиями стратегия на выживание и каковы условия перехода к стратегии экономического роста?
5. Какие обстоятельства породили кризис неплатежей в российской экономике?
6. Чем характеризуется современный этап слияний и поглощений в российской экономике?
7. Каковы особенности становления корпоративного управления в российской экономике?
8. Чем обусловлена необходимость и каковы основные направления реструктуризации естественных монополий?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Объективная необходимость и способы преобразования государственных предприятий в рыночные структуры.
2. Факторы, определяющие соотношение малого, среднего и крупного бизнеса в российской экономике.
3. Основные направления реструктуризации естественных монополий.
4. Особенности современного этапа слияний и поглощений в российской экономике.
5. Факторы перехода от стратегии на выживание к стратегии экономического роста.

6. Проблемы становления корпоративного управления и корпоративной этики на российских предприятиях.

Литература:

1. Корпоративное управление. Рубрика//Вопросы экономики, 2002, №1.
2. Орлов А. Перспективы развития малого предпринимательства// Вопросы экономики. — 2002, №7.
3. Радыгин А. Слияния и поглощения в корпоративном секторе// Вопросы экономики. — 2003, №12.
4. Савицкий К. Кодекс корпоративного поведения: проблемы разработки и внедрения//Вопросы экономики. — 2002, №4.
5. Теория переходной экономики. Микроэкономика. Под ред. В.В. Герасименко. — М.: ТЕИС, 1997, гл. 3.
6. Ходов Л. О структуре малого бизнеса и особенностях его мотивации//Вопросы экономики. — 2002, №1.
7. Экономика предприятия. Рубрика//Вопросы экономики, 2003, №7.

Тема X. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Колхоз — дело добровольное: хошь не
хошь, а вступать надо.*

Венедикт Ерофеев

План:

1. Специфика социалистических аграрных отношений.
2. Преобразование отношений земельной собственности и становление новых форм хозяйствования в процессе рыночной трансформации.
3. Объективная необходимость и основные направления государственной поддержки сельского хозяйства.

10.1. Специфика социалистических аграрных отношений

Важнейшей сферой деятельности в современной экономике является АПК. Его комплексобразующей отраслью выступает сельское хозяйство, в буквальном смысле слова обеспечивающее жизнедеятельность общества, почему и является исторически и логически исходной сферой материального производства. И с этой точки зрения оно оказывается фактором национальной продовольственной безопасности любой страны на любом этапе ее истории. Процветание самого сельского хозяйства во многом определяется отраслями, с которыми оно прямо и непосредственно взаимодействует. И уже вследствие этого все они в совокупности образуют единый агропромышленный комплекс, имеющий сложную структуру, представленную следующими тремя крупными сферами, или блоками:

- сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение для пищевой промышленности, агрохимическая и комбикормовая промышленность, система материально-технического обслуживания сельского хозяйства, мелиоративное и сельское строительство;

- растениеводство, животноводство, рыболовство, лесное хозяйство;

- пищевая промышленность, холодильное, складское, специализированное транспортное хозяйство, торговые и другие предприятия и организации, осуществляющие доведение конечного продукта до потребителя, включая оптовые рынки, розничную торговлю и общественное питание.

Кроме того, к каждой сфере относятся соответствующие отрасли науки и подготовки кадров. Структура АПК отражает уровень экономического развития страны. Чем более развита страна, тем меньше численность занятых непосредственно в сельском хозяйстве, тем более эффективным оказывается сельскохозяйственный труд. АПК все более тесно взаимодействует и со многими другими отраслями народного хозяйства.

В годы рыночной трансформации преобразования распространились на все сферы АПК. Но именно в сельском хозяйстве они обладают совершенно особой спецификой, обусловленной тем, что основным средством производства в данной отрасли народного хозяйства выступает земля, сельскохозяйственные угодья. Уже вследствие этого природу аграрных отношений как особой разновидности экономических отношений определяет собственность на эти угодья. И если рыночные отношения есть отношения индивидуальной и/или совместной форм собственности на средства производства, то и аграрные отношения имеют своей основой аналогичные формы собственности на землю и другие средства производства, используемые в сельском хозяйстве. Специфика аграрных отношений в рыночной экономике по существу этим и ограничивается.

Несравненно более сложной была природа социалистических аграрных отношений. Социализм — это система отношений общественной собственности на средства производства. Она является господствующей, доминирующей. Как известно, государственная собственность на землю была провозглашена одним из первых декретов советской власти. Однако наряду с данной формой собственности в сельском хозяйстве была сформирована еще и кооперативно-колхозная форма собственности на остальные средства производства, сосредоточенные в данной сфере экономической деятельности. В качестве кооперативов в советской деревне выступали колхозы, созданные в процессе раскулачивания, направленного, по

существо, на разрушение рыночных отношений в деревне, и последующего так называемого добровольного объединения индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные кооперативно-колхозные хозяйства. Данная форма собственности рассматривалась как вынужденная, обусловленная отсталостью сельскохозяйственного производства в связи с преобладанием здесь примитивного ручного труда. В перспективе, по мере насыщения крестьянского труда техникой, она должна была перерасти в общенародную, хотя сама эта сельскохозяйственная техника, сосредоточенная в машинно-тракторных станциях (МТС), оставалась в государственной собственности и использовалась для производства сельскохозяйственной продукции колхозниками как членами кооператива. Пробразом сельскохозяйственных предприятий будущего служили совхозы — государственные предприятия, созданные на базе наиболее крупных механизированных бывших помещичьих хозяйств. На протяжении всех лет советской власти практиковалось в особых случаях превращение колхозов в совхозы в целях обобществления сельскохозяйственного производства, повышения его эффективности.

Как показала практика социалистического хозяйствования на земле, такое сочетание форм собственности оказалось губительным для сельского хозяйства. С одной стороны, сама по себе кооперативная собственность не порождает столь мощных стимулов к эффективному труду, как индивидуальная, при которой ответственность за результаты хозяйствования на земле полностью ложится на крестьянскую семью. А потому в развитых странах, как правило, преобладает фермерское хозяйство. Кооперативная собственность, как одна из форм совместного присвоения, формируется для решения общих проблем, к числу которых относится строительство предприятий по первичной переработке сельскохозяйственной продукции, возведение объектов всякого рода инфраструктуры и т.п. Но в еще большей мере мотивация к эффективному труду колхозников гасилась государственной собственностью на землю. Будучи объектом совместного присвоения, она воспринимается при таких масштабах обобществления бесхозной, ничейной, что питало безразличие к эффективности ее использования в условиях, когда именно она являлась здесь основным средством производства. Ситуация усугублялась жестким экономическим диктатом государства, коль скоро именно оно выступало собствен-

ником основного средства производства на селе. В качестве такового оно полностью формировало отношения внутри кооперативно-колхозного сектора. Им определялись объем и структура производства. Вся сельскохозяйственная продукция, произведенная в колхозах, подлежала обязательной продаже государству по заготовительным ценам, уровень которых также устанавливался государственными органами. Государством устанавливалась система оплаты труда колхозников, особенность которой состояла в том, что в течение длительного времени преобладала натуральная оплата в соответствии с выработанными трудоднями. Уровень оплаты труда колхозников был чрезвычайно низким, свои потребности они удовлетворяли главным образом за счет личного подсобного хозяйства. Чтобы при таких условиях закрепить рабочую силу на селе, колхозники вплоть до 60-х годов были лишены паспортов. Социалистические аграрные отношения как сочетание отношений государственной и кооперативно-колхозной форм собственности оказались крайне неэффективными, так как экономическая несостоятельность государственной собственности на землю усугублялась невозможностью при такой предпосылке реализоваться отношениям кооперативно-колхозной формы собственности, полностью подавленным государством. В конечном счете это и явилось причиной кризисного состояния сельского хозяйства при том, что данной отраслью народного хозяйства обеспечивается национальная продовольственная безопасность, она является основой повышения благосостояния населения, что провозглашалось не более и не менее как высшей целью социализма.

Итак, решающее значение в разрушении крестьянского уклада и сельского хозяйства в целом за годы советской власти имело уникальное в мировой истории сочетание государственной собственности на землю, а вплоть до 60-х годов и на сельскохозяйственную технику (МТС), и кооперативной собственности на прочие средства труда. Такое сочетание, по существу, свело на нет отношения кооперативной собственности, с одной стороны, наделило государство безраздельной экономической властью и в аграрной сфере экономических отношений — с другой. Такая власть была использована государством для проведения аграрной политики, направленной на превращение данной отрасли хозяйства в донора ускоренной индустриализации, в свою очередь подчиненной милитари-

зации. При острой потребности в инвестициях иной альтернативы не оказалось уже вследствие того, что именно в аграрной сфере была представлена наименее зрелая форма социалистической собственности — кооперативно-колхозная.

Состоявшееся донорство закончилось полным разорением сельскохозяйственного производства, в связи с чем страна — традиционный еще с дореволюционных времен экспортер зерна — превратилась в его импортера. Вследствие одного только этого обстоятельства (а были и другие, не менее важные, о которых говорилось выше), формировался дефицитный характер социалистической экономики, что все более ограничивало возможности удовлетворения растущих по мере увеличения численности населения первичных потребностей, каковыми являются потребности в продовольственных товарах. Однако это не очень смущало социалистических лидеров, неустанно призывавших свой народ к сознательному ограничению личного потребления во имя скорейшего построения светлого изобильного коммунистического будущего.

К моменту полного исчерпания сельским хозяйством своего потенциала в качестве донора тяжелой промышленности (а это случилось к началу 70-х годов) был найден другой. Таковыми стали отрасли ТЭК, выполняющие функцию донора отечественной промышленности по сегодняшний день.

Разрушительные последствия в сельском хозяйстве оказались необратимыми. Предпринятые в последующий период неоднократные попытки его возрождения не увенчались успехом. Одной из причин неудачи явилась проведенная по инициативе Н.Хрущева паспортизация сельского населения, следствием чего стал массовый отток трудоспособного населения в город. В начале 80-х годов в целях преодоления критической ситуации в области сельскохозяйственного производства была разработана Продовольственная программа, предусматривавшая выделение крупных капитальных вложений за счет государственных средств. Однако при сохранении прежней системы аграрных отношений данная проблема объективно не имела положительного решения, даже будучи возложенной на призванного для этого в ЦК КПСС молодого и энергичного бывшего первого секретаря Ставропольского крайкома М.С. Горбачева. Процесс разорения сельскохозяйственного производства и АПК в целом, принявший к исходу социализма катастрофический харак-

тер, оказался необратимым. При сохранении прежней системы аграрных экономических отношений даже в условиях принципиально изменившейся политики государства данная отрасль народного хозяйства, как показала практика, возрождению не подлежала.

Кризисное состояние сельского хозяйства оказалось наиболее глубоким. Оно было еще более усугублено в переходный период, начало которого ознаменовалось в постсоциалистических странах трансформационным спадом разной степени глубины и продолжительности, поразившим национальную экономику в целом. Причины трансформационного спада рассматривались выше. Напомним лишь, что они прежде всего порождены предшествующим развитием, и могут быть конкретизированы для аграрного сектора следующим образом:

- аграрный кризис формировался в течение десятилетий советской власти и явился следствием глубоких внутренних противоречий, порожденных сочетанием кооперативно-колхозной и государственной форм собственности, разрушительных по своему содержанию отношений между государством и колхозами. Слабая мотивация к эффективному труду в общественном хозяйстве была еще более ослаблена аграрной политикой государства, превратившего данную отрасль хозяйства в донора индустриализации и милитаризации экономики. Это имело своим естественным следствием наи-большую в рамках гражданского комплекса технико-технологическую отсталость сельского хозяйства, экономический потенциал которого выкачивался через механизм государственных заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, налоговую систему, систему оплаты труда колхозников, а также путем сведения к минимуму расходов на социальную сферу на селе;

- следствием вышеперечисленных обстоятельств явился активный процесс вырождения опустевшей советской деревни, начало которому было положено паспортизацией сельского населения в 60-е годы, что привело к массовому оттоку трудоспособного населения и к вымиранию оставшегося старшего поколения;

- полное бесправие в решении колхозных дел и низкий уровень оплаты колхозного труда гасили мотивацию к эффективному труду в общественном хозяйстве, побуждая колхозников к концентрации трудовых усилий в личном подсобном хозяйстве, чему способство-

вало ослабление деятельности карательных органов после разоблачения культа И. Сталина;

- пагубным по своим последствиям для сельского хозяйства оказался жесткий командно-административный стиль управления при профессионально низком уровне со стороны партийных и государственных органов, что способствовало не только углублению кризиса аграрных отношений, но и привело к полной утрате крестьянами навыков самостоятельного хозяйствования на земле, следствием чего явилась неспособность большинства бывших колхозников адаптироваться к рыночным условиям. Это породило во многом формальный характер преобразований колхозов и совхозов в рыночные структуры, не говоря уже о том, что при добровольной деколлективизации многие из них сохранились в первозданном виде и поныне;

- сформировавшийся в массовом общественном сознании за годы социализма принцип социального равенства, тем более устойчивый у старшего поколения, преобладающего в сельской местности, становится серьезным препятствием на пути становления фермерского хозяйства, порождающего психологически неприемлемую дифференциацию в уровне доходов.

С другой стороны, и без того кризисное состояние сельского хозяйства было усугублено обстоятельствами переходного периода, которые в сфере аграрных отношений заключаются в следующем:

- особая уязвимость сельского хозяйства вследствие сезонности, территориальной разобщенности хозяйствующих здесь субъектов и уже в силу только этого слабость позиций в отстаивании своих интересов, в противостоянии отраслям- монополистам;

- сжатие внутреннего рынка ввиду резкого снижения платежеспособного спроса населения в связи с либерализацией цен, особо ощутимое для сельского хозяйства, прямо и непосредственно выходящего на покупателя;

- неразвитость транспортной, складской, социальной и прочей инфраструктуры в сельской местности, что при ее высокой значимости в рыночной экономике снижает привлекательность данной отрасли как сферы приложения капитала;

- крайне слабая защищенность рыночных форм хозяйства, и прежде всего наиболее перспективного из них — крестьянско-фермерского) перед лицом как местного чиновничьего произвола, так и криминальных структур, что еще более усугублялось психо-

логическим неприятием сельским населением имущественного рас-
слоения;

- присущая всякому переходному периоду слабость правовой ба-
зы, в особенности регулирующей аграрные рыночные преобразова-
ния, возникающая в силу ряда причин: слабости номенклатуры,
представлявшей наиболее отсталые отрасли АПК; непривлекатель-
ности разоренного сельского хозяйства для частного капитала, а
следовательно, для появления новых форм собственности на селе;
восприятия левыми партиями и течениями государственной соб-
ственности на землю как последнего оплота социализма, а следова-
тельно, и отчаянной борьбы за ее сохранение, с одной стороны, сти-
хийного захвата лучших земель наиболее предприимчивыми потен-
циальными собственниками — с другой;

- растянувшиеся на все 90-е годы разрушительные последствия
либерализации внешнеэкономической деятельности, сразу же вы-
явившей неконкурентоспособность сельскохозяйственного произ-
водства, отраслей промышленности, входящих в АПК (протекцио-
нистский для этого комплекса эффект девальвации рубля появился
лишь в связи с финансовым кризисом 1998 г.), и вследствие этого
потеря ими значительной части внутреннего рынка;

- сложившийся ранее и углубленный в переходный период дис-
паритет цен, нарастание вследствие этого неэквивалентного обме-
на между промышленностью и сельским хозяйством и как неиз-
бежное следствие — падение эффективности производства, в связи
с чем количество убыточных предприятий в отраслях АПК оказа-
лось наибольшим;

- тяжелое финансовое положение сельскохозяйственных пред-
приятий усугублялось сохранением бремени расходов на содержа-
ние социальной сферы, передача объектов которой в муниципаль-
ную собственность была затруднена, с одной стороны, скудостью
бюджетов местных органов власти, с другой — отсутствием у по-
следних навыков управления такими объектами. В результате эти
объекты либо полностью пришли в упадок, либо оказались на гра-
ни закрытия, либо используются не по своему прямому назначе-
нию. Но в любом случае и без того традиционно слабая в сельской
местности социальная сфера оказалась в еще более тяжелом состо-
янии, что отнюдь не делает сельское хозяйство привлекательной
сферой приложения труда и капитала;

- резкое и несопоставимое с долей сельского хозяйства в ВВП снижение его государственной поддержки, столь традиционно мощной в развитых странах и тем более недопустимое в столь кризисной ситуации. Такое снижение в свою очередь сопровождалось сокращением выпуска готовой продукции в перерабатывающих сельскохозяйственное сырье отраслях, а также в отраслях первой сферы (ее структура дана выше) ввиду падения платежеспособного спроса сельскохозяйственных предприятий и индивидуальных крестьянских хозяйств, оказавшихся в тяжелом финансовом положении.

Вследствие всех этих обстоятельств аграрная сфера (блок), включающая растениеводство, животноводство, рыболовство и лесное хозяйство, подверглась разрушительным процессам в наибольшей мере. Так, удельный вес убыточных предприятий в ней составил порядка 90% при 40% — в среднем по промышленности.

10.2. Преобразование отношений земельной собственности и становление новых форм хозяйствования в процессе рыночной трансформации

Социалистическая практика хозяйствования в полной мере выявила экономическую несостоятельность аграрных отношений как отношений государственной и кооперативно-колхозной форм собственности на средства производства в их весьма специфическом сочетании. Преобразование этих отношений пошло в направлении становления рыночных форм хозяйствования, что означало коренное изменение отношений собственности. Наиболее важным при этом оказался вопрос о собственности на землю вследствие того, что в сельском хозяйстве она, имея в виду сельскохозяйственные угодья, является основным средством производства. Однако подход к данной проблеме был более широким. Учитывалось и то обстоятельство, что земля не только невоспроизводима и незаменима, будучи при этом важнейшим фактором развития общества, но и образует пространственно-территориальную основу государства, имеющую административно-региональную структуру. Поэтому вопрос о собственности на землю приобрел исключительную значимость. Однако в обстановке острого противостояния разных подходов со стороны различных партий и общественных движений в за-

висимости от их идеологических и прочих взглядов в полной мере не решен и поныне. С точки зрения социалистического менталитета (а его носителей осталось немало и среди политических и общественных деятелей), оптимальным является вариант незыблемости государственной собственности, в том числе и на сельскохозяйственные угодья, вопреки негативным результатам ее апробации во всех социалистических странах, вопреки мировой практике, вопреки мнению профессионалов-аграрников. Однако соотношение политических сил сложилось в пользу частной собственности на землю, альтернативы которой в условиях перехода к рыночной экономике не оказалось.

Реформирование аграрных отношений и в российской экономике пошло по пути преобразования отношений государственной собственности на сельскохозяйственные угодья в частную собственность хозяйствующих на земле экономических субъектов. В соответствии с Земельным кодексом частная собственность признана в России конституционным правом граждан. В качестве таковой она формируется как индивидуальная, так и совместная, где субъектами совместного присвоения выступают сохранившиеся колхозы, совхозы и вновь возникшие формы совместного хозяйствования типа ТОО, ЗАО, ОАО, кооперативов. Те и другие представляют крупные сельскохозяйственные предприятия, весьма различающиеся по уровню эффективности хозяйствования. Первый шаг к возникновению частной собственности связан с добровольной деколлективизацией сельского хозяйства, в ходе которой была осуществлена передача сельским жителям — колхозникам и работникам совхозов — земельных и имущественных паев, что и становилось основой их экономической свободы. В большинстве случаев деколлективизация сопровождалась преобразованием бывших колхозов и совхозов в принципиально новые формы индивидуального и коллективного хозяйствования, далеко не завершенным и по сей день.

Появление частной собственности на землю создало предпосылки для становления рыночного оборота земли, то есть ее купли-продажи, права аренды, наследования, залога земли. В свою очередь рыночный оборот актуализирует такие вопросы, как цена земли, арендная плата, земельный налог и пр., непосредственно связанные с проблемой дифференциальной ренты и рентных платежей. Успешное решение всех этих вопросов невозможно без разработки и принятия

земельного кадастра, работа над которым в России все еще не завершена, что препятствует становлению цивилизованного рыночного оборота земли. Но без него, как известно, невозможно сформировать оптимальных размеров крупные коллективные и индивидуальные сельскохозяйственные предприятия, а следовательно, уже вследствие этого обеспечить максимально возможный выход готовой сельскохозяйственной продукции с минимизацией трансформационных и транзакционных издержек на ее производство. Эти вопросы все еще решаются как в ходе стихийной конкурентной борьбы между товаропроизводителями, так и на уровне государственных и рыночных институтов, призванных создать наиболее благоприятные условия для наращивания производства сельскохозяйственной продукции, для развития всех входящих в АПК отраслей.

Институциональные преобразования призваны реформировать всю систему аграрных отношений и тем самым создать условия для становления эффективного и конкурентоспособного аграрного сектора. Частная собственность на сельскохозяйственные угодья прежде всего питает мотивацию к эффективному использованию земли и труда на ней, способствует повышению его производительности. Хозяйствующий на земле экономический субъект, выступающий в качестве физического или юридического лица, получает реальную возможность самостоятельного ведения хозяйства, под воздействием конкурентной борьбы и различных форм государственного регулирования сводя к минимуму свои трансформационные и транзакционные издержки на производство сельскохозяйственной продукции, в этих целях оптимизируя размеры своего хозяйства путем купли-продажи или аренды земли.

Необходимость такой оптимизации и порождает рыночный оборот земли, регулируемый, однако, в современной рыночной экономике не только рынком, но и государством. Ведь земля является общенациональным достоянием. И уже вследствие этого общество не может допустить полновластного распоряжения ею исключительно собственником земельного участка. Во всех развитых странах введен государственный контроль за деятельностью земельных собственников, направленный на учет и защиту интересов общества по сохранению, воспроизводству и эффективному использованию находящейся в частной собственности земли. Во всех этих странах действует законодательство, определяющее, кому,

в каких целях и масштабах можно продавать землю сельскохозяйственного назначения. Тем самым государство предотвращает спекуляцию земельными участками, их экономически неоправданную монополизацию, равно как и дробление при наследовании и аренде. При выдаче разрешений на создание и ведение фермерского хозяйства органы власти учитывают образование, опыт профессиональной работы на земле, профессиональную подготовку претендентов, а затем еще осуществляют и контроль за использованием земли в соответствии с ее целевым назначением.

Как известно, в России частная собственность на землю была узаконена Земельным кодексом, принятым летом 2001 г. Тем не менее формирование законодательной базы далеко от завершения. Многие вопросы по-прежнему ждут своего решения, в том числе и вопрос о рыночном обороте земли, хотя в реальной практике стихийный оборот уже давно существует. Однако законодательная база, призванная придать ему юридическую силу, еще не создана. Между тем рынок земли в рыночной экономике не менее значим, чем рынок товаров, капиталов, рабочей силы. Он позволяет сконцентрировать землю в руках наиболее предприимчивых и энергичных экономических субъектов, способных с наибольшим эффектом вести совместное или индивидуальное хозяйствование на земле, а аренда как один из важнейших способов оборота земли предоставляет возможность добиться этого наиболее дешевым, а потому и доступным способом, что особенно важно в условиях дефицита денежного капитала. Чрезвычайно актуальной остается и по сей день не решенная проблема кадастровой оценки земли, весьма затрудняющая вследствие своей неразрешенности оборот земли, не говоря уже о необходимости создания инфраструктуры такого оборота, его кадрового обеспечения. Более четким с точки зрения законодательного оформления должно быть разграничение функций федеральных и региональных властей. Если на федеральном уровне резонно определять общие принципы регулирования земельных отношений, призванные обеспечить общегосударственную защиту конституционных прав граждан, и прежде всего прав крестьян на землю, то региональные органы осуществляют последовательную практическую реализацию прав граждан на землю применительно к экономическим, социальным, политико-истори-

ческим, национально-этническим и прочим условиям и особенностям каждого данного региона в отдельности.

Как уже отмечалось, в ходе рыночных преобразований не только была допущена частная собственность на землю, но и произошла ликвидация на добровольной основе большинства колхозов и совхозов. На их базе возникают новые крупные сельскохозяйственные предприятия, сугубо рыночные по своей природе. Однако оптимизация размеров таких хозяйств по концентрации земельных угодий и рабочей силы, будучи чрезвычайно актуальной, все еще не решена, так как подавляющее большинство из них пришло на смену прежним гигантам. К тому же многие хозяйства оказались в тяжелом финансовом положении, а их адаптационные способности к рыночным условиям оказались невысокими. При такой ситуации крайне важна экономическая поддержка государством наиболее перспективных и жизнеспособных из них. К тому же, как известно, проблема продовольственной безопасности является национальной, а потому и решается при активном участии макроэкономического субъекта, то есть государства.

В процессе аграрных преобразований возникли два типа хозяйствования: индивидуальное хозяйство граждан и крупные сельскохозяйственные организации (предприятия) нового типа. Число последних на начало 2003 г. составило 25 тысяч. Хозяйства граждан в современной России представлены следующими видами: личное подсобное хозяйство, которым занято в текущем году 16 млн. сельских семей; коллективное и индивидуальное садоводство, коллективное и индивидуальное огородничество городских семей, число которых составляет ныне 19,3 млн., а также крестьянское (фермерское) хозяйство — таковых 264 тысячи (А.Емельянов. Взаимодействие форм хозяйств в аграрной экономике. Вопросы экономики, 2003, №11, с. 120). Каждому из них присущи свои особенности, на которых и остановимся.

Личное подсобное хозяйство — это форма сельскохозяйственного производства, осуществляемого на приусадебных и полевых участках личным трудом крестьянина и/или членов его семьи в целях удовлетворения потребностей в продовольствии и иных нуждах. Садовые, огородные и дачные земельные участки предстают формой землепользования, при которой земля предоставляется городскому населению или приобретает им для выращивания сельскохозяйственных культур или отдыха. При этом граждане могут на добро-

вольных началах создавать коллективные садоводческие, огороднические, дачные некоммерческие объединения или вести хозяйство индивидуально. Особое место среди индивидуальных хозяйств занимает крестьянское (фермерское) хозяйство. Его особенность состоит в том, что, будучи формой свободного, сугубо рыночного предпринимательства, ведущегося на собственной и/или на арендованной земле, оно нацелено на производство товарной продукции.

Что же касается крупных сельскохозяйственных предприятий (организаций), то они появились в процессе реорганизации колхозов и совхозов, все еще во многом формальной, в облике производственных кооперативов, закрытых и открытых акционерных обществ, товариществ с ограниченной ответственностью, новых типов кооперативов, государственных предприятий, подсобных хозяйств промышленных, транспортных, научно-исследовательских учреждений, ассоциаций крестьянских хозяйств и пр.

В ходе этих преобразований большая часть сельскохозяйственных угодий так и осталась у крупных хозяйств, между тем как в развитых странах картина диаметрально противоположная. Так, в США у крупнейших ферм, составляющих всего 5% от общего их числа, сосредоточено всего 10% сельскохозяйственных угодий, но их доля в производстве сельскохозяйственной продукции составляет более 60%. В РФ крупные сельскохозяйственные предприятия и поныне обладают 85% сельскохозяйственных угодий, однако их доля в выпуске готовой продукции не превышает и 40%, что весьма убедительно свидетельствует о более высокой эффективности индивидуального хозяйства даже в условиях преобладания ручного труда. Конечно, в развитых странах индивидуальное крестьянское хозяйство при современном уровне его технико-технологической оснащенности отнюдь не ассоциируется, как у нас, с мелким, чем и определяется весомость его вклада в производство готовой продукции.

Однако важно то, что за годы рыночных преобразований удельный вес в производстве сельскохозяйственной продукции и индивидуальных, и коллективных хозяйств существенно вырос, что свидетельствует об их не вызывающей сомнений более высокой эффективности в условиях, когда их подлинная реорганизация в рыночные структуры все еще далека от завершения.

Вполне естественно, что кризисное состояние как исходное для большинства советских колхозов и совхозов, унаследованное их преемниками, сдерживает процесс реорганизации на рыночных началах, не говоря уже о таком серьезном препятствии, как сохраняющийся во многом прежним менталитет бывших колхозников и работников совхозов в отношении их трудового усердия в общественном хозяйстве. К тому же многими из них утрачены едва ли не полностью навыки к самостоятельному хозяйствованию, что и заставляет держаться за бывшие колхозы и совхозы, хотя опорой они являются весьма слабой, так как многие из них и по сей день находятся в критическом состоянии. Основой выживания преобладающей массы сельского населения в крупных хозяйствах, как и в советские времена, по-прежнему служит личное подсобное хозяйство.

Принципиально иная ситуация сложилась в хозяйствах граждан. По существу, все формы такого хозяйства, кроме фермерского, не только существовали при социализме, но уже и тогда отличались более высокой эффективностью. А теперь они еще и наделены землей, перешедшей в их частную собственность, что еще более стимулирует трудовую деятельность. К тому же появилась реальная возможность расширения производства путем купли или аренды земли, что становится основой их перерастания в рыночные хозяйства. И хотя отечественное сельскохозяйственное машиностроение в советские времена было нацелено на производство техники для крупных, а не для индивидуальных мелких хозяйств, а потому уровень оснащенности техникой крупных хозяйств, даже не будучи высоким, все же несопоставим с уровнем оснащенности индивидуальных хозяйств, использующих преимущественно ручной труд, примитивную технику, — тем не менее именно индивидуальное хозяйство сельского и городского населения в наибольшей мере демонстрирует свою жизненную силу вопреки всем объективным трудностям. Вполне логично, что по мере насыщения техникой оно будет эволюционировать в фермерское с возрастанием вклада в производство товарной сельскохозяйственной продукции, тем более что по мере повышения платежеспособного спроса населения спрос на сельскохозяйственную продукцию неуклонно растет — со стороны возрождающихся предприятий перерабатывающей промышленности, приватизированных предприятий, торгующих продовольственными товарами, равно как и предприятий обще-

ственного питания. Растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию становится важнейшим фактором экономического подъема всех отраслей АПК. А уж кто окажется наиболее конкурентоспособным товаропроизводителем — крупное совместное или индивидуальное крестьянское хозяйство, покажет время. Важно создать в ходе институциональных преобразований благоприятные предпосылки для становления и функционирования того и другого.

10.3. Объективная необходимость и основные направления государственной поддержки сельского хозяйства

Как уже отмечалось, сельское хозяйство в постсоциалистической экономике России оказалось в состоянии чрезвычайно глубокого кризиса. И уже вследствие этого обстоятельства государство не может быть безучастным к судьбе отрасли, определяющей продовольственную безопасность страны. Такая безопасность предполагает обеспечение соответствующими ресурсами, производственным потенциалом и гарантиями национальной экономики и ее АПК. В свою очередь, подобное обеспечение позволяет удовлетворять потребности населения в продуктах питания в соответствии с физиологическими нормами, не снижая при этом государственного продовольственного резерва с учетом изменяющихся внутренних и внешних обстоятельств. Для России решение этой проблемы чрезвычайно актуально в условиях далеко не преодоленного кризисного состояния сельского хозяйства, длительного характера институциональных преобразований, низкой эффективности сельскохозяйственного производства, слабой конкурентоспособности его продукции на внешних рынках, а уж тем более — в преддверии вступления страны в ВТО, налагающего на нее определенные обязательства и ограничения во внешнеэкономической деятельности.

При решении государством проблемы продовольственной безопасности возможны варианты. Может быть поставлена цель активного включения национальной экономики в систему международного разделения труда, можно пойти по пути проведения политики активного аграрного протекционизма, можно найти оптималь-

ный вариант сочетания того и другого. Последний представляется наиболее приемлемым для российских условий вариантом решения данной проблемы. А реалии таковы, что кризисное состояние отрасли далеко не преодолено, зависимость национальной экономики от импорта продовольствия по-прежнему остается высокой, а конкурентоспособность отечественной продукции — низкой. Поэтому жизненно необходима существенная и всесторонняя поддержка сельского хозяйства, равно как и АПК в целом, со стороны государства для обеспечения сбалансированного развития всех его блоков. Такую поддержку вполне уместно осуществлять и путем проведения политики умеренного аграрного протекционизма.

Мировой практикой наработаны многообразные и весьма эффективные способы и методы вмешательства государства в деятельность этого комплекса в условиях рыночной экономики. Оно осуществляется методами проведения налоговой и таможенной политики, предоставлением льготных кредитов, а также бюджетных субсидий наиболее слабым и вместе с тем значимым звеньям этого комплекса, воздействием на уровень оплаты труда, развитием социальной сферы на селе за счет средств государственного бюджета, что является не только фактором повышения жизненного уровня сельского населения, но и фактором закрепления трудоспособного населения в сельской местности. Широко используется система государственных заказов на производство сельскохозяйственной продукции с гарантированными ценами по ним в рамках долгосрочной государственной программы, ограничивается тенденция к монополизму путем регулирования паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

Как показывает китайский опыт аграрных преобразований, чрезвычайно перспективным является стимулирование развития местной промышленности на селе, что позволяет снижать издержки на переработку сельскохозяйственной продукции, преодолевать сезонный характер занятости сельского населения, обеспечивать прирост рабочих мест, стоимость которых к тому же в сельской местности значительно ниже, чем в городе. В этой же связи более чем актуально возрождение промысловой кооперации, в дореволюционное время для России традиционной и весьма эффективно функционировавшей.

Немаловажное значение имеет и законотворческая деятельность государства, направленная на подлинную защиту прав собст-

венности, в том числе и на землю, от произвола местного чиновничества и криминальных структур, на правовое регулирование взаимоотношений между хозяйствующими на селе субъектами. Вместе с тем при формировании законотворческой базы следует исходить и из того, что земля является национальным достоянием. Поэтому общество не может допустить полновластного распоряжения ею исключительно по усмотрению собственника. За государством в цивилизованных странах остается контроль, обеспечивающий защиту интересов всего общества по сохранению, воспроизводству и эффективному целевому использованию земельных ресурсов. Так, государство призвано законодательно закрепить использование сельскохозяйственных угодий (а в их состав включаются пашня, залежь, многолетние насаждения, сенокосы и пастбища), только для сельскохозяйственного производства хозяйствующими субъектами, имеющими специальное образование и опыт работы в сельском хозяйстве. В случае их неиспользования или нецелевого использования должно быть предусмотрено изъятие у собственников сельскохозяйственных угодий в законодательном порядке с передачей в резервный фонд государства или органам сельского самоуправления. Такая деятельность государства призвана обеспечивать повышение эффективности труда в отраслях АПК, сельского хозяйства — в том числе и прежде всего, что и становится основой роста жизненного уровня населения, укрепления продовольственной безопасности страны.

Накопленный развитыми странами опыт государственной поддержки сельского хозяйства вполне может быть использован и в постсоциалистических странах, с корректировкой на национальные особенности и традиции, на переходное состояние экономики. Следует иметь в виду и то, что в российских условиях ныне чрезвычайно актуализировался вопрос об улучшении качества сельскохозяйственных угодий, резко снизившегося за годы рыночных преобразований. Это нашло выражение в эрозии почвы, ее засолении, резком сокращении содержания гумуса, что привело к значительному падению плодородия почвы. Пагубны последствия разрушения мелиоративной системы, длительного неиспользования минеральных и органических удобрений большинством хозяйств.

Особое место в государственном регулировании АПК занимает внешнеэкономическая деятельность, направленная на защиту интересов национального производителя. Такая защита должна дифференцироваться по отдельным видам товаров и товарных групп в зависимости от насыщенности внутреннего рынка конкурентоспособной отечественной продукцией. При этом, однако, должна достигаться гармонизация экономических интересов производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции, которые, как известно, далеко не всегда совпадают.

Государственная поддержка сельскохозяйственных производителей должна быть дифференцированной в зависимости от их финансового положения и перспектив развития. Предоставление всякого рода ссуд и льгот должно осуществляться на конкурсной основе тем, кто действительно способен использовать их с наибольшим экономическим эффектом. Весьма перспективна складывающаяся в стране система лизинга сельскохозяйственной техники, позволяющая даже в условиях дефицита денежного капитала немедленно приступить к механизации и автоматизации сельскохозяйственного труда. Необходим государственный контроль за использованием льготного кредита. Несостоятельно огульное списание задолженности. В отношении убыточных хозяйств целесообразно введение внешнего управления, под эгидой которого осуществляется их финансовое оздоровление путем реструктуризации задолженности, проведения реорганизации, воздействия на специализацию в целях большего соответствия местным природно-климатическим условиям и пр.

Буквально в последние годы наметилось возрождение российского сельского хозяйства и, что весьма примечательно, появились первые признаки восстановления страной экспортного потенциала зерна. И в этой связи важно закрепить этот потенциал в целях его дальнейшего наращивания путем повышения плодородия почв, насыщения отрасли сельскохозяйственной техникой, интенсивного развития в стране соответствующей транспортной, складской и прочей инфраструктуры, реорганизации закупочной системы, контроля за паритетом цен, стимулирования деятельности институтов рыночной инфраструктуры, обслуживающих аграрный сектор, что в совокупности и позволит обеспечить возрождение не только сельского хозяйства, но и АПК в целом.

Вопросы для повторения:

1. Какова специфика аграрных отношений в социалистическом обществе?
2. Чем объяснялось кризисное состояние сельского хозяйства в советской экономике?
3. Какие факторы обусловили углубление аграрного кризиса в переходный период?
4. Каковы основные направления аграрных преобразований в российской экономике?
5. Какие типы индивидуального и совместного хозяйствования формируются в аграрном секторе в процессе рыночных преобразований?
6. Как происходит становление рыночного оборота земли и какова его значимость в повышении эффективности сельскохозяйственного производства?
7. Чем определяется необходимость государственной поддержки сельского хозяйства и в каких формах она осуществляется?

Темы докладов, рефератов, эссе:

1. Аграрный кризис в советской экономике: причины и масштабы.
2. Особенности аграрных преобразований в постсоциалистической российской экономике.
3. Проблемы становления частной собственности на сельскохозяйственные угодья и оборота земли в российской экономике.
4. Основные виды сельскохозяйственных предприятий в современной российской экономике и эффективность их деятельности.
5. Формы, способы и масштабы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей в постсоциалистической экономике.

Литература:

1. Бuzдалов И. Частная собственность на землю — основа эффективного сельского хозяйства//Вопросы экономики. — 2000, №7.
2. Земельный вопрос и аграрная реформа. Рубрика/Вопросы экономики, 2001, №8.
3. Рылько Д. Новые сельскохозяйственные операторы в аграрной системе России//Мировая экономика и международные отношения. — 2001, №1.

4. Теоретические проблемы переходной экономики/Под ред. В.В. Радаева. — М.: ТЕИС. 2003 (гл. 5.4).
5. Экономика: Учебник. — М.: Проспект, 1998 (гл.31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемом учебном пособии рассмотрен основной круг проблем, порожденных преобразованием плановой социалистической экономики в рыночную капиталистическую. Подводя итоги, отметим наиболее существенные моменты:

- социализм как экономическая система в полной мере выявил свою несостоятельность с точки зрения обеспечения прогресса общества, измеряемого в конечном счете ростом благосостояния населения, а потому и не подлежит реанимации, что, однако, не исключает временного отступления, движения вспять, что и находит выражение в призывах и даже фактическом пересмотре итогов приватизации;

- движение к рыночной экономике носит необратимый характер, что вполне соответствует интересам всех слоев населения, а отнюдь не только собственников, как это представляется на первый взгляд. Именно собственники прежде всего призваны обеспечить возрождение национальной экономики, так как это тождественно воспроизводству их социального статуса в качестве таковых;

- высокая социальная цена рыночных преобразований неизбежна в условиях, когда экспроприации подлежит собственность всего народа, а вместе с ней упраздняются экономические формы ее реализации, среди которых наиболее осязаемыми являются всеобщая гарантированная занятость и фактически бесплатное предоставление общественно значимых благ и услуг через общественные фонды потребления, утрата которых воспринимается населением особенно болезненно;

- государство в меру своих ограниченных возможностей небезуспешно сглаживает негативные социальные последствия радикальных институциональных преобразований, что и позволило избежать крайних форм социальных конфликтов, подобных гражданской войне, последовавшей за революцией 1917 г.;

- государство переходного периода все в большей мере позиционирует себя в качестве носителя общенациональных интересов,

усиливая социальную политику, ужесточая борьбу с коррупцией, повышая эффективность контроля за частнопредпринимательской деятельностью, направляя ее в русло реализации вышеуказанных интересов;

- экономический рост, в ходе которого преодолеваются структурные и технологические дисбалансы предшествующего развития, решается проблема макроэкономического равновесия в соответствии с рыночными критериями, приобретает и в российской экономике устойчивый характер;

- по мере укрепления хозяйственного законодательства все более цивилизованные формы приобретает конкурентная борьба, хотя криминализация экономической деятельности все еще остается высокой.

Преждевременно пока говорить о завершении переходного периода в большинстве постсоциалистических стран, в России — в том числе. Промышленный капитал не получил всеобщего распространения, по-прежнему сохраняется в тех или иных масштабах нерыночный сектор, не завершено формирование нового класса собственников, продолжается раздел и передел объектов собственности и становление корпоративного управления, полным ходом идут институциональные преобразования, включая преобразование деятельности государственных институтов в соответствии с законами смешанной рыночной экономики. И тем не менее в исторически кратчайший срок Россия сделала гигантский шаг на тернистом пути формирования национальной модели современной рыночной экономики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимов Н.И.* Политическая экономия современного способа производства. — М.: Экономика, 2002.
2. *Бальцеревич Л.* Социализм, капитализм, трансформация. — М.: Наука, 1999.
3. *Булатов В.В.* Фондовый рынок в структурной перестройке экономики. — М.: Наука, 2002.
4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. — М.: Наука, 1990.
5. Бюро экономического анализа. Обзор экономической политики в России за 2001 год. — М.: ТЕИС, 2002.
6. *Волконский В.А.* Институциональные проблемы российских реформ. — М.: 1998.
7. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: Советская Россия: МП «Октябрь», 1991.
8. Воспроизводство и экономический рост/Под ред. В.Н.Черковца, В.А.Бирюкова. — М.: ТЕИС, 2001.
9. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. — М.: 1995.
10. *Колодко Г.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. — М.: 2000.
11. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. Большие циклы конъюнктуры. — М.: Экономика, 1989.
12. *Корнаи Я.* Дефицит. — М.: Наука, 1990.
13. *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. — М.: НП Журнал «Вопросы экономики», 2000.
14. *Красникова Е.В.* Развитие капитализма в России век спустя. — М.: ТЕИС, 2003.
15. *Львов Д.С.* Экономика развития. — М.: Экзамен, 2002.
16. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. — М.: ЦИСН Миннауки России, 1996.
17. *Нигматулин Р.* Как обустроить экономику России. — М.: 2003.
18. *Носова С.С.* Экономическая теория. Краткий курс, часть 5. — М.: ВЛАДОС, 2003.
19. *Ослунд А.* Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока. — М.: Логос, 2003.
20. *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. — М.: Экономика, 1998.
21. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. — М.: Издательская фирма «Химия и бизнес», 1999.
22. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.— СПб: Алетейя, 2002.
23. *Пороховский А.А.* Вектор экономического развития. — М.: ТЕИС, 2002.

24. Российская экономика. Финансовая система/Под ред. В.В. Герасименко, А.Е. Городецкого. — М.: ТЕИС, 2000.
25. Рыночная система России: эволюция экономической роли государства. Под ред. А.А. Пороховского. — М.: ТЕИС, 2001.
26. *Серова Е.В.* Аграрная экономика. — М.: Экономика, 1999.
27. Теория переходной экономики. Микроэкономика/Под ред. В.В. Герасименко — М.: ТЕИС, 1997.
28. *Теория переходной экономики. Макроэкономика/Под ред. Е.В. Красниковой.* — М.: ТЕИС, 1998.
29. Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы/Под ред. К.А. Хубиева. — М.: ТЕИС, 2003.
30. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции//Новый мир. — 1900, №4.
31. *Хайек Ф.-А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Экономика, 1995.
32. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. С. 169—194.
33. Экономические субъекты постсоветской России. В 3 ч./Под ред. Р.М. Нурсева. — М.: Московский общественный научный фонд, 2003.
34. *Ясин Е.Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. — М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

***Красникова* Евгения Васильевна**

Экономика переходного периода
Учебное пособие

Главный редактор *И.В. Кондаков*

Редактор *А.В. Корзун*

Корректор *Л.М. Михайлова*

Компьютерная верстка *К. Пахорукова*

Подписано в печать 15.01.2005. Формат 60х90/16

Гарнитура *Newton C*

Усл. печ. л. 18,5. Тираж 2000 экз. Заказ № А-41

ООО «Омега-Л»

123002, Москва, Столярный пер., д. 14, под. 2, оф. 23

Тел: (095) 258-08-38

www.omega-l.ru

Отпечатано в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс» в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.